Владимир Гуляев

Солдатская Любань. 1942

Художественно-документальная

Повесть

Помнить и не забыть

Документальный очерк

Барнаул 2020

ББК 84(2Рос-Алт)6-44

УДК 929
В57

В57 **Гуляев В.**
Солдатская Любань. 1942 : Художественно-документальная повесть / **Помнить и не забыть** : документальный очерк / Владимир Гуляев - город Барнаул, 2020 год - 172 стр. Типография «Графикс». Фото из личного архива автора.

В основу повести «Солдатская Любань. 1942» легли реальные события, происходившие на Волховском фронте с июня 1941 года по апрель 1942 года при защите города Ленинграда.

Документальный очерк «Помнить и не забыть» посвящён родственникам автора жителям сёл Шелаболиха и Новообинцево Алтайского края, участникам Великой Отечественной войны 1941-1945гг.

Данная книга—третья полноценная книга автора, изданная в типографии «Графикс». Стихи и рассказы автора издавались в сборниках: «Золотое перо Алтая 2018» (г.Бийск), «Держава» 2019, «Книжным детям» 2019, «Сердцевина» 2020 к 130-летию Б.Пастернака, «Non\fiction» 2020 (г. Волгоград);

в литературных журналах: «Север» № 05-06 2020г. (г. Петрозаводск), «На русских просторах» № 2(41) (г. Санкт-Петербург), «Иван да Марья» № 7 (55) июль 2019г. (г. Чебоксары), «Заржал восторженный Пегас» вып.3, 2018г., (г. Лысьва), «Страна Озарения» № 73 2020г., (г. Новокузнецк);

изданы три отдельные книги:

«Неразгаданный секрет арифмометра. Вовкины истории», 240 стр. г.Барнаул, 2019г., «Сборник рассказов и стихов», 240 стр. г.Барнаул, 2019г., «Солдатская Любань.1942. Помнить и не забыть», 172 стр. г.Барнаул, 2020г.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 929
ББК 84(2Рос-Алт)6-44

© Владимир Гуляев, текст, фото, 2020

Солдатская Любань. 1942

Художественно-документальная повесть

Любанская наступательная операция.
7 января - 30 апреля 1942 г.
Проводилась войсками Волховского фронта.

Коротко об авторе

Гуляев Владимир Георгиевич *родился в 1957 году в селе Шелаболиха Алтайского края. С 1963 по 1977 жил в г. Норильске. Окончил НВИИ СТФ.*

С 1977г. проживает в г. Барнауле. Окончил Алтайский политехнический институт. Инженер-строитель.

Работал: проектный институт «Алтайгипроводхоз», «Сельдорпроект», заместителем председателя Павловского райпо по строительству, Главным архитектором Шелаболихинского района, директором Барнаульского рекламного комбината «Роскоопторгреклама», начальником Индустриального отдела АКГУП «АЦЗКН».

Член Российского союза писателей.

Дипломант литературных премий и конкурсов:

- им. В.В.Бианки, 2017г. в номинации – проза.

- «Люблю тебя, моя Россия!» XXV1 Всероссийского фестиваля авторской песни ГРИНЛАНДИЯ. 2018г.

- V городского поэтического фестиваля «Пушкинские строки» 2018г. Алтайский край, г.Бийск.

- II литературного конкурса «УРАЛЬСКИЙ КНИГОХОД» 2018г. в номинации – проза.

- «Золотое перо Алтая – 2018г.» в номинации «Проза».

-«Провинциальные чудики», посвящённого 90-летию В.М.Шукшина, 2019 г.

- Диплом лауреата 1-й степени VIII литературного конкурса «Своя песня» им. В.И. Юровских. 2019г.

- Диплом за литературное мастерство в Литературном конкурсе произведений о природе «Сохраним красоту» им. А.Н. Пискунова в номинации – проза. 2019г.

- Диплом за 3 место в номинации «Рассказы» 1-го Международного литературного конкурса «Держава – 2019», г.Волгоград, в номинации – проза.

Предисловие

Книг, посвященных подвигам и трагедиям Великой Отечественной войны, написано много как участниками, так и историками-исследователями.

Долгие послевоенные годы тема о 2-й ударной армии замалчивалась по известной причине: предательство и сдача в плен генерала армии А.А.Власова во время Любанской наступательно - оборонительной операции на Волховском фронте в 1942г.

Долгие годы, выжившие ветераны Любаньской операции и прошедшие рядом со смертью через всю войну, не хотели вспоминать о том, что происходило там в тех местах, которые за полгода стали огромным кладбищем в несколько сотен квадратных километров. И только иногда, в узком кругу родственников, они скупо делились своими переживаниями и воспоминаниями.

Клеймо и несправедливые слухи о 2–й ударной армии, как о «власовской предательской армии», приносили ветеранам моральные страдания. Как пишут историки и мемуаристы: это одна из страниц истории войны. Но за этой страницей и в этой странице находятся десятки, сотни тысяч сломанных судеб человеческих.

В текстах многочисленных мемуаров и исследованиях военных историков главное внимание обращалось на развитие военных операций с точки зрения военной науки, рассматривались полководческие способности генералов и командования. На сегодняшний день многое прояснилось о событиях у Мясного Бора, но многое так и осталось за неоткрытой страницей. За цифрами погибших, сдавшихся в плен

вместе и отдельно от генерала А.А.Власова, оставшихся в живых и вышедших из котла – «долины смерти», стоят души людей, солдат и офицеров, рабочих и крестьян.

Мой родной дед, Гуляев Леонтий (Леонид) Сергеевич - участник тех боёв у Мясного Бора с января по июнь 1942 года, рядовой красноармеец 236 кавалерийского полка 87 кавалерийской дивизии 2-й ударной армии. После выхода из окружения в районе Мясной бор, он продолжал воевать, защищая Ленинград, был трижды ранен: дважды ранения были средней тяжести. В начале августе 1944 года осколок разорвавшейся мины раздробил ему коленную чашечку. И, после четырёх месяцев излечения в госпитале, деда отправили на полгода в отпуск домой до июля 1945г.

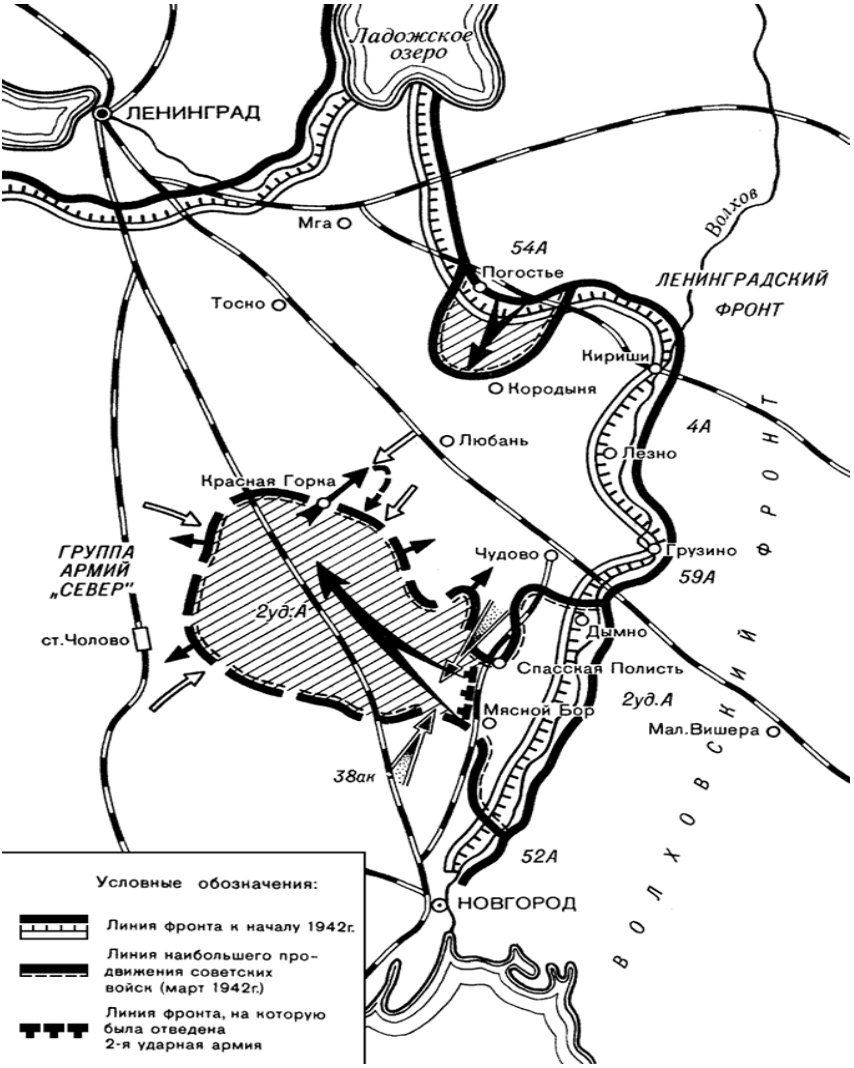
Собирая воспоминания о нём и других родственниках, для создания истории своей фамилии, я пришёл к мысли, что нужно бы написать рассказ–историю о солдате, о человеке, прожившем не очень длинную жизнь, всего пятьдесят три года, но честно прожитую и ярко, прожитую так, что многие из сельчан помнят его до сих пор.

Будет ли он (рассказ) интересен, не знаю, знаю то, что он должен быть. Как память о том поколении сибиряков, которые родились в самом начале 20 века, прошли несколько войн и революцию, коллективизацию и становление Советской власти. Основной моей целью было не описывать общеизвестные документальные факты и хронологии военных действий, а показать обычную военную жизнь простого русского солдата.

В книге были использованы реальные документы и воспоминания, происходивших тогда событий, с элементами художественного домысливания эпизодов,

что не повлияло на достоверность характера главного героя.

Автор



Краткая информация о главном герое повести

«Гуляев Леонтий (Леонид) Сергеевич, дата рождения: 04.05.1900г. Место рождения: Алтайский край, Павловский р-н, с. Новообинцево.

Дата и место призыва: сентябрь 1941 Павловский РВК, Алтайский край, Павловский р-н, коммунист, 2 класса образования, женат, 4 детей.

Начало службы: 236-й кавалерийский полк 13-й кавалерийский корпус 87-й кавалерийской дивизии. Дивизия формировалась как в/ч 2262. 21 сентября 1941 года в лагере под Барнаулом (разъезд №18) весь личный состав дивизии принимал присягу и полки получили от Барнаульских организаций трудящихся Красные шефские Знамена.

7 ноября 1941 года части дивизии в полном строевом составе принимали участие в демонстрации трудящихся Алтайского края.

Последнее место службы: рядовой, 194 гвардейский стрелковый полк 64 гвардейской стрелковой дивизии, 19.01.1943-09.05.1945гг.

Военно-пересылочный пункт, Ленинградский ВПП, Прибыл в часть - 14.01.1945года. Воинская часть - ВГ 1114.

Выбытие из воинской части - 15.01.1945 год.

Куда выбыл: Павловский РВК, Алтайский край.

Источник информации - ЦАМО. Номер фонда ист. Информации Ленинградский ВПП, Номер описи источника информации – 530167, Номер дела источника информации – 42836.

Тип лечебного учреждения: Эвакуационный госпиталь

Место дислокации: Ленинград

Район дислокации: Ленинградская область

Лечебное учреждение находилось в этом районе с 16.04.1943 по 01.04.1945гг. Дополнительная информация: г. Ленинград,

ул. Институтская, 5 л-д 18, п/я 563

Ранения – 3 ранения. Последнее ранение - август 1944г.

Участие в боевых действиях:

- (Январь-март 1942 – Любанская операция.

- Июнь-сентябрь 1943 - «Синявинская операция».

- Январь 1944 - «Пулковские высоты» - освобождение Красного села. - Февраль 1944 - Нарвская операция.

- 10 июня 1944 – Выборгская наступательная операция

- 10.06.44. - Июль 20-29 1944г. - освобождение Пскова, Нарвы.

- Август 1944 – Рига – «Курляндская операция»).

Награждения:

1.Медаль «За Отвагу».

2.Медаль «За оборону Ленинграда» от 10 октября 1943г.» Приказ подразделения от 10 октября 1943г. издан: 194 гв. СП 64 гв.сд (архиф ЦАМО, фонд 2294, опись: 2, ед. хранения: 50, № записи: 1532947822 (5)

На фото: Дед – Гуляев Леонтий Сергеевич с ранеными. Военный госпиталь в г. Ленинграде. 1944г.

* * *

Война. Любань.
Долина смерти - Мясной Бор.
Болота. Голод. Выстрелы в упор.
Полгода адской круговерти.
И смерть друзей однополчан:
Сержантов и солдат.
Кровавый взрыв и ранен дед.
Телега, тряска, медсанбат.

…**Т**ы помнишь, дед мой, Ветеран,
Свист пуль и крик души в атаке.
Как танк на танк шёл на таран,
И солнце в кровь. В каком-то мраке.
Был старшина неуязвим,
Кричал, перебегав от щели к щели:
Кто ранен – жив, кто невредим!
Вперед! В атаку! Мы у цели!

И поднимались, матерясь,
Ругались, как умели.
Вперед шли, смерти не боясь –
Не все из роты уцелели…
…Ты помнишь, дед мой, Ветеран:
Санбат и красные бинты.
Как умирал сосед от ран…
А прямо за окном - ЦВЕТЫ
1985г. (Автор)

Февраль 1945

Февральским морозным утром 1945 года Леонтий сошёл с поезда на вокзале города Барнаула, вдохнул полной грудью родной сибирский воздух.

Почти три с половиной года не был он дома. Три долгих военных года! Казалось, что прошла целая вечность.

Его никто не встречал, он специально не стал сообщать о своем приезде домой из госпиталя, где ему дали увольнение в запас, после трехмесячного излечения, на целых шесть месяцев! Шесть месяцев тишины, без войны! Шесть месяцев без стрельбы и потери боевых товарищей! Шесть месяцев дома, с женой и детьми!

Какое-то время Леонтий стоял, не двигаясь, наслаждаясь привокзальным городским шумом, на его груди, из-под расстегнутой шинели, виднелись две блестящие медали «За отвагу» и «За оборону Ленинграда». Только сейчас, только здесь в Барнауле, он ощутил то, что война далеко, а дом близко, вот он рядом, каких-то девяносто километров! «Как долго он не был дома! Целую вечность! Манька–Марийка, дочка, уже во втором классе! Генке - шестнадцать! А Фёдор с Николаем вообще уже – мужики! Николай даже повоевал, по инвалидности комиссован, но, главное живой! Скоро-скоро свидимся!» - мысли вихрем неслись в голове.

Мимо пробегали гражданские, встречавшие своих солдат, военные, прибывшие, как и он, из госпиталей: кто-то в увольнение, а кто-то и совсем по инвалидности на костылях. Суета вокзала его радовала, где-то рядом в этой суетной толпе смеялись и плакали, но это были слёзы встречи, слёзы радости.

Из первых двух вагонов выносили на носилках тяжелораненых, эвакуируемых в Барнаульские госпитали, для многих из них война, возможно, уже закончилась. «Ну, что же, до июля побуду дома, а там видно будет, может и война окончится, а нет - так на фронт! А сейчас бы, самое время, перекусить, да попутку до деревни или, хотя бы до Павловска, поискать» - подумал Леонтий и, прихрамывая на левую ногу, опираясь на палку-трость, вышел в город на привокзальную площадь.

На площади было людно, поодаль стояли конные подводы из саней-розвальней и саней–кошёвок, да пару полуторок, наполовину крытых брезентом. Некоторые возчики, одетые в длинные тулупы, были явно издалека. В надежде встретить знакомых, Леонтий подошёл к группе пожилых возчиков, куривших самокрутки.

- Привет, мужики!

- И тебе, солдат, доброго здравия!

- Что, всё? Отвоевался, слава Богу? Али как?

- Али как! Вот, как бы в отпуск домой на полгода. С госпиталя.

- Ну, это, слава Богу, живой остался! А там, глядишь, и война закончится, походу дела к лету фрица задавим! Кончилась его сила! Похоже, припёрли мы его к стене-то! Так, солдат?

- Похоже так! Но уж больно он сопротивляется, сволочь!

- Да и народу-то сколько положил! У нас в деревне в каждом доме, почти, похоронка. А где и две! Вот такие дела!

Мужики некоторое время курили молча.

- А ты, сам-то, с какой стороны будешь?

- Из-под Шелаболихи я, с деревни Новообинцево.

Вот, думал, может, кто из земляков среди Вас есть, или из ближней деревни, или из Павловска.

- Да был здесь один из-под Павловска, из Рогозихи, вроде. Кого-то привёз встречать тоже. Вон его сани стоят у чайной, а сам-то, наверно, для согреву зашел чарочку принять.

- Где воевал-то?

- Под Ленинградом. С января сорок второго всё там, под Ленинградом.

- Долго в госпитале-то пролежал?

- С начала сентября сорок четвёртого.

- Долго, однако! Серьёзное ранение.

- Да, в бедро и в колено попало. Третий раз за войну. Два раза-то более-менее, а вот в третий раз – хорошо задело. И главное опять в левую ногу, как на Гражданской. «Везучая» нога!

- Да, уж!

- Ну, ладно, мужики, спасибо вам!

- За что спасибо-то? Это тебе, солдат, спасибо за службу твою.

- Прощевайте! Пойду в попутчики проситься, авось повезёт.

- Да повезёт, куда он денется-то!

Леонтий направился к чайной. Внутри в прокуренном зале, пропахшем пивными парами, несколько небольших компаний мужиков решали насущные вопросы за кружкой пива. За крайним столиком сидел мужичок в сером тулупе, перед ним было полстакана с водкой, шматок сала с луковицей и хлебом, это явно был тот возчик из Рогозихи, он-то и нужен был Леонтию.

- Привет, земляк!

- И тебе, солдат, не хворать. – Рогозянин, степенно

допил водку, закусил.

- Ты ведь, земляк, из Рогозихи будешь?

- С Рогозихи. А ты, вроде как, не с нашей деревни. Откуда знаешь про меня-то?

- Да мужики, там, у вокзала, сказали. А я из Шадры, из Новообинцево, значит. Вот напроситься хочу у тебя, до Павловска добраться. А там, уж, я и пешком доберусь до деревни, или в попутчики попаду к кому-нибудь.

Рогозянин не торопясь завернул сало, остатки хлеба и лук в тряпку, сунул сверток в карман тулупа:

- Я то что, а вот председатель даст добро так по мне и поезжай.

Перекусить Леонтию не удалось.

Они вместе с возчиком вышли из чайной и направились к саням, количество которых заметно поубавилось, разъехались.

- Вона и председатель с супругой идут. Она у него на курсах каких-то была в Новосибирске. Поговори с ним, мужик он нормальный, тоже бывший фронтовик.

От вокзала к ним подходили женщина и мужчина. Мужчина немного прихрамывал. «Видимо, тоже ранение в ногу было» - подумал Леонтий.

- Добрый день, председатель! Земляка до Павловска не подбросите? Своим не стал сообщать, нежданно решил приехать.

- С Шадры он, из Новообинцево.

- Добрый-добрый, надеюсь! Отвоевал, значит.

- Нет ещё, на полгода, до июля на излечение еду. Фамилия моя - Гуляев. Леонтий Сергеевич.

- Ну, что ж, усаживаемся в сани, а по дороге и поговорим. Не поспешая, часов пять до Павловска будет, так что время есть наговориться.

Застоявшаяся лошадь, резво взяла с места, быстро перейдя с шага на мелкую рысь.

- Добрая лошадь, легко идет.

- А ты где воевал-то, Леонтий Сергеевич?

- Да, с января сорок второго, все под Ленинградом да около него. Вначале в кавалерии, а потом стрелком, пешим ходом да ползком.

- Да!… Не сладкое дело, война! Страшная и жестокая.

- А ты, председатель, видать тоже фронтовик?

- Да, был фронтовик. А вот весной сорок второго уже и отвоевался. Комиссовали в чистую.

На этом не длинный разговор двух солдат и закончился, до самого Павловска Леонтий и председатель перебросились ещё несколькими короткими фразами: не любили фронтовики о войне говорить, не любили и не хотели. Укутанные в теплые тулупы, под размеренное покачивание саней, мерный скрип полозьев о снег, похрапывание лошади, попутчики периодически погружались в короткий сон.

К вечеру въехали в Павловск. В центре села остановились, чтобы размять ноги.

- Леонтий Сергеевич, я вот спросить тебя хочу: а Николай Леонтьевич из Шелаболихи, случаем не твой сын?

- Николай? Мой. Старший сын. А, что?

- Да дельный парень! Сейчас он – первым секретарём райкома комсомола работает в Шелаболихе. Серьёзный и деловой парень! Отличный будет из него руководитель и хозяйственник! Я как-то в городе на совещании с ним познакомился. Молодой, боевой парень, он тогда ещё с костыльком ходил, прихрамывал. Да мы многие так, война пометила навсегда.

- Да, пометки на всю жизнь получились. Ну, спасибо тебе, председатель! Приятно слышать такое хорошее о сыне! Ну, и спасибо Вам, что подвезли! Может, ещё и встретимся!

- А в Павловске-то есть кто? Свои?

- Есть! Переночую, а завтра и дома буду!

На следующий день, ближе к полудню, Леонтий вошёл в родную деревню. То ли показалось ему, что солнце светит ярче, а воздух чище и мягче, а от снежных сугробов исходит такая легкость, какую он уже давно не испытывал, что хотелось бежать вприпрыжку, как в далёком детстве, то ли на самом деле было так. Комок подкатил к горлу, сердце застучало быстро-быстро, готовое выскочить и бежать впереди него, глаза увлажнились. Такого с ним ещё не бывало, а если и было, то когда-то давно - давно, в другой жизни, да затерялось, затёрлось и позабылось…

Война

Война была ожидаема, но, всё же, начавшаяся 22 июня 1941г. прогремела громом среди ясного неба.

Войны и лихие времена не обошли стороной и эти два сибирских села: Шелаболиху и Новообинцево. В каждую родовую семью постучала костлявая, и провела своей косой, где со скользом, а где и наверняка выкосила. Побывала и в моей родне.

В первую Империалистическую погиб Гуляев Савелий Сергеевич (1890-1914гг.). Имел 1 сына.

В Гражданскую войну (1918-1920 годы) были призваны в действующую Красную Армию ещё два Гуляевых:

Архип Сергеевич (1897-1970 гг.)

и мой дед - Леонтий Сергеевич (1900-1953гг.).

Архип был контужен на Польском фронте и вернулся инвалидом (стал на всю жизнь почти глухим от разрыва снаряда), а Леонтий отделался лёгким ранением в левую ногу. Потом были сложные годы коллективизации и становления колхозов. Подрастали дети, часто слушавшие вечерами от отцов военные рассказы, а днём, в свободное от полевых работ время, игравшие в «белых» и «красных» деревянными саблями и ружьями. И никто из них не знал, что где-то уже готовятся «планы» и на их судьбы, льются свинцовые пули, точатся болванки для снарядов и гранат…

Ещё не совсем забылись потери в тех войнах односельчанами своих родственников, а тут пришла новая страшная весть о войне с Германией: В 3 часа 15 минут утра 22 июня 1941 года началось вторжение в СССР. Фашистские самолёты бомбардировали Киев и Минск. В тот же день войну Советскому Союзу объявили союзники Германии - Италия и Румыния, 23 июня - Словакия, а 27 июня - Венгрия.

Почти все сельчане были на полевых работах и на покосе за рекой, но уже после полудня в центре села Новообинцево, у сельсовета был срочно созван митинг с представителями райвоенкомата. На нём объявили фамилии наших сельчан, которые сразу после митинга считались мобилизованными и направлялись на фронт, на защиту Родины…

«За всю войну из нашего села погибло 172 человека, много вернулось ранеными–инвалидами, были и те, кто вернулся целым и невредимым, но скажем прямо – немногим посчастливилось пройти все Ады войны и вернуться без увечья домой.

Хотя и были, можно сказать, удивительные для такой

войны случаи. Очень редкий случай имел место, и я думаю не только редкий для нашего села, но возможно и на весь Алтай. Фёдор Егорович Павлихин, наш колхозный шофёр, на своей машине-полуторке прямо с митинга увёз мобилизованных солдат в Барнаул на мобилизационный пункт. Там он тоже был мобилизован вместе с машиной и прошёл всю войну до самого поверженного Берлина, а после Победы к осени 1945г. вернулся на своей полуторке домой в свой родной колхоз «Комсомолец». Живым и даже не раненым.

Сельчане его часто спрашивали: «а ты, случаем, не в рубашке родился?». Вообще - то таких счастливчиков было даже по стране мало, а у нас – один на весь район». (1)

…Так в первых эшелонах мобилизованных сибиряков (1941 года) ушли на фронт и мои родственники из поколения дедов:

Гуляев Леонтий Сергеевич (04.05.1900г.р. – 20.10.1953гг.) - мой родной дед по отцу,

Гуляев Федор Сергеевич (1902 - 1995гг.),

Кечин Семен Дмитриевич(1907г.р. - 12.04.1942г.),

Калинкин Иван Гаврилович (1905 - 1988гг.),

Григорьев Александр Иванович (1912 - 1981гг.),

Гулимов Иван Яковлевич (1904г.р. -… гг.),

Кечин Яков Петрович (1913г.р. -19.. гг.),

Кечин Прокопий Петрович (1904г.р. - 1943г.),

Кечин Владимир Петрович (1924г.р. – 1944г.),

Гуляев Прохор Сергеевич (1896г.р. – 1942г.).

Синельников Кирилл Афанасьевич (09.06.1909 – 02.03.1995гг.)

Подвиги, совершенные ими, были отмечены Государственными наградами, орденами и медалями, и вошли в Летопись Победителей.

Мобилизация. 1941г.

Леонтий Гуляев, придя домой из конторы колхоза, швырнул фуражку на лавку у печи и сказал куда-то в угол избы, не глядя на жену:

- Всё, Паша, немчура опять войну затеяла! Стало быть, на днях мобилизуют. Это не гражданская буча будет, прольётся походу крови много. Ладно, что сыны ещё пацаны, может и минует их лихо. А мне надобно будет собираться.

Прасковья, жена Леонтия, охнув, опустилась на лавку, поднеся к лицу кончик платка, зажатого в левой руке.

Она, молча, посмотрела на мужа, как бы говоря ему: «А как убьют? Чё делать-то будем?».

Паша всегда мало разговаривала, такой у нее был характер – неразговорный, но все родные понимали её с полу-взгляда, с полуслова, с пол-улыбки.

Леонтий понял её взгляд, и ему стало жаль её, эту маленькую, робкую, всегда спокойную женщину. Он, возможно, впервые увидел всю её беззащитность и понял, что дороже этой женщины, матери его четверых детей, у него нет! Хотелось сказать какие-нибудь ласковые слова, но это было не в его характере - «нюни распускать», и он присел с ней рядом, обнял её своей крепкой мускулистой рукой:

- Нет, Паша, не убьют! Вернусь я, Паша, вернусь.

Сказал и как-то сам себе поверил, что не могут его убить на войне, не его это время! Не его! Ничего, они и не такое преодолевали, хоть в гражданскую войну, хоть в годы коллективизации: вилы всегда заточены были, да берданка заряжена.

Деревенские мужики, получившие повестки, уже в самые первые дни войны, собирались, молча в центре

села, прощались с женами, детьми и родственниками, усаживались в кузов полуторки, чтобы ехать в Барнаул на призывной пункт. С ними уехал добровольцем младший брат Леонтия – 39-тилетний Фёдор Сергеевич Гуляев, работавший заведующим Шелаболихинского «Заготзерно».

После отъезда мужиков как будто образовалась в деревне пустота, видимо и природа почувствовала беду, потому что и птицы стали щебетать, а не в полный голос петь да насвистывать, солнце хоть и пекло, но казалось, что светит через хмарь.

Через полтора месяца, в августе, пришел срок и Леонтию идти на фронт. В то время уже начали приходить похоронки в ближайшие деревни.

Рано утром Прасковья затопила печь, испекла шанежки. Дети тоже проснулись рано, расселись за столом все, всей семьёй, что было в последнее время не так часто. Леонтий сел, как всегда, в торце стола:

- Ну, вот сыны, такие дела, война значит. Посидим, позавтракаем, все вместе на дорожку. Может, и не свидимся более, по-разному мы жили: и хорошо и не очень, но дружно, как деды наши жили дружно и уважали свой род Гуляевых, да и к другим людям не врагами были. Так и вы живите далее. А бог даст, свидимся! Ну, а нет, то помнить будете.

Шанежки ели молча, макали в мед и запивали молоком. Все понимали, что отец может погибнуть. Одна маленькая Мария была радостная, видимо, от того что все были рядом, и, что солнечное утро своими теплыми лучами играло по комнате.

Провожала Леонтия вся большая родня: жена с детьми, старшие братья Прохор и Архип, каждый со своим многочисленным семейством. Прохору было уже

45 лет, а Архипу 43 года, но на фронт его уже не брали, отвоевался он в Гражданскую - получил сильную контузию, почти глухой стал после того.

- Эх, Лёва, повоевал бы и я с тобой, как тогда в гражданскую, да видимо не возьмут.

- Нет, брат, точно не возьмут. Здесь давай в деревне будь. Своих пацанов подымай, да за моими приглядывай. - Громко прокричал Леонтий Архипу на ухо. - Давай, Архип, прощаться будем.

Молчаливый Прохор протянул Леонтию руку, обнял крепко, да разговорился:

- Прощай брат Лёва! Фёдор уже воюет, вот и тебе время подошло. Если, что зла не держи, мало ли что было! Береги себя, насколько можно! Бог даст, свидимся! Я, видимо, тоже скоро призовусь, заявление уже написал в военкомат. О детях, не беспокойся, мы с Архипом, да с жёнками, присмотрим за ними. Да и в деревне, почитай, почти все родственники, так что обижены не будут. У меня самого семеро, а как на фронт уйду, тоже люди помогут им, поди. Вот такие, брат, дела.

- И ты, Прохор, на меня не обижайся, вроде в мире жили, но если есть обида - не держи!

Полуторка с сидевшими в кузове мужиками из соседних сёл уже стояла у сельсовета в ожидании новообинцевских новобранцев. Прощался с семьёй Леонтий не долго, не любил он эти нежности разводить, но защербило что-то в груди, заныло. И чтобы не затягивать время прощания, он быстро обнял жену, крепко пожал руку старшему сыну Николаю, потрепал по плечу среднего Фёдора, прижал к груди младшего Геннадия, пятилетнюю дочку Марусю, которую он нёс на руках от самого дома, поцеловал, погладил по голове, поставил на землю и повернулся к сыновьям:

- Матери, сыны, помогайте, а Марию не обижайте. Вернусь, проверю!

С этими словами он забрался в кузов отъезжающей полуторки и пыль, поднятая её колёсами, какое-то время ещё висела облаком, скрывая силуэты уезжавших мужиков.

Многие из них так и исчезли в той пыли военных дорог навсегда. И пыль толстым слоем засыпала их следы. Только память осталась в семейных альбомах и фамилии на плитах мемориала в центре села…

Полуторка тряслась и подпрыгивала на ухабах дороги, раскачиваясь из стороны в сторону. Мужики, молча куря самокрутки, зажатые в кулаке, думали каждый о своём. Оглядываться назад не хотелось, смотреть вперёд тоже особого желания не было.

Страха Леонтий не испытывал, была какая-то тревога, щемящая в груди, какое-то волнение, как перед грозой, когда начинала беспокоить раненая ещё в Гражданскую левая нога. Вспомнился старший брат, Савелий (1890-1915гг.), погибший в 1-ю мировую 1914 года. Савелий, молодой и красивый, с белокурыми кудрявыми волосами, высокий и широкоплечий, схожий чем-то с братом Фёдором. Тогда он тоже уехал с несколькими мужиками на подводах на ту войну, которая была далеко, да и не вернулся, не вернулись с войны в деревню и ещё мужиков тридцать. Леонтий многих знал и помнил.

Воспоминания всплыли сами, как-то сразу и так явно, как будто всё вчера происходило. Деревенские пацаны и девки провожали своих отцов и братьев до самой Каменской трассы, и они, беременная жена Савелия - Ольга, братья - Прохор, Архип, Леонтий и Фёдор, тоже шли рядом с телегами, прощались с

Савелием, как оказалось в последний раз и навсегда.

Позже Ольга родила раньше срока сына Алексея, практически в день гибели Савелия. Сейчас Алексей тоже, наверное, призывается в Новосибирске на фронт. Чуть позже Савелия и Прохор был призван в армию, отвоевал немного, около двух месяцев на румынском фронте, получил ранение в плечо, лечился в лазарете Екатеринбурга. Прохор вернулся, а вот Савелий так и сгинул где-то на полях войны четырнадцатого года.

Память напомнила Леонтию и давние годы, предреволюционные, когда они с братьями разнимали шадринских и самодуровских мужиков, дерущихся на льду, как бы на границе между двух деревень. Чего делили подвыпившие мужики так никто и не узнал. А он сейчас вот вспомнил тот случай с улыбкой и с внутренним удовольствием, как будто недавно это было. Несколько мужиков из той «свалы» сейчас тоже ехали с ним в кузове. Им, как и ему, было уже порядочно лет, кому-то сорок, кому-то уже и под сорок пять. Тогда эти мужики дрались, а они, братья Гуляевы, пошли их разнимать, с миром пошли, но получили кулаком кто в нос, кто в ухо.

Братья Гуляевы роста были небольшого, но широкоплечие, кряжистые. За себя могли постоять и своих не дать в обиду. И не стерпели. Понесли. Уложили на лёд тогда почти всех: и своих и чужих. После этого случая стали их звать «куликами» - «Кулик не велик, а всё же птица».

Вспомнил он и то, как они с Архипом в 20-х годах уходили на Гражданскую войну, как вернулись: Архип почти глухим после контузии на польском фронте, а он – хромающим от ранения в левую ногу.

И после Гражданской ещё долгое время бывшие

колчаковцы, разбежавшиеся и расселившиеся по мелким поселениям и заимкам, вредили и «портили кровь» местным властям. Они и сынки местных кулаков создавали в округе сёл и деревень вооружённые «летучие отряды», которые укрывались в лесах и сводили счёты с местными активистами, а то и просто занимались обыкновенным грабежом и бандитизмом. Остатки банды Кайгородова долгое время скрывались за рекой в Инском сосновом бору, откуда устраивали свои налёты на близлежащие сёла и деревни.

Поэтому в те далёкие годы всех председателей Сельских Советов вооружали винтовками и наганами. И ему, Леонтию, тоже, как председателю сельского Совета, избранному в 1929г. выдали три ружья: винтовку-трёхлинейку, две берданки и наган, который он всегда носил с собой.

По всей Сибири был сильный голод, и процветало воровство. Воровали всё, что можно было съесть или продать. В основном воровали животных, поэтому селяне вынуждены были загонять на ночь свой скот прямо в дома, если не было хорошо укреплённого скотного двора. Сельским Советам сильно добавило хлопот и тревог большой наплыв кочующих цыган и выселение из Киргизии в Сибирь бывших богатых киргизов. Эти люди, не имея ничего своего постоянного, не имея работы и своего жилья, вели себя как временщики, и воровство сделали своим главным ремеслом. Редкая ночь проходила спокойно, и очень часто среди ночи кто-нибудь из сельчан стучался в дом Леонтия и просил помощи. И тогда он поднимал по тревоге свой актив, вооружал их – и начинался поиск воров и краденого. Часто получалось сразу обнаружить

и пропажу и преступников, которые сознавались в совершенном воровстве и раскаивались.

В памяти всплыл и случай 1932 года, когда ворами были уведены две «коммунарские» лошади, и их поиск в течение суток ничего не дал. И только после того, как один киргиз, которого Леонтий принял и пристроил на жительство в колхозной конторе, видя, что большое семейство киргиза не сможет выжить, если им не помочь с жильем и работой, сообщил ему, кто украл и где пропажа. Вор был арестован, но не сознавался в своём воровстве. Пришлось посадить его до утра в погреб-ледник «для обдумывания своего бытия».

В те времена (30-е годы), Сельским Советам, было разрешено иметь свои «каталажки» - обычно это были амбары, куда сажали провинившихся крестьян или пойманных воров для временного задержания до передачи их соответствующим органам.

На следующий день подозреваемого забрали сотрудники районного ОГПУ, потом немного погодя его отпустили за недоказанностью, а через несколько дней Леонтия арестовали и осудили на семь месяцев по статье 110. УК (от 1929г.) - «Превышение власти или служебных полномочий…», обвинив его в незаконном лишении свободы невиновного человека.

«Как быстро бежит время» - думалось ему. И эти думки о скоротечности жизни, о постоянной борьбе за что-то и с кем-то, двигали его желваки, а руки сами сжимались в кулаки. - «И чего им всем надо, бьёшь их, бьёшь, а они всё не уймутся! Живи, работай, рыбачь, детей расти. Только жизнь более-менее наладилась. Хоть немного бы спокойно пожить, так нет, на тебе! Войну опять затеяли… Ну, что же, значит будем биться, чтобы

не убиться».

Проехали Павловск.

Там на центральной площади тоже толпились люди, уходившие на фронт и их провожающие.

Ещё через час полуторка въезжала в Барнаул.

Формирование дивизии

«В конце 1941 года НКО в целях экономии живой силы и лошадей начал формировать новые легкие кавалерийские дивизии, имевшие всего по 3447 человек личного состава. Эти мобильные дивизии состояли из трех кавалерийских полков, артиллерийского дивизиона с тремя батареям: из четырех 76-мм пушек М-27, четырех 76-мм пушек М-39 и четырех 82-мм минометов, а также полуэскадрона связи и небольшой службы материально-технического обеспечения. Полк легкой кавалерии такой дивизии состоял из четырех сабельных эскадронов, одного пулеметного эскадрона со 128 автоматами, артиллерийской батареи с четырьмя 76-мм и двумя 45-мм пушками, противотанкового взвода с семью противотанковыми ружьями, саперного взвода, а также санитарной группы и группы снабжения.

Все эти кавалерийские корпуса и дивизии показали себя весьма ценными в ходе боев в конце лета 1941 года и позже, во время битвы за Москву и зимнего наступления Красной Армии 1941-1942 годов.

Именно кавалерия, играя роль мобильных сил, становилась в авангарде наступательных операций и развивала успех при прорыве, проводя глубокие рейды по тылам вермахта. Число кавалерийских корпусов, дивизий и полков достигло своего пика на позднем этапе зимнего наступления в феврале 1942 года, когда Красная Армия имела в общей сложности 17 кавалерийских корпусов, 87 кавалерийских дивизий и два отдельных кавалерийских

полка». (2)

«В августе 1941 года на Алтае, в Барнауле, были сформированы 380-я стрелковая и 87-я кавалерийская дивизии (впоследствии 87-я была переименована в 327-ю стрелковую и 64-ю гвардейскую и отличилась в боях на Волховском фронте и при снятии блокады Ленинграда.)» (3)

В Барнауле новобранцев распределили по баракам и на следующий день определили места службы. Леонтий, как бывший кавалерист ещё с Гражданской войны, был зачислен в 236 кавалерийский полк 87-й кавалерийской дивизии, который располагался в бывшем пионерском лагере в Сухом логу.

В эту же дивизию, только в другой полк, попал и двоюродный брат Леонтия, Тимофей Гуляев, бывший полной его противоположностью, хитрый и скрытный от рождения Тимофей постоянно искал везде и во всём только личную выгоду, часто ничем не брезгуя. Он и тут сумел пристроиться в продовольственном транспорте, чем и подтвердил свою деревенскую кличку «Тима хитренький», которой его окрестили односельчане за его постоянные приспособленческие уловки и хитрости.

- Что, Тимоха, требуху набивать теперь будешь? Смотри аккуратней будь, не обожгись.

- Да, чё ты, Лева, я «аккурат» может ещё и тебе лишний кусочек мяса подкину. Мы же сродники!

- Кому сродник, а кому и не угодник! Прощевай, Тимоха!

- И тебе ветер в спину, Лева.

Вот такой диалог состоялся между Леонтием и Тимофеем Гуляевыми, и их дороги, у одного прямая как он сам, а у другого - извилистая, как у ужа, разошлись окончательно.

Леонтий даже рад был тому, что служить они будут в разных полках, а то в бою обязательно подведёт, подножку подставит, пускай уж подальше будет, так спокойней…

«Тимофей Гуляев, которого в деревне прозвали «Тима Хитренький» был призван в одно время с моим отцом в формирующуюся на Алтае 87-ю кавалерийскую дивизию, которая в боях под Любанью на Волховском фронте была окружена, но большинство кавалеристов сумело выйти из окружения, а Тимофей сдался в плен. Этим своим малодушием он окончательно погубил свою жизнь. Дальнейшая его судьба сложилась очень плохо, вначале он вместе с другими пленными был увезён в Германию, затем во Францию и дальше в Америку американцами в конце войны, а затем по договору между США и СССР они были возвращены на родину через Владивосток.

Мне в июне 1945 года довелось быть в городе Барнауле на комсомольских курсах и мы, слушатели тех курсов, организованно ходили встречать первый поезд с демобилизованными солдатами–победителями, пришедший прямо из Берлина.

Я тогда тоже встретил двух своих земляков - односельчан: Павла Степановича Бородкина и Ивана Яковлевича Гулимова. Оба они – артиллеристы, участвовали во взятии и штурме Берлина: артиллерийским огнём поддерживали пехоту, штурмовавшую Берлин. Выглядели они прекрасно - тогда ещё молодые, бравые солдаты. И надо же так случиться, что в стороне от этой бурно ликующей толпы мы увидели припухлого, грязного и небритого, одетого в старую латанную-перелатанную одежду нашего земляка - «Тиму Хитренького».

Мы его с трудом узнали:

- Тима, ты откуда же взялся такой?

- Я вернулся из кругосветного путешествия. За все эти годы своего плена я объехал вокруг земного шарика - был ответ.

И это была правда. После высадки из Америки во Владивостоке он зайцем на товарняках пробирался в г. Барнаул - на родину. Больше, после той встречи, я его не видел - в родную деревню он не вернулся.

Другой случай – дезертирство из трудармии Максима Гуляева, который долгое время скрывался в Заобских лесах, и в 1943 году замёрз в стогу сена. Третий дезертир - Николай Тапильский (старше меня на два года) дезертировал из действующей армии и, вместе с себе подобными, скрывался за рекой в лесах, а в 1946 году был арестован за убийство сторожа при ограблении магазина, и за все преступления был приговорён к расстрелу». (1)

В полк стало поступать обмундирование, вооружение, лошади и фураж. Каждый день новобранцы с Алтая, Красноярска, Новосибирска и Омска пополняли полк, в основном все они были из сельских мест, знающие и умеющие обращаться с лошадьми. Ежедневные занятия по боевой и конной подготовке проходили в усиленном режиме: с утра до обеда будущие кавалеристы отрабатывали посадку, удержание равновесия при разных движениях лошади: рысь, галоп, карьер и аллюры, различные способы управления лошадью. Нужно было, не только научится правильно сидеть на лошади, но и найти контакт с ней, для точного и правильного управления ей.

После обеда проходили стрельбы, лёжа и на скаку с седла: лошадь должна была привыкнуть к выстрелам, чтобы потом в бою не испугалась. Это оказалось целой наукой, но мужикам от сохи было чуть проще, чем городским, улучшить свои навыки верховой езды,

поэтому Леонтий через две недели уже плотно сидел в седле на своём коне по кличке Седой. Седой был резв, смел, послушно и чётко выполнял команды, даже на стрельбу почти не реагировал, воспринимал как само собой разумеющееся, казалось, что он родился, чтобы быть кавалерийским конём и именно у Леонтия. Они научились так понимать и дополнять друг друга, что даже новый командир полка майор Романовский, на днях прибывший в полк из госпиталя, при осмотре прохождения занятий, подъехав к группе всадников завёл разговор:

- Здравствуйте, бойцы! Я, командир полка, майор Романовский.

Рядом с Леонтием гарцевали, на разгоряченных после скачек лошадях, несколько всадников-красноармейцев, с которыми Леонтий уже хорошо подружился. Мужики были деревенские, почти его возраста и такие же спокойные и рассудительные, как и он: один земляк с соседней деревни Старообинцево - Бахарев Иван, двое со Змеиногорского района - Алексей Обидин и Матвеев Яков, и один - новосибирец Гриша Меньшиков.

- Красноармеец Гуляев.

- Красноармеец Бахарев.

- Красноармеец Обидин.

- Красноармеец Матвеев.

- Красноармеец Меньшиков.

- А как Вас величать-то, красноармейцы?

- Меня Леонтий, а это Иван, Алексей, Григорий и Яков.

- Хорошо, постараюсь запомнить.

Майор сразу распознал главного в этой компании и обратился к Леонтию:

- А ты, боец, похоже, прирожденный кавалерист? И конь у тебя добрый, понятливый!

- Да, товарищ майор, Седой молодчина! А я просто служил немного в кавалерии, ещё в Гражданскую, ну и в деревне всю жизнь на лошадях. А тут прямо наука! Вот мы её с сотоварищами и изучаем.

- Ну, что ж, хорошо, осваивайте науку, бойцы, пока время есть и на фронт ещё не едем, в бою поможет, там учиться некогда будет… Там стреляют… Вижу вас постоянно вместе, это правильно: если научитесь чувствовать друг друга, то и в бою вам будет легче. А сейчас главное надо запомнить, бойцы, что сегодня не Гражданская война, она сегодня совсем другая, механизированная. Поэтому шашкой махать нам не часто придется, а коней надо использовать для быстроты передвижения, как при преследовании врага, так и в рейдах по тылам, а может когда и при отступлении для перегруппировки и накопления сил. В общем, учитесь лавировать и думать, думать… Я в госпитале до этого дошёл.

- Ясно, товарищ майор, учтём.

- Ну, вот и добре!

Майор ушёл. Мужики спешились, привязали коней к веткам деревьев, присели кружком, достали кисеты и свернули самокрутки. Некоторое время курили молча.

- Вон оно как, мужики, майор уже и в госпитале успел побывать, а всего три месяца война-то! Прёт немчура! Видимо, майор на границе служил.

- А у нас в деревне, жена написала, уже на троих похоронные письма пришли.

- Надо нам друг дружки держаться, майор правильно сказал. Может и прорвёмся!

- Прорвёмся, обязательно прорвёмся. Ладно, покурили и вперед, - Леонтий молодцевато вскочил на коня, пригладил густые волнистые волосы, лихо водрузил фуражку и рванул с места в карьер, ему как-то легче стало после разговора с майором, уверенности, что ли он ему добавил, снял камушек, торчавший где-то посреди груди…

А майор шёл и думал о том, что многие из этих крепких сибирских мужиков будут убиты, кто-то, конечно, и выживет, но мало выживут, а судя по первым месяцам войны, по вооружению немцев, по их технической оснащённости, она будет затяжной и жестокой. Он уже почти со всеми в полку повстречался, со многими побеседовал, и сделал для себя горький вывод: мало времени на подготовку и обучение, мало. Хотя практически все бойцы и в возрасте, от 30 до 45 лет, и жизнь знают, кто-то гражданскую прошел, кто-то с кулаками и белобандитами в деревнях у себя дрался, но здесь другое сейчас, совсем другое. Что они, бойцы, с саблями да винтовками против танков и самоходок смогут сделать, только видимость большой армии создать. Нет, убьют их всех. Надо другой тактики их учить, совсем другой. Тому, чему учат кавалеристов в училищах - учить этих бойцов времени нет, да и лошади не кавалерийские практически. Ну, вот хотя бы эта «пятёрка», они ведь верно делают, сошлись в маленькую группу и отрабатывают взаимодействие при ведении боя. Им точно будет проще перестраиваться в атаке, да и чувствуют они присутствие и действия друг друга. Хороша мысль, нужно командирам эскадронов и взводов дать задание поработать в этом направлении, поучить атаковать и обороняться малыми группами, оно будет более приемлемо. Но мало времени, ох как мало, скоро

должно быть их уже отправят на фронт, формирование полка, да и дивизии, закончилось почти. Ещё бы недельки две-три…

Майор вспомнил свою погранзаставу, начало войны. Тогда едва рассвело, как на военный городок был совершен массированный налет: вначале несколько десятков бомбардировщиков сбрасывали, как горох, бомбы, за ними следом налетели истребители. В результате погибло, и было ранено много командиров и бойцов из личного состава, а также много боевых коней. Остатки гарнизона отошли на оборонительные позиции и в течение суток сдерживали наступление немцев. Он, прошедший боевой путь через Туркестан, Халхин-Гол, не мог представить себе, что его эскадрон в считанные дни перестанет существовать и бойцы, которых он знал всех поименно, будут гибнуть на его глазах под бомбами, будут раздавлены танками и самоходками. Пулеметные очереди выкосили эскадрон как траву. Как он выжил, как попал в тыл, в госпиталь, майор не помнил. Последнее, что запечатлелось в памяти: яркая вспышка, летящие комья земли, забивающие глаза и черная пустота…

…Потом был госпиталь.

Внешние его телесные раны подлечили, но внутренние остались открытыми: неужели все красноармейцы - пограничники, его бойцы, с которыми он, бок обок, почти два последних года охранял границу, которых обучал военному делу, погибли?! Может хоть кто-то из них выжил в той мясорубке, как он был ранен и лечится где-нибудь в госпитале. Встретятся ли они когда-нибудь? Как жизнь быстро закрутила, не думал, не гадал, а вот он, живой, в Сибири, куда никогда и не собирался попасть, с новым назначением в качестве

командира кавалерийского полка.

И сейчас, глядя на этих новобранцев, деревенских мужиков, он, вдруг, как наяву увидел их убитыми, лежащими «навалом», друг на друге, в неестественных позах с вывернутыми руками и ногами. От этого заломило в затылке, холодный ветерок зашевелил волосы.

Придя в себя от страшных и непонятных видений, он увидел улыбающихся и уставших от занятий мужиков в военной форме без привычной его взгляду военной выправки. Они полулежали или сидели небольшими группами, курили и что-то обсуждали. Где-то в стороне, за деревьями, играла гармонь, и гармонист пел песню, хорошо пел, душевно. Несколько голосов подхватывали припев.

«В далекий край товарищ улетает,
Родные ветры вслед за ним летят.
Любимый город в синей дымке тает,
Знакомый дом, зелёный сад
и нежный взгляд.
Пройдёт товарищ все бои и войны,
Не зная сна, не зная тишины.
Любимый город может спать спокойно
И видеть сны и зеленеть среди весны.
Когда ж домой товарищ мой вернётся,
За ним родные ветры прилетят.
Любимый город другу улыбнётся:
Знакомый дом, зелёный сад,
весёлый взгляд».

«Красиво поют, черти, спокойно. Как будто и войны нет. Как же мне их научить, подсказать им: как не погибнуть в первом бою…».

Его мысли опять вернулись к «пятёрке бойца Леонтия», так он автоматически выделил для себя эту группу.

Их задумка прямо вписывалась в тактику, в соответствии с какой и нужно будет иногда действовать кавалеристам. Суть была проста, она и раньше применялась в кавалерии и была в следующем: в одном из учебных рейдов по пересеченной местности, Леонтий спрыгнул с коня и несколько десятков метров двигался вместе с Седым, держась одной рукой за подпругу, в другой руке была винтовка. Сбоку казалось, что лошадь бежит одна, без всадника, потом он быстро вскакивал в седло и производил выстрелы по мишени. В другой раз он спешился и залег за небольшим холмиком и подготовился к стрельбе, а конь тем временем продолжал движение без него какое-то время. В бою это могло дать бойцу преимущество и ввести в заблуждение противника, дать время для выбора удобной позиции и подготовки к атаке или обороне.

«Да, завтра же, начнем отрабатывать и эти уловки, введем их в тактику ведения боя». - Отметил для себя майор, продолжая свой обход...

В деревне. 1941г.

С уходом мужиков на фронт, некогда людное и шумное село, как-то сразу осунулось, погрустнело.

На улицах стало безлюдно. Будто жизнь замерла, приостановилась. Не было того прежнего привычного людского гомона, разухабистых песен молодёжи на вечеринках, казалось, что всё окунулось в пустоту и мрак, паники и растерянности не было, но в души людей поселилась боль и тревога за жизнь близких, ушедших на фронт, за судьбу Родины. Каждый

независимо от возраста понимал, что настало трудное, тяжкое время. Война – это как большой пожар для страны. Пожар беспощадный и долгий.

Помнили ещё в деревне белобандитские расправы с жителями в гражданскую, помнили и надеялись, что не допустят немца так далеко, до Сибири, все равно побьёт его Красная армия, не допустят и мужья, ушедшие на фронт.

Помнили сельчане и пожар в 28-м году, когда осенним ветреным днём из-за шалости детей с огнём загорелась деревня с ветреной стороны, головёшки бросало на сотни метров по ветру. Основная масса людей находилась в поле, и тушить пожар практически было некому. Люди, увидев пожар, побросали все полевые работы, и кто как мог, прибежал в деревню тушить пожар подручными средствами, но бушующее огненное море потушить было невозможно.

Спасти практически ничего не удалось. Выгорела вся нагорная часть деревни, некогда красивая, с широкими и прямыми улицами, застроенная добротными пятистенными домами с резными наличниками на окнах. Большинство усадеб были огорожены крытыми въездными воротами и входными калитками, с бревенчатыми амбарами и надворными постройками, со многими посадками - декоративными и плодоносящими. За один день, к вечеру, вся деревня превратилась в чёрную, зияющую зловещей темнотой пустошь.

Люди долго и трудно выходили из этой трагедии, это была трагедия для многих жителей деревни, которые своим трудом из поколения в поколение возводили и поднимали своё хозяйство, строили дома - чтобы жить.

И как всегда бывало на Руси - ближний помогал ближнему, так и в то время: помощь пришла из соседних, близлежащих сёл, помогали всем кто, чем мог: кто лесом, кто своими трудовыми руками, кто тем, что присылал погорельцам продукты, в основном картошку и хлеб, а кто и делился последним из зимней одежды.

Так уж испокон века повелось, что Русь жива скорбью и лихом, и в дни лихолетья самый бедный отдаст с себя бедствующему самое последнее, что он имеет. И тогда тоже стараниями людей и помощью из государственной, социалистической казны нагорная часть деревни была за два-три года почти полностью восстановлена, поднята из пепла и гари. Вот и сейчас, знали сельчане, что всем миром одолеют врага, кто с оружием в руках на фронте, а кто здесь своим трудом на полях да фермах.

«К началу войны в Новообинцевском сельсовете было пять колхозов: "Комсомолец", "Красноармеец", "Красный Путиловец", "Заречный Трудовик", Степной Трудовик". Почти с первых дней войны председатели всех колхозов были призваны в действующую армию. Их заменили женщины. А ранней осенью 1941 года, после окончания полевых работ, от всех этих колхозов была сформирована большая группа молодых пятнадцати–семнадцатилетних ребят и девчат и послана на учёбу на курсы трактористов, в МТС, в соседнюю деревню, чтобы за зиму подготовить механизаторов, готовых выполнять работу ушедших на фронт трактористов и комбайнёров. Все эти ребята были молоды, полны решимости и энергии». (1)

Прасковья, рано утром, приготовив завтрак, будила старших сыновей, Николая и Фёдора:

- Вставайте, ребятки, уже петухи скоро

закукарекают, на работу пора, да и на учёбу ещё поспеть надобно, на курсы-то.

Старший Николай семнадцати лет, рослый и крепкий парень, на целую голову был выше отца, два раза ездил в райвоенкомат, просился на фронт - с отцом воевать рядом.

- Молод, парень, вижу что большой, но возрастом пока не подходишь. Подожди, на следующий год призовём, успеешь ещё, навоюешься, учись пока на тракториста, а потом может, в танкисты пойдёшь, а может «бронь» получишь! – Говорил военком.

«Бронь-бронь», нужна мне эта «бронь»? На фронт идти надо» - думал Николай.

Средний Фёдор, ростом был мал для своих пятнадцати лет, полтора метра всего, но крепенького телосложения, часто подтрунивал над Николаем. Вот и сейчас за завтраком:

- Коль, вот нам бы с Генкой от тебя сантиметров пятнадцать росту забрать, мы б с тобой одного роста были, тогда бы и мне и тебе в тракторе удобно было бы сидеть. А так с твоим ростом тебя в танкисты не возьмут - голова из башни будет торчать и в кавалерию, как отца, тоже не возьмут, ноги длинные. Только в пулемётчики, сила у тебя есть пулемёт носить. А может, и командиром будешь! Да, Коль?

- Ладно, болтать-то. Поели, ну и пошли коров кормить, а то ещё в Шелаболиху на занятия опоздать не хватало.

Серьёзный был Николай, ответственный.

Встав из-за стола, Николай вышел из дома, Фёдор догнал его уже возле калитки. По дороге к ним присоединился старший сын дяди Архипа, двоюродный брат Иван, одногодок Фёдора. Немногословный и всегда

немного угрюмый Иван был заядлым рыбаком. В рыбалке равных ему было не много, даже взрослые деревенские мужики, лучшие рыбаки села, признавали в нём себе ровню по умению и удачливости в рыбной ловле. Отец Архип, работавший кузнецом, тоже был настоящий рыбак, но Иван, которого он начал приучать к рыбацкому делу почти «с пелёнок», обогнал его в этом деле уже к годам четырнадцати. Это была его страсть, его призвание.

Братья первыми поздоровались с Иваном:

- Привет, Иван, чё это ты такой хмурной–то? Не выспался, что ли?

- Не выспался, не выспался. Выспался! Вчера с Генкой перемёты ставили, да мордушки ещё в затоне установили. Щас вон батя с Петькой и Генкой будут рыбу вынимать, так они ещё перемет-то и утопят! А я коровам хвоста крутить буду! Тьфу! – ответил Иван, смотря куда-то в сторону.

- Ничего они не утопят, не в первой же.

- Утопят, как пить дать, утопят.

- Давай-ка шагу, братья, прибавим, а то вон и девчонки уже впереди нас.

- Тебе бы только рыбачить! А на тракторе тоже нужно научиться, девки что ли будут за тебя пахать? - Не унимался Фёдор

- Рыбу-то мы тоже в колхоз сдаём. Это тоже для колхоза, не только домой. Да и душа у меня к технике этой не лежит так, как у вас.

Ребята догнали девушек, тоже идущих на ферму:

- А вот и женихи наши, а мы-то думали, вы уже сено кидаете!

Фёдор подскочил к ним, ловко подхватил двоих под руки:

- Сено-солома! А мы с вами знакомы? Меня Фёдором зовут!

- Ух-ты, ишь ты, ухажёр-то, какой! Небольшой, а шустренький!

- Мал золотник, да дорог!

Все «курсанты-трактористы» утрами, часов в пять, встречались либо по дороге, либо на скотных дворах, девчата доили коров, парни убирали загоны и приносили сено на корма. После они всей компанией направлялись на учёбу в соседнюю деревню, которая находилась в трёх километрах от их села. Им нужно было успеть на занятия уже к 9 часам.

Ребята и девчата в первую половину дня изучали теорию, а после обеда разбирали и собирали двигатель и ходовую часть гусеничного трактора «Сталинец-60». Изучалось все до мелких частей и деталей.

Николай автоматически разбирал и собирал узлы трактора, не вникая в основу работы двигателя, трансмиссии и системы передач, понимая, что Фёдор, видимо, прав – «не быть ему танкистом, вон в фильмах танкисты, как и лётчики, все небольшого роста, значит либо артиллерия, либо Морфлот. В мае ему будет восемнадцать, значит, после посевной могут забрать на фронт, а это значит в июле-августе, а может и после уборочной, как отца. Как он там? То, что отец попадёт в кавалерию, сомнений не было, в военкомате знали, что он был в конной армии. Увидеться, в ближайшее время, не придётся, до Барнаула далековато, из колхоза не уйдёшь, не отпустят. Может на фронте, потом, увидимся? Хотя вряд ли!»

Домой возвращались поздно.

- Скоро дожди начнутся, а там и зима не за горами. Надо бы нам лошадь с телегой в правлении

выпросить. Поди, дадут?

- Ты у нас, Коля, самый представительный, поговори в сельском Совете, глядишь и выделят…

После ухода братьев, сразу просыпался и младший Гена.

- Ты чего так рано встал-то? Спи ещё, в школу-то рано.

- Да я, мам, пойду сейчас «мордушки» проверю, да переметы гляну.

- Поешь сначала.

- Потом, вот приду с рыбалки и поем. Дядя Архип, поди, уже на берегу с Петькой.

Генка убежал.

Прасковья стала убирать со стола, а думки её были о детях, да о Леонтии: «Как он там, сердешный? А ну как убьют! Коля с Федей уже почти взрослые, теперь вот на механизаторов учатся, некогда им по дому дела делать, отойдут вскоре от семьи, Маша ещё совсем мала, вся мужская работа на Генку ляжет. Да она и сейчас на нём. И огород вскопать и дрова заготовить, вон и крышу надо к зиме залатать, а годков–то ему всего двенадцать! Трудно будет, ох, трудно». Думала про себя, а вслух о своих бедах и тревогах никогда и никому не говорила.

Подходя к речному затону, кое-где достигавшему ширины метров сорок и с берегами, густо поросшими камышом, Геннадий увидел Петьку с дядей Архипом. Они уже готовились к добыче рыбы.

- Братья задержали. – Скороговоркой оправдал свою задержку Гена и включился в рыбацкий процесс. Вначале проверяли мордушки. Архип не торопясь вытягивал одну, а братья Гена и Петр тащили вдвоём

другую. Рыбу выкладывали в плетёные корзины, потом подвешивали жмых внутри мордушки и погружали её опять в воду. Опростав и закинув вновь с десяток мордушек, они приступали к проверке перемётов.

Процесс ловли рыбы увлекал, а утренняя тишина и водная гладь затона, подёрнутая серебристой дымкой легкого и прохладного тумана, действовала на ребят успокаивающе. В эти утренние минуты, вблизи реки, особо ощущается тонкая грань между тенью и светом, и открывается тайна жизни: рождение нового дня. И, кажется, что такая тишина и спокойствие везде, и нет никакой войны где-то там далеко.

С первыми лучами осеннего солнца рыбалка заканчивалась и впереди предстояла работа по чистке рыбы, сортировке по размерам и засолке её в бочках. А пока, уставшие рыбаки позволили себе небольшой отдых.

Архип достал кисет, соорудил «козью ножку», раскурил её и, глядя вдаль за реку, заговорил:

- Вот так, сынки, и деды с отцами нашими рыбалили здесь. Когда я был такой как вы, то тоже с братьями у дедов учился этому делу. Река тогда далее была, да и шире чуток. Залив этот уже был, днями тут, бывало, мы такие чехарды с дружками устраивали, что ого-го-го, шумливые были, молодые… А дед-то ваш, отец мой, Сергей Лексеевич, заядлый был рыбак, лучше его и рыбака-то в деревне не было, уж ежели он пойдет где сети ставить, так ты хоть рядом свою сеть забрось по ходу или после хода, всё одно вся рыба в его сеть пойдёт. Заговор знал, наверное. Вот Ванька, видимо, в него. И дед Лексей, говорили, тоже рыбак был! Может и он вот также на этом месте сидел, да смотрел на «за реку», да восход встречал, как мы сейчас. Может и ваши дети и

внуки, потом, тоже здесь будут рассвет встречать, да рыбу ловить, только заводь эта лет через тридцать, наверное, в Обь уйдёт, видите, как река течением забоку всё подмывает и подмывает.

Архип всегда что-нибудь вспоминал из прошлого и рассказывал ребятам, пока курил свою самокрутку. Ребята вопросы ему не задавали, кричать надо было, по причине его глухоты после контузии. Да он и сам знал, что и когда рассказать, а слушать его истории было всегда интересно.

- Ну, что, полюбовались утречком, понесём теперь женщинам улов готовить в засолку, а то вам скоро в школу бежать, а мне в кузню, кувалдой малость постучать для колхозных дел.

Барнаул. 1941г.

Вот уже чуть больше месяца Леонтий находился в армии, в Барнауле, получая короткие и редкие весточки из дома: писали, что всё у них нормально, дети в школу пошли, уборочная закончилась, с зерном на зиму будут, грибы, огурцы и капусту засолили, картошки накопали много.

И вспомнилось Леонтию, как почти в это же время, в 37-м году ему тоже не пришлось заниматься уборочной и подготовкой к зиме, а вынужден он был целый месяц жить в городе у дядьки, материного брата - Туева. Он, коммунист и красноармеец-кавалерист, почти целый месяц скрывался от второго ареста.

Урожайный 1937 год стал тогда для колхозников великим трудовым испытанием. На уборку обильного урожая были брошены все силы. Большую и трудоёмкую работу с раннего утра до позднего вечера

выполняли женщины и девочки–подростки. Они вязали снопы, ставили их в кучи для последующего скирдования в клади, после чего производился обмолот кладей молотилками, а мужики-колхозники практически сутками находились в полях, на полевых станах, работая и днём и ночью, отдыхая по переменке по 2-3 часа в сутки. Леонтий был бригадиром одной из полеводческих бригад. С техникой было сложно, всего один трактор «Фордзон» и косовица выполнялась в основном конными жатками-лобогрейками и крылатками (жнейками самоскидками). Пыль от них стояла над полем постоянно, не успевая оседать на землю. Привозной воды хватало лишь на приготовление пищи, да немного промыть глаза, поэтому все были чёрно-серые от пыли и загара.

Леонтий, на свой страх и риск, отпускал тогда домой по одному человеку из бригады на пару-другую часов для «помывки», а сам исполнял работу временно отсутствующего. В субботний день во время обеда мужики решили тоже отпустить своего бригадира в баню:

- Иди, Сергеич, домой. В бане спокойно помоешься, отдохнёшь нормально хоть разок. А утром завтра и вернёшься. Мы справимся, не подведём.

- Точно справитесь?

- Да не сомневайся, иди, видишь, как вымотался за неделю! А мы тут ускорим жатку-то!

Ближе к ночи Леонтий направился домой, поглядывая на ясное вечернее небо: «Вёдро» стоит устойчивое без облачка, стало быть, успеем убрать пшеничку-то».

Часа через три он уже сидел дома за столом, отмытый и разгоряченный после баньки. Картошка в

мундире, солёные грибы и огурцы стояли в ряд, аромат наваристой аппетитной ухи, зелёного лука и укропа расслаблял:

- Ну, вот, Паша, теперь чай можно и стопаря под ушицу! Да грибочков с огурчиком! Хороший нынче урожай, Паша! Очень хороший. На трудодни будут зерно выдавать, с хлебом да с кашей будем, значит. Надо будет сусек подделать.

Вся семья сидела за столом, сыновья с серьезным видом хлебали уху, годовалая Маша не спала, а вертелась у матери на коленях.

Рано утром, ещё до рассвета по прохладе Леонтий возвращался на бригадный стан. Над полем стелился сплошной приятно освежающий утренний туман. Вдруг из тумана, как из воды, вынырнул прицепщик Ваня:

- Дядя Лёня, не ходите туда, там эти в фуражках приехали, Вас спрашивают.

- Чего ты мелешь? Кто приехал, кто спрашивает?

- Один из них ругается, говорит, куда он ушёл, про Вас, как он посмел бросить работу, говорит, что Вас посадят. Дядя Леня, мужики меня втихаря послали, вас предупредить!

То, что посадят точно, это Леонтий знал, тоже точно. Правда, могут и не посадить, но это вряд ли! Время сейчас тяжёлое, вон Егора Понагушина, кузнеца сельского, как забрали непонятно за что, рано утром, так уже скоро третий месяц ничего о нем и не слыхать. Да и сам-то он, помнится, несколько лет назад целых семь месяцев ни за что отмотал!

Мысль сработала сразу: нужно рвануть в Барнаул, к родственникам матери, там отсидеться и поглядеть, куда эта чёртова кривая выведет! Город большой, может, и искать-то не будут.

Пробираться до Барнаула Леонтий решил вдоль берега Оби: подальше от дорог, да и деревьев вдоль берега много. К утру следующего дня он был уже в городе. А пока шёл всё время думал о том, кто же мог донести-то на него, да так быстро! Ушёл-то он со стана домой поздненько вечером, домой пришёл уже затемно, вроде ни с кем и не встречался! Но, кто-то же донес! Так и до сих пор он не узнал, кто же это был. Догадка, конечно, есть! Но это - догад, а он не бывает богат! Что ж, видимо так и не узнаю, кто? - думал Леонтий.

Родственники приняли беглеца. А что же делать-то, сами в свое время вынуждены были уехать из Барнаула, скрыться от расстрела всей семьей, правда, это было в 18-м или 19-м году! Но было же. Так что знакомая ситуация, а свой своему поневоле друг.

На третий день Леонтий неожиданно попал в больницу: у него поднялся сильный жар, ломота пошла по всему телу, аж кости выворачивало. Лечили три недели, а там и в деревне и в районе постепенно всё улеглось. И Леонтия, по прошествии почти целого месяца, никто и не разыскивал. Выписавшись из больницы, он с больничной справкой, похудевший вернулся домой. Получилось, что его никто и не искал, и с работы он не сбегал, а лечился в больнице. Так вот и вышло, что судьба не дала его в обиду, а то пилить бы ему лес где-нибудь на Севере.

Как интересно жизнь распоряжается судьбами человеческими. - Думал Леонтий. - Вот у брата матери, Туева, тоже судьба поработала с выдумкой, судя по его рассказам. В далёкие 1890-1996гг. он проходил службу на Дальнем Востоке, жребием судьбы выпало ему около года работать по домашнему хозяйству у флотского

чиновника высокого ранга, уже довольно пожилого, обрюзгшего и очень вредного старикашки лет шестидесяти с небольшим.

Работа была разная: уборка двора, конюшни, уход за 4-мя добрыми рысаками, попутно дрова порубить и прочее. А жена у старика оказалась молодой и статной дамой тридцати одного года.

И матрос Туев, стал замечать заинтересованные взгляды молодой хозяйки. Потом начались расспросы: откуда он? Как служба идет? Скоро ли домой? Матрос, помогите это, принесите то…

Одним словом, однажды произошло то, что и должно было произойти между двумя молодыми мужчиной и женщиной. Через пять месяцев, в течение которых молодые люди продолжали тайком встречаться, у Фёдора Туева закончился срок службы, и он уехал домой в Томскую губернию в село Павловск.

Прошло много лет, Фёдор переехал в Барнаул, женился, занялся небольшим бизнесом при пароходстве: поставлял некоторые продукты питания для буфетов пароходства, мало-помалу скопил капиталец, выбился так сказать в люди. Потом приобрел хорошую квартиру на первом этаже дома в районе речного порта.

А тут война, потом революция, после которой начались смутные времена в городе, власть почти два года постоянно менялась, переходя от большевиков к белогвардейцам, шла Гражданская война.

В один из периодов очередной смены власти в конце 1918 года, когда Красные вновь вошли в город, в квартиру семьи Туевых в сопровождении нескольких красноармейцев вошел молодой комиссар. Пройдя в большую комнату, он сел на стул и осмотрелся по сторонам. Потом, некоторое время, внимательно

рассматривал стоявших перед ним членов семьи, а потом спросил:

- Как Ваша фамилия?
- Туевы мы.
- А вы служили в 90-х годах прошлого века на Дальнем Востоке?
- Да, служил.
- Всем выйти. – Негромко приказал молодой комиссар красноармейцам и после продолжительного молчания сказал:
- Значит, получается, что вы - мой отец! Знаете ли, а я представлял Вас немного другим. Мать очень хорошо отзывалась о Вас и долгое время думала, когда стала вдовой, что Вы вернётесь. Только благодаря тому, что она Вас любила, я посоветую Вам забрать свою семью, самое необходимое и сейчас же, немедленно, покинуть город. Иначе Вы будете расстреляны, как мироед и классовый враг, ваша фамилия в расстрельном списке. Поспешите. Это всё, что я могу для Вас сделать. Если будет нужно, я Вас позже найду... Прощайте!
- А… Ваша мать? Она…?
- Она умерла пять лет назад. У Вас мало времени! Через два часа, мы будем здесь снова, так что у вас есть всего часа полтора на сборы.

На этом они расстались и больше их дороги не пересеклись никогда.

Скорее всего, он, его сын, погиб в том революционном огне. А тогда, при их встрече, всё произошло так быстро, что Туев, даже, не успел узнать ни фамилии, ни имени их семейного спасителя, оказавшегося его сыном.

Почему-то именно эти воспоминания неожиданно всплыли из памяти Леонтия с такой ясностью, как будто

это было вчера, и они придали ему уверенность в том, что и на этот раз, его судьба сделает правильный ход и подскажет ему правильный путь.

На фронт

В конце сентября пришло указание о прекращении встреч красноармейцев полка с родственниками, это означало, что скоро полк должен будет отправляться на фронт. Начался период ожидания приказа и подготовки к отправке, занятия продолжались, все было вроде бы как прежде, но чуть по-другому. Вопрос, куда отправят, прямо висел в воздухе. По ежедневным сводкам информбюро фашисты приближались к Москве! Значит под Москву!

В ноябре полк, после парада в честь Октябрьской Социалистической революции 1917 года, погрузился в эшелоны и отправился на Запад, на фронт. На встречу с запада шли эшелоны с ранеными и гражданским населением, эвакуированным в тыл из фронтовой зоны. Железнодорожные станции напоминали муравейники от большого числа беженцев и военных.

Через несколько дней эшелон прибыл на станцию Чебсара Вологодской области, где в полк поступило небольшое пополнение из вологодских новобранцев.

Линия фронта была уже близко, и немецкие самолеты периодически бомбили железнодорожные станции, деревни и дороги, по которым в обе стороны шло движение: армейские части к фронту, беженцы в тыл. В этих условиях, приближенных к боевым, полк, в ожидании особого распоряжения о дальнейших действиях, усиленно продолжал боевую и конную

подготовку.

Приближалась зима и моросящие дожди, переходящие в мокрый снег, ночные заморозки и холодные ветра давали понять, что она не за горами, поэтому у кавалеристов добавилось забот: нужно было готовить лошадей к зимним условиям и самим привыкать к зимнему снаряжению.

Во время ухода за лошадьми после долгих дневных тренировок, Леонтий сказал мужикам:

- Да, братцы, похоже, майор прав был, когда говорил, что шашкой нам махать не придется.

С его старшинством мужики как-то сразу согласились, в самые первые дни их знакомства, и воспринимали его слова, как слова рассудительного и правильно принявшего решения человека. Видимо это произошло из-за его мужицкой прямоты, спокойствия при разговоре, убежденности в своей правоте и уверенности.

- Прав!.. И нужно нам сейчас больше учиться прятаться за лошадью и спрыгивать на ходу, падать с неё учиться, чтобы не переломать себе рёбра. Вот что я думаю! Скакать-то мы почти научились! Теперь прятаться будем учиться.

- Падать-то мы тоже хорошо научились, - пошутил Иван Бахарев.

- А сейчас, в морозы, вообще будем соскальзывать как пироги с лопаты, - поддержал шутку Обидин Алексей.

Все дружно рассмеялись и продолжили чистить и обтирать лошадей от пота, чтобы потом укрыть их попоной от холода.

В середине декабря была объявлена боевая тревога, прошло срочное полковое построение:

- Товарищи, красноармейцы, на днях получен боевой приказ командования. В результате успешного контрнаступления войск под Москвой и снятием непосредственной угрозы столице нашей Родины, наша дивизия направляется на защиту и спасение города Ленинграда, попавшего в блокаду в начале сентября 1941г. Город задыхается от голода и холода…

…Срочно погрузились в эшелоны, которым был дан зеленый свет в направлении на северо-запад.

Вскоре выяснилось, что эшелоны направляются через Вологду на Волховский фронт, под Тихвин, где идут очень тяжелые бои.

Волховский фронт. 1942г.

В начале января 1942 года по дивизии было объявлено, что она теперь входит в состав 13 кавалерийского корпуса, командир корпуса - Гусев Николай Иванович. Корпус входит во 2-ю Ударную Армию – командующий армией генерал Клыков Николай Константинович. Главная цель 2-й Ударной Армии – прорвать блокаду Ленинграда.

Готовилась зимняя Любанская операция. Замысел этой операции заключался в том, чтобы ударом войск центра Волховского фронта (силы 2-й ударной и 59 армий) и 54-й армии Ленинградского фронта прорвать плотную оборону противника, развить наступление и соединиться в районе города Любань, тем самым окружив и уничтожив большую группировку немецких войск в этом районе. Выполнение этой задачи давало бы нашим войскам в дальнейшем выйти в тыл немецко-фашистским войскам, блокировавшим Ленинград с юга.

Наступление началось 7 января. Оно велось в лесисто-болотистой местности, в условиях сильного

бездорожья, по глубокому снегу. В войсках не хватало автоматического оружия, транспорта, средств связи, продовольствия и фуража. В течение трёх дней наши войска пытались прорвать оборону немцев, но успеха не достигли. 10 января командующий фронтом временно прекратил атакующие действия частей. В этот же день у 2-й ударной появился новый командарм - генерал-лейтенант Н.К.Клыков.

На Волховском фронте были перегруппированы силы, сосредоточены армейские резервы. 13 января после полуторачасовой артиллерийской подготовки наступление возобновилось на всём участке центра Волховского фронта. К сожалению, только 2-я ударная армия имела основной и единственный успех в этой операции.

Её натиск действительно был страшен. Усиленные резервами, переброшенными с других участков фронта, войска второй ударной 17 января прорвали первый оборонительный рубеж противника. К концу января ей удалось вклиниться узкой полосой, между деревнями Мясной Бор – Спасская Полисть, в расположение 18-й армии противника, и продвинуться вглубь немцев на 75 км, перерезав железную дорогу Новгород – Ленинград. Передовые части 2-й армии вышли на подступы к городу Любань и охватили вражескую группировку с юга. Остальные армии фронта практически остались на исходных рубежах и вели тяжелые оборонительные бои.

Между 2-й ударной и 54 армией Ленинградского фронта оставалось всего 55 км.

По прибытии на станцию Большой Двор, спешным порядком была произведена разгрузка и 236-й полк, в составе 87-й кавдивизии конным строем,

двинулся на Тихвин. Во время марша стало известно, что наши войска взяли Тихвин и успешно продвигаются к реке Волхов. Дивизия в составе 236-го, 241-го, 244-го кавполков продолжила «марш» на Волховский фронт походным порядком: все бойцы шли пешком, а на лошадях в седлах транспортировали боеприпасы и фураж.

- Ну, вот, Леонтий, а ты падать учись, падать, чтоб ребра не сломать! Второй месяц на лошадь не садились, - ворчал Иван Бахарев, - Эвон, змеиногорцы за лошадей как спрятались, не то, что немец, я их уже неделю не вижу и не слышу.

- Это они с лопаты соскользнули. Да затаились, чтоб табачком не делиться, - поддержал его Гриша Меньшиков.

- А чё, у них еще табачок остался? Я бы погрелся, малость, табачком-то. А то мороз гуляет под шинелькой.

«В январе-апреле 1942 года ударные группировки Ленинградского и Волховского фронтов предприняли наступление навстречу друг другу на Любаньском направлении с целью разгрома немецкой группы армий «Север» и деблокирования Ленинграда.

Главная роль в этом наступлении отводилась соединениям 2-й Ударной армии Волховского фронта. Навстречу войскам Волховского фронта в направлении на Любань наступала 54-я армия Ленинградского фронта.

Активная роль в наступлении отводилась 13-й кавалерийскому корпусу генерал-майора Н.И. Гусева. Корпус был сформирован в конце декабря 1941 – начале января 1942 гг. из 25-й кавдивизии полковника Д.М. Баринова, 80-й кавдивизии полковника Л.А. Сланова и 87-й кавдивизии («алтайской») полковника В.Ф. Трантина.

Командовать корпусом был назначен боевой опытный

командир Николой Иванович Гусев.

Директивой командующего Волховским фронтом за № 0021 от 23 января 1942 г. 13-му кавкорпусу в составе 25-й, 87-й кавалерийских дивизий, 366-й стрелковой дивизии и трех лыжных батальонов было приказано с 6 часов 24 января войти в прорыв на участке 2-й ударной армии и разгромить остатки противника в полосе Ленинградского шоссе, не допустив образования обороны противника на реках Тигода и Кересть.

Была поставлена задача к исходу 25 января выйти на р. Трубица, выдвинув передовые отряды к Сенной Керести, Новой деревне, Финеву Лугу. В дальнейшем наступать в общем направлении Ольховка, Апраксин Бор и Любань. Не позднее 27 января перехватить шоссе и железную дорогу Чудово – Ленинград и овладеть Любанью.

Искусно использовав глубокие ложбины перед линией немецкого фронта, красноармейцы врубились в позиции противника, раздавили цепь опорных пунктов и главными силами 13-го кавалерийского корпуса из состава 2-й ударной армии, словно вода в половодье через прорванную плотину, устремились в немецкий тыл. Постоянно бросая в трех - пятикилометровую брешь новые и новые части, русские продвигались к дороге Новгород – Чудово.

В кошмарный мороз, когда столбик термометра опускался до отметки 30-40 градусов ниже нуля, рассеянные немецкие роты закреплялись на лесных полянах и росчистях, на высоких снежных холмах и заставляли красноармейцев, дорогой ценой платить за каждый шаг продвижения.

Бойцам 13 кавалерийского корпуса понадобилось четыре дня, чтобы покрыть восьмикилометровый путь до дороги. Когда же они, наконец, вышли к ней, то достигли немногого, поскольку три немецких укрепленных пункта – Мостки, Спасская Полисть и Земтицы – продолжали сдерживать натиск.

Окруженные русскими, эти опорные пункты

продолжали держаться на протяжении нескольких недель в тылу советского наводнения. Они стали основными точками притяжения сил в боях за жизненно важные дороги, связывавшие север и юг Волховского фронта. Это был превосходный прорыв, но "тоннель", по которому продвигались войска, оказался чересчур узким».(4)

Тридцатиградусные морозы, бомбежки с воздуха и плохие дороги сдерживали передвижение дивизии, но, тем не менее, во второй половине января 1942 года она вышла на намеченные позиции. И с 18 по 22 января дивизия находилась в резерве фронта в районе Большой Вишеры, где были сосредоточены достаточные силы для дальнейшего развития наступления.

После непродолжительного отдыха, 26 января, дивизией был получен приказ выдвигаться в прорыв в район северо-западнее Мясного бора, и освободить от врага населённый пункт Ольховка. И в дальнейшем наступать по направлению: Ольховка, Апраксин Бор и Любань, и не позднее 27 января перехватить шоссе, железную дорогу Чудово-Ленинград, а затем овладеть Любанью. С организацией обороны не связываться...

Это означало, что пришло время необстрелянной дивизии вступать в первый бой. Этим же днем 236 кавалерийский полк впервые был атакован немецкой авиацией. Кавалерия бросилась врассыпную, но шедший всю ночь снег и глубокие сугробы помешали бойцам быстро рассредоточиться и укрыться от самолётов в перелесках и овражках. В результате более сорока человек были убиты и ранены, также было уничтожено несколько пулемётных расчётов.

По окончании воздушной атаки немцев, полк, преодолевая бездорожье и глубокий снег, всё-таки

атаковал деревню Ольховку.

Фашисты сопротивлялись отчаянно, у них было большое преимущество: хорошее вооружение и удобные укреплённые пулемётные точки с хорошим обзором для ведения боя. Одного они не знали, что их атакуют не обстрелянные и наспех обученные бойцы, ещё недавно бывшие деревенскими мужиками.

В пылу боя Леонтий потерял из виду своих сотоварищей, только односельчанин Иван Бахарев держался рядом с ним. Они и ещё несколько бойцов, заскочив в деревню со стороны огородов, спешились с лошадей, пролезли через разваленную изгородь, проползли по глубокому снегу и залегли возле бревенчатого сарая.

По всей деревне раздавались взрывы, пулемётные и автоматные очереди, и пули, казалось, летели со всех сторон, не давая поднять головы.

Первый бой

- Так, Иван, ты помнишь, как на охоту в забоку ходил? Или ты не охотник?

- Да, охотник я. Я же тебе уже говорил, что охотник. И чё?

- Так вот лежи и слушай, понял?

- Чего слушать-то?

- Чего, чего! Откуда пуль больше летит, а откуда меньше? Это и слушай. И вы, мужики, глядите, где нам фрица лучше отстрелить. – Сказал быстро Леонтий, а сам подумал: «надо же, попали по самые уши, как куры в ошип, что делать-то, где эти наши командиры, куда наступать-бежать, куда стрелять… вот как, как в полымя бросили, и …никого!».

Что предпринять Леонтий не знал, а сдуру помирать большой охоты у него не было. Ждать надо, осмотреться. «Паша, Маша, Коля, Федя, Гена…» - как молитву молвил он про себя.

Снег пошёл большими хлопьями, начинало смеркаться.

- Мужики, расползитесь хоть по сторонам-то чуток, кто-нибудь гляньте - в сарай можно залезть, и с того угла сарая посмотрите, чего там с той стороны делается, может пулеметчика или пушку приметите.

Леонтий уже сосредоточил свое внимание на чердаке дома, находящегося метрах в двадцати от них, откуда пулемётный расчёт немцев стрелял вначале в сторону сарая, явно, просто, не видя их, а затем переместил размеренную стрельбу в улицу. Видимо там залегли наши.

- Иван, видишь окно на чердаке?

- Вижу.

- Ты, лёжа, а я с колена - стреляем на три. Бери в прицел чуть ниже и правей на локоть, я возьму чуть выше и ещё правей. Потом ты сразу перезаряжай, бери чуть левей и ниже и сразу стреляй, понял. На три. Раз-два-три.

Два выстрела слились в один, потом ещё вслед - бах, бах. Немецкий пулемёт смолк. Леонтий, согнувшись почти до земли, побежал от сарая к дому, на ходу достал лимонку и кинул её в окно дома и залёг за крыльцом. Рядом плюхнулся Иван. Взрыв лимонки вынес оконные рамы, в избе никто не вскрикнул, значит там пусто.

А по улице уже бежали красноармейцы и впереди них с немецким автоматом майор Романовский. Леонтий с бойцами двинулись вдоль улицы по огородам, осматривая сараи, погреба и дома. В

нескольких погребах прятались жители деревни, выгнанные из домов немцами. От вида сельчан, находящихся в одном из погребов: старика со старухой, женщины лет сорока и трёх ребятишек, закутанных в разные платки и лохмотья. Прятавшиеся, при свете зажженной лучины, смотрели на солдат обреченным взглядом, и Леонтию стало не по себе от их вида, колкие мурашки пробежали по спине. Он представил на месте этих ребят своих детей. Да так ясно представил, что ему стало зябко. «Ну, нет! Этого не будет, никогда!» – дал он клятву себе.

- Как вы тут, никто не ранен?

- Да нет, милок, раненных нема. Холодновато только, да боязно! Что ж вы их так далёко запустили-то?

- Ничего, мать, прогоним! Дайте только время, обозлиться.

- Да вы уж их быстрее прогоните, что ли!

- Прогоним, прогоним, мать!

Стрельба не утихала, но показалось, что переместилось направление обстрела. Казалось, что прошла целая вечность.

На левом фланге начала стрелять наша пушка: это, видимо, взвод полковой батареи старшего лейтенанта Ващеева блокировал дорогу на Вдицко и вёл огонь по ещё уцелевшим немецким пулеметным точкам.

Через некоторое время в той стороне одна за другой умолкли три пулеметные точки фашистов. Это дало нашим подразделениям к 16 часам, до темноты, полностью освободить деревню Ольховку. Во время отступления гитлеровцев по дороге на Вдицко, артиллерийский расчет Степанова продолжал стрелять картечью по отступающим и уничтожил ещё несколько

гитлеровцев.

После почти семичасового боя немцы спешно покинули деревню под прикрытием наступившей темноты и продолжающегося снегопада. В таких условиях преследование врага было бесполезным и командиром полка, майором Романовским, был отдан приказ, закрепится в деревне Ольховке, собрать трофеи, тела убитых и отправить раненых в тыл.

Один из домов в центре села был занят под штаб полка.

Поздно ночью майор Романовский собрал командиров взводов и эскадронов, он выглядел больным. Все командиры тоже были очень уставшие, но в приподнятом настроении, ведь это была их первая победа в первом бою.

- Поздравляю, товарищи командиры. Вы и бойцы хорошо поработали, знаю, что было трудно. Ещё трудней будет. Немец, он теперь обозлился, что мы его в поля, да леса загнали. Теперь ваша задача собрать своих бойцов, раненых отправить в тыл, определить места сбора по тревоге, обеспечить связь и расставить караулы. Смена караула каждые два часа. Исходя из результатов дневного боя, проведите инструктаж взаимодействия бойцов по тактике ведения боя. Обеспечьте горячим обедом бойцов и население Ольховки, и дайте отдых бойцам.

Оглядев присутствующих командиров, майор, уже более бодрым голосом, произнёс:

- Молодцы вы, братцы, и красноармейцы молодцы. Первый бой выдержали достойно. Если нет вопросов, то все свободны. Поддержите добрым словом

своих бойцов. Сбор здесь в 6 утра. Капитан Надирадзе нужно установить связь с другими полками и штабом дивизии.

- Есть. Вам бы отдохнуть, товарищ майор! Плохо выглядишь, командир.

- Хорошо, часика два вздремну, потом разбуди, пойду караулы проверю…

«Надирадзе Георгий Александрович

год рождения __.__.1913г. в РККА с __.__.1929 года, место рождения: Грузинская ССР, Ахалкалакский р-н, с. Килда. Доброволец. Капитан. До 07.02.42г – зам. командира 236 го кавалерийского полка, с 7 по 9.02.42г. и.д. командира полка 236 го кавалерийского полка 87 кавалерийской дивизии 236 КП 87 КД 13 КК 2 УА». (5)

После боя бойцы полка собрали свои первые боевые трофеи: 5 лошадей, 8 грузовых машин, 1 легковую, 42 артиллерийских орудия, 20 мотоциклов, 24 повозки с фуражом и продовольствием. По деревне были собраны тела убитых немцев, более 50 человек, и сложены в овражке за селом.

Своих погибших однополчан похоронили тоже на краю села, в ближайшей ложбине, но в другой стороне от немцев, молча, почтили память. Это были первые потери тех, с кем еще сегодня утром вместе завтракали, а днем, бок обок, шли в атаку. Раненые были отправлены в тыл.

Ни среди погибших, ни среди раненых Леонтий с Иваном не нашли своих товарищей, только уже к утру отыскался Григорий Меньшиков. А Алексей Обидин и Яков Матвеев как пропали. Не объявились они ни на следующий день, ни в другие дни.

- Да, видимо погибли наши друзья – однополчане,

Яков и Алексей.

- А может в плен попали?

- А может раненые в той бомбежке, лечатся теперь где-нибудь в медсанбате.

- Может и так…

Не знали они тогда, да и не могли знать, что их сотоварищи Обидин А.Ф. и Матвеев Я.Е. погибли во время той первой авиа-бомбёжки в районе деревни Мясной бор.

«Обидин Алексей Федорович
Дата рождения __.__.1902г.
Место рождения Алтайский край, Змеиногорский р-н пропал без вести 26.01.1942г. в районе д. Мясной Бор. Номер описи источника информации-818883.

Матвеев Яков Ефимович
Дата рождения __.__.1911г.
Место рождения Алтайский край, Змеиногорский р-н, с/с Плосковский пропал без вести 26.01.1942г. в районе д. Мясной Бор. Номер описи источника информации-818883.» (5)

Ночь прошла спокойно, вымотанные за прошедший день бойцы, спавшие вповалку в нетопленных домах и сараях, утром просыпались с трудом. Огонь и костры жечь было запрещено. И никто из них не мог себе представить, что эту ночь те, кто останется в живых до весны, будут вспоминать как райскую ночь. Больше такой спокойной ночи у них просто не будет…

Связь со штабом была налажена. Майор Романовский всю ночь ходил по Ольховке, проверял караулы, заходил в дома, где отдыхали солдаты. В

некоторых домах были и хозяева, местные жители, которые не эвакуировались перед приходом немцев, и вчерашний бой пережидали в погребах.

- Сынок, как же дальше-то жить будем? Неужели под немцем останемся, когда вы уйдете. Ох, страшно-о!

- Нет, мать, не останетесь, мы их побьём, всё равно.

- Да, уж хоть бы. Деточек-то жалко…

В душе майора всё перевернулось, что-то больно кольнуло в груди и заныло под лопаткой, в голове запульсировало. Что он мог сказать этой старухе, этим деревенским тёткам и старикам? Он и сам не знал, что будет дальше. То, что Красная армия победит, это было ясно. Но когда это будет? Не знал про то майор Романовский. Враг силен. Вдруг его голову сковала, широким кольцом, тягучая боль, в глазах на какое-то время потемнело, потом темнота отошла. Но что-то странное стало со зрением: перед ним стояли люди в разном цветовом изображении - его заместитель, капитан Надирадзе, выглядел как обычно, а вот местные жители были как на черно-белом фото. «Что за наваждение?» - Мелькнула мысль у майора. Он тряхнул головой, закрыв и открыв глаза. Голова кружилась, а перед ним стояли обычные люди. «Следствие контузии, наверное» - подумал он.

- Всё будет нормально, мать, - как-то не совсем уверенно сказал майор, выходя из дома. - Нор-маль-но… всё… будет…

Проходя мимо одного двора, майор увидел старого знакомого бойца, раздетого по пояс, обтирающегося снегом.

- Вроде, Леонтий тебя по имени зовут, боец? Не простынешь в такой мороз-то раздетым?

- Да нет, товарищ майор, я привыкший. Дома-то каждую субботу в баньку да в прорубь раз по несколько. И ничего.

- А где твои друзья-товарищи? Все живы? Что-то не видать.

- Да вот двоих пока нет. Ни в раненых, ни в убитых. Заплутали, может где, вон какая метель вчера была. А может и того хуже.

Из дома вышли два бойца, и подошли к ним.

- Здравия желаем, товарищ майор.

- Здравствуйте, бойцы, кажется Иван и Григорий. Вот смотри капитан, про этих бойцов я тебе и говорил тогда в Барнауле. Сообразительные бойцы.

- Помню.

Вдруг в голове майора опять что-то щёлкнуло, и на какой-то миг он увидел, что рядом с Леонтием стоят два бойца как с чёрно-белого фото.

- Скоро в бой, держитесь вместе бойцы.

Майор с капитаном вернулись в штабную избу. Вскоре собрались командиры взводов и эскадронов.

- Подведем итоги вчерашнего боя. Слушаю Вас товарищ капитан.

- Наши боевые трофеи 27 января 1942г. составили: 5 лошадей, 8 грузовых машин, 1 легковую, 42 артиллерийских орудия, в сараях обнаружено 100 велосипедов и 20 мотоциклов, 24 повозки с фуражом и продовольствием. В деревне собраны более 50 тел немцев, за деревней, по дороге на Вдицко, полковой батареей уничтожено ещё около 20 фашистов. Согласно списков от командиров взводов в бою отличились: командир 4-го эскадрона старший лейтенант Е.С. Заровный, он первым ворвался в деревню, был дважды ранен во время атаки и только после третьего тяжёлого

ранения его вынесли из боя. Лично он уничтожил две огневые точки и 12 фашистских солдат. Отправлен ночью в тыловой госпиталь. Красноармеец Строгов один из первых ворвался в деревню со станковым пулемётом и уничтожил до 10-ти солдат противника. Красноармеец Степанов, наводчик полковой батареи – это он уничтожил около 20 гитлеровцев на дороге на Вдицко. Также в бою отличились сержант Леонов, замполитрука Мартынов, красноармеец Бобков, старшина 1-го эскадрона Пометко, красноармеец Гуляев. Наши потери составили: до начала боя, во время авиационной бомбардировки вчера утром в общей сложности 52 человека: 11 - ранены, 32 - убиты, 9 пропало без вести. Во время боя в деревне Ольховка погибло - 26, ранено - 15.

- Так, ясно. Потери большие. Но это война и враг сильный и хорошо обученный. Так что, товарищи командиры, постоянно ведите разъяснительную работу среди бойцов, подсказывайте и обучайте по возможности. Теперь о главном: нами получен приказ в течение двух дней провести глубокую разведку в направлении Ольховские хутора - урочище Кривенский мох - Сенная Кересть. Проводя разведку, смотрите своих не постреляйте: в районе Вдицко находится в наступлении 240 полк, а в районе Новая Деревня - 241-й. До особого распоряжения наш полк закрепляется в Ольховке. Командирам взводов обеспечить караульную службу. Бойцам, находящимся на отдыхе, привести оружие в боевую готовность, отдохнуть, накормится. По сведениям дивизионной разведки немцами устроены укрепленные блиндажи и дзоты. Нужно разведать их точное расположение, подходы к ним. В Ольховке решено расположить тыловые службы дивизии, стало быть, после разведки – мы будем наступать. А вот куда –

дождёмся приказа. И ещё раз напомню вам о необходимости вести с каждым бойцом личную беседу, инструктировать его, как ему действовать. Вопросы есть? Нет. Тогда все могут быть свободны.

Ручьи. Апраксин Бор

«28 января 1942 года 240-й полк дивизии овладел Вдицко, уничтожив до 100 солдат и офицеров противника, захватив одно орудие и 7 автомашин. 29 января 1942 года 241-й полк взял Новую Деревню, где нанес удар по тылам 215-й пехотной дивизии, уничтожив до 60 солдат и офицеров противника, взяв в виде трофеев 15 грузовых, 6 легковых автомашин, тягач, 8 мотоциклов, 13 пулемётов, 6 миномётов и боеприпасы. Дивизия, продолжая наступать в направлении на Любань, в ночь на 30 января 1942 года вместе с 45-м, 46-м, 49-м лыжными батальонами освободила деревни Кривино и Новая, продвигаясь на север, вместе с 53-й стрелковой бригадой и 169-м, 170-м, 171-м лыжными батальонами освободила деревни Тигодский завод и Червино. Но далее, у деревень Крапивно, Ручьи и Червинская Лука наступление дивизии застопорилось, и, несмотря на то, что в помощь ей были направлены 57-я стрелковая бригада и 25-я кавалерийская дивизия, сломить противника не удалось». (4)

28 января 236-й кавалерийский полк, получил приказ, выдвинутся в наступление на деревню Ручьи и 30 января полк подошел к окраине деревни, справа было село Крапивно, слева Червинская Лука, но овладеть Ручьями полк не смог. В этом районе немцами были созданы прочные укрепления: дзоты вокруг деревень и пристрелянные артиллерией участки территории со стороны района Апраксин Бор задержали наступление полка.

Это уже было серьёзнее боя за Ольховку. Как выяснилось после нескольких неудачных атак, днём вести наступление не представлялось возможным: почти полное отсутствие дорог, глубокий снег, покрывающий толстым слоем огромные территории болот, неглубоких длинных балок и ложбин полностью парализовал кавалерию.

После полученного приказа спешиться, коноводы отвели лошадей в перелески. Спешенные кавалеристы предприняли атаку, но глубокий снег не давал возможности быстро атаковать и на открытом пространстве они стали отличной мишенью для немцев, засевших в дзотах. Артиллерия немцев размеренно обстреливала подходы к Ручьям. Перед немецкими позициями всё было изрыто снарядами и устлано трупами бойцов, тяжелораненые, потеряв сознание, просто замерзали, легкораненые пытались ползти через эти трупы, и погибали от пулемётных очередей из дзотов.

В этих дневных боях красноармейцы забирались в воронки и прятались за трупы. Леонтий с Григорием и Иваном завалились в ближайшую воронку. Пули свистели над головами, а впившиеся в мёрзлый грунт рядом с воронкой, шипели как ядовитые змеи, растапливая снег и лёд. Недалеко от их ненадежного и маловатого для троих убежища, лежало несколько мертвых тел бойцов, иногда чуть пошевеливающихся от попадавших в них пуль.

- Хоть это и не по-нашему, но надо бы их поближе к воронке подтащить, как бруствер защитный сделать, да простят нас ребятки!

- Ты, что, Леонтий всерьёз это?

- Всерьёз-всерьёз, куда уж серьёзней. Им уже не

помочь! Нету их, понятно, нету! Нас, еже ли, убьют, пусть другие так же сделают! Спрятавшись за них, мы хоть ещё повоюем, постреляем нескольких фрицев. А шальной пулей нас убьёт, каков толк от того? Мне тоже ребят жаль, но мы тут в бою все на равных под пулями! Так вот, я мыслю. В гражданскую мы так делали.

Стрельба прекратилась, как показалась, внезапно. Кое-где, в отдалении, то справа, то слева «потявкали» короткие очереди, но вскоре и они смолкли. Звенящая тишина накрыла колючим холодом. Мороз, который не чувствовался во время обстрела, стал предательски залезать под одежду, колоть лицо. Ветер нёс по полю снежную пыль, смешанную с земляной заледеневшей пылью, поднятой снарядами.

- Судя по затишью, полдень, обед, наверное, у фрицев. - Откашлявшись, произнес Леонтий. - Пора нашу задумку исполнить, а то до темноты еще далеко, а как начнёт немчура прицельно стрелять, то нам мало не покажется.

Над полем с левой стороны глухо пронеслась команда от воронки к воронке:

- Приказ командира: до темноты не атаковать, в ночь отойти на исходные позиции. Дальше по цепочке передать!

Григорий, лежавший на боку, тоже заорал в правую сторону: «Приказ командира: до темноты не атаковать, в ночь отползать на исходные позиции. Дальше передать!»

- Чего орёшь-то!

- По цепочке передаю!

- Вообще-то в приказе «отойти» сказано, а не отползать!

- Видишь ли, Леонтий, рифма такая получается: атаковать - отползать - передать!

- Твою мать!

- Это в приказ не вписывается!

- Ну, вот ожили в тишине, это хорошо. Похоже у нас минут тридцать время есть, чтоб укрепить воронку до следующего обстрела. Так что давайте поспешать. Я вылезаю, хватаюсь за тело, а вы меня быстро втаскиваете в воронку. Ясно?

- Ясно-ясно.

- Тогда начнём. Только быстро меня тащите.

Леонтий высунул шапку из воронки, подержал некоторое время. Тишина. Никто не стрелял. Тогда медленно, вжимаясь в снег, он выдвинулся навстречу со смертью, вытянув руки вперед, пополз ужом, бороздя щекой колючий снег. Двадцать сантиметров, полметра, метр. Сердце колотилось так, что, казалось, немцы в дзоте слышат этот стук. Руки уткнулись в мертвое тело. Зацепившись замерзшими пальцами за одежду убитого, Леонтий прошептал:

- Прости, браток! Не по-нашему это, но так уж вышло. - Тащите, мужики!

Потянули, как показалось, медленно.

«Вот сейчас фрицы начнут стрелять… вот сейчас!» Но стрельбы не было. Снег забивался под ватник, шапка снялась с головы и тащилась между рук. Вскоре Леонтий был втянут в воронку, труп бойца лежал на краю, его лицо было повернуто к ним и заледеневшие глаза, казалось, смотрели в упор.

- Закройте ему глаза-то! Да простит он нас за это. - Сказал Леонтий, выгребая снег из-под ватника. - Надобно ещё одного подтащить, надёжней будет.

Сейчас, малость, передохну и повторим.

Со вторым убитым тоже прошло гладко.

- Документы, Гриша, надо бы забрать у ребят и медальоны.

- Ну, вот, от пуль мы чуть сховались, ну а уж если снаряд упадёт, значит, судьба!

Полуденный мороз не отпускал, небо было затянуто серыми тучами. Лежать в тесной воронке, даже прижавшись, друг к другу, становилось холодно. До наступления темноты было часа три. Эти часы могут стать последними для многих. Вдалеке послышался шум немецкого самолета-разведчика.

«Сволочь! Сейчас рассмотрит всех нас сверху, и артиллерия накроет. И всё!»

После проведенной авиаразведки, немецкая артиллерия начала размеренный обстрел. Несколько снарядов разорвалось неподалеку от их укрытия: вот справа – бух, бух, потом слева и, прямо чуть ли не у них в головах – бух. В ушах стучало глухо: бум-бум-бум. А тело убитого бойца скатилось им на головы… Примерно через час, артиллерийская стрельба прекратилась так же неожиданно, если можно было так сказать, как и началась.

Снежная и земляная пыль, перемешанная с морозным воздухом, провонявшим дымом, пороховой гарью и болотом, медленно опускалась на поле, а ледяная земля гудела и вибрировала, как от боли.

«Живы! Живы, опять живы!» Леонтий пошевелил правой рукой, стряхнув землю, потрогал рядом лежащего Григория. И как будто издалека услышал приглушённый голос:

- Чё, ты меня лапаешь, я ж тебе не девка! Живой я, живой!

- Фу ты, балабол.

Слева стал приподниматься Иван, тряся головой. Леонтий придержал его:

- Иван, лежи! Не вставай! Ну, слава богу, живы!

Придя в себя, они сообща вытолкнули тело убитого из воронки. Начало темнеть. Немцы короткими очередями постреливали из дзотов.

Под покровом ночи, оставшиеся в живых, ползком покидали «поле боя», забирая у убитых винтовки и обоймы с патронами, тем самым пополняя свои скудные запасы: патронов бойцам выдавалось по одной - две обоймы, это 10 патронов, на одну винтовку!

Руки и ноги, после многочасового лежания на морозе, практически без движения, в тесной воронке, отказывались выпрямляться и сгибаться.

Иван, Григорий и Леонтий, подталкивая друг друга, с трудом выбирались из своего «укрытия», только сейчас они ощутили настоящий холод, который пронизывал «до самых костей», и, стёганые штаны и фуфайка, не спасали от мороза. Зубы стучали дробью от холода и расслабления после нервного напряжения. «Ползти, ползти» - пульсировало в голове. Стыда от того, что они отползают от немецких позиций, не было, было непонимание ситуации…

«Подснежники» и дзоты

Выйдя на «исходные позиции», до ближайших перелесков, куда не могла достать артиллерия немцев, уцелевшие бойцы полка, получив приказ командиров рассредоточиться и окопаться, разгруппировались по своим отделениям, взводам и эскадронам и стали готовиться к затяжному ожиданию, то ли наступления,

то ли обороны.

При 30-40-градусном морозе, о выкапывании щелей или окопов в мёрзлой, ледяной земле, не могло быть и речи, поэтому из воронок устраивали своеобразные землянки, накрывая их ветками, в сосновых рощах сооружали шалаши, тоже, из сосновых веток, засыпали сверху снегом.

Сложнее было спрятать лошадей.

В глубине рощи соорудили несколько десятков укрытий. Полку был дан приказ: рассредоточиться небольшими группами по три-пять человек на расстоянии друг от друга пятнадцать метров, и до утра полностью подготовить и замаскировать убежища, так как утром немецкие самолеты–разведчики обязательно будут изучать местность и определять квадраты для бомбёжки и обстрела.

Леонтий с сотоварищами, Иваном и Григорием, решили оборудовать укрытие в длинном овражке, на окраине перелеска, максимально ближе к деревьям, по всем правилам сибиряков-охотников. Работали молча. Выкопали в плотном, слежавшемся снегу, под небольшим углом, лаз–углубление до твердого дна овражка, установили плетеную еловую лесенку, расчистили вглубь в виде кувшина пещерку и устелили дно мелкими сосновыми ветками, более толстыми укрепили потолок, а снаружи еловыми ветками обозначили условный периметр своей «берлоги». В дальнем углу оставили место для разведения огня: кипяток вскипятить, погреться при случае. Под утро, съев по сухарю, голодные и уставшие, но согревшиеся от работы, прикрыв вход, сплетенным из веток творилом, прижавшись, друг к другу, они заснули.

Снаружи лютовал буран: морозный, колючий

ветер заносил снегом тела погибших во вчерашнем бою, прикрывал ночные следы живых и места укрытий красноармейцев.

С наступлением вечера и после окончания немцами артобстрела, бойцы выползали из своих «укрытий» для осуществления ночного наступления. Командиры отделений собирали своих, оставшихся в живых, бойцов.

- Бойцы, перед нами поставлена задача: уничтожить противника в дзотах, прорвать их оборону и удержаться на занятых позициях. К нам на помощь идут две стрелковые дивизии. До их подхода будем удерживать занятые позиции. Задача ясна? Далее, бойцы, при продвижении необходимо проверять воронки и овражки, возможно, там могут быть раненные. В ночную атаку пойдём пешком. Всем проверить свое оружие, обмундирование, обувь, выступаем через час.

В отделении Леонтия осталось семь человек вместе с сержантом.

- Ещё не воевали, а уже шестерых нет.

- Кто знает, что дальше будет.

- Бойцы, во время атаки держитесь в 3-4 метрах друг от друга, и без особой надобности не стрелять. Передвигаться перебежками, используя естественные укрытия: воронки, расщелины. Выйдя на позиции, оцениваете обстановку и ждёте моего приказа.

Шли молча, в голове ещё гудело от вчерашних взрывов. Походу проверяли воронки: смерть вставала из воронок, частично занесённых снегом, в некоторых в разных позах лежали бойцы, одни были убиты, другие, возможно, просто замерзли, будучи тяжелоранеными или без сознания. Страха и жалости не было, была

обида. Обида на то, что вот так может через минуту или час упасть и лежать любой из них.

«А фашист сидит в дзоте и ждёт свою мишень. – Думал Леонтий. - И когда же они успели так быстро дзоты понастроить, как узнали, что именно здесь надо строить, что здесь будут бои. Ну, нет, я так просто не дамся! Паше и детям пообещал живым вернуться». Впереди на черном горизонте вырисовались шапки дзотов.

По цепочке прозвучала команда:

- Бойцы, максимально приблизиться к рубежу противника. Залечь и подготовиться к атаке.

Где короткими перебежками, где ползком продвигались бойцы, защищённые ночной метелью. Леонтий чувствовал приглушенное дыхание Григория и Ивана, справа и слева от себя. Как-то неожиданно, шум и завывание метели, разрезали пулеметные очереди слева из дзотов. Леонтий ткнулся в снег, стараясь глубже вмяться в него. Тут же началась стрельба по всей линии и перед ним прошипели пули, расплавляя снег.

Следующая очередь просвистела сзади, кто-то глухо простонал и умолк. «Пристреляли местность, сволочи. Ровно кладут. Ну, нет, я так просто не дамся! Паше пообещал живым вернуться!» Леонтий резко продвинулся вперед на метр, буравя снег впереди себя, и свалился воронку. Сзади, где он только что лежал, простучали пули, вспарывая мёрзлую землю.

Прикладом винтовки, обстучав край воронки, Леонтий оборудовал себе позицию для стрельбы. Впереди, метрах в сорока, над снежным полем торчал дзот, из которого, размеренно велся пулеметный обстрел. Периодически с немецкой стороны взлетали белые ракеты, освещая вспаханное взрывами поле и

цепочки немецких дзотов, размеренно простреливающих свои сектора. Прямая атака была невозможна.

- Леонтий, ты здесь? Живой? – донёсся до него, справа, голос Григория Меньшикова.

- Живой! Ты как?

- Я тоже пока нормально. Вот жмёт немчура и совсем патронов не жалеет!

Ночные вылазки в наступление приносили мало пользы. Подползали максимально близко к немецким позициям и лежали в ожидании появления случайного фашиста в поле выстрела и в бойнице дзота. Иногда предпринимались атаки, но немцы открывали пулеметный огонь, и приходилось с потерями отходить на позиции, недоступные обстрелу.

Нужна была артиллерия и поддержка авиации. Но, ни того, ни другого не было.

Буран всё усиливался сильней, засыпая лежащих красноармейцев. Немецкие дзоты скрывались из виду в снежной круговерти и потому еще интенсивней стали вести обстрел.

Над воронкой, где находился Леонтий, возник заснеженный взводный Никонов:

- Живой? Не уснул, случаем?

- Живой.

- Приготовиться к атаке, самое время. Метель нам помощница. По сигналу ракеты - в атаку.

Взводный так же быстро исчез, как и появился.

Погладив винтовку и взяв её удобней, Леонтий изготовился к атаке.

Пулеметные очереди из дзотов ложились дружно, размеренно взрыхляя мерзлую землю, разлетавшуюся ледяными брызгами.

- Сколько же у них патронов-то заготовлено,

строчат без остановки! А у нас тут по десятку на брата!

Справа донесся голос Григория:

- Леонтий, сколько ж это у них патронов-то. Хоть передохнули бы, что ли!

- Про тоже сейчас думал. Готовься, скоро сигнал подадут.

- Готов уже.

- Слышь, Леонтий, если что, ну убьют меня, ты не бросай здесь, хорошо!

- Не дури, Гриша, прорвёмся. И мысли эти брось!

По сигналу ракеты бойцы цепочкой двинулись к дзотам. Те, кто встал в полный рост, были положены сразу. Те, кто выдерживал по несколько секунд после пулеметной очереди, сумели мелкими перебежками приблизиться к дзотам метров на тридцать. Вход пошли гранаты. Где-то справа, вдалеке, осветились от взрывов боеприпасов, сначала один, а немного погодя и второй немецкие дзоты.

Внезапно Леонтий ощутил кусающую и жгучую боль возле рёбер в левом боку и упал, боковым зрением увидев, как какой-то боец слева от него, резко остановился и, словно ударившись о невидимую преграду, медленно опустился на колени, уронил винтовку и уткнулся лицом в снег.

Жжение подмышкой растекалось тёплым и липким.

Леонтий пошевелил пальцами руки, потом слегка рукой. Всё работало. "Значит скользом прошло и нужно остановить кровь". Перевернувшись на спину, он расстегнул ватник, достал кисет с махоркой и заложил его на рану, прижав рукой. В голове стучало и шумело. Подполз Григорий:

- Леонтий, ранен? Куда? Давай перевяжу.

- Да уже, махоркой перевязался!

Немцы перенесли пулемётный обстрел из дзотов на ближайшие подступы к своим позициям. Немецкая артиллерия молчала, видимо, чтобы не попасть в свои укрепления, но атака прекратилась: был получен приказ снова отойти на исходные позиции, забирая раненых и оружие убитых.

Позже к Григорию и Леонтию присоединился Иван, и они сопроводили его до полевого госпиталя, который располагался в перелеске, недалеко от их "берлоги".

В госпитальной палатке было много раненых, одни громко кричали, кто-то стонал, а кто-то сидел, молча, закусив от боли губы до крови. Молоденькая медсестра обработала и перевязала рану, вернув ему окровавленный кисет:

- Это Вы правильно сделали, что вот так остановили кровотечение и обеззаразили рану. Я сразу и не додумалась бы до этого.

- Махра, дочка, давнее средство лечебное. У нас в Сибири все про то знают. Не раз выручала, даже зубную боль вмиг снимает. Ну, спасибо тебе, дочка. Подлечила. Пойду я.

Пока Леонтий был на перевязке, Григорий с Иваном проведали своих лошадей и узнали новости прошедшего боя.

- Представляешь, Леонтий, это наш, тот молодой лейтенант Малахов, помнишь, это он целых два дзота забросал гранатами.

- Не помню, но молодец лейтенант! Я вот только его не припомню, это ты шлындаешь везде и всех знаешь. Как там кони? Седого-то видели?

- Нормально всё. Коневоды ухаживают, блюдут

службу справно. А Седой твой, так вообще - красавчик! А ещё говорят, что нам на смену подходят две стрелковые бригады. Не обманул взводный. А мы, значит, почти в тыл отойдём, на отдых и пополнение. Живы пока, слава богу!

- И когда ты Гриша, всё успеваешь выведать? Прямо дар у тебя на новости.

- Планида у меня такая. Лёва! А лейтенанту, наверное, орден дадут, это точно, не меньше! Два дзота за раз завалить! А мы вот по амбразурам стреляли, а интересно, хоть одного фрица свалили? А? Как ты думаешь, Иван? Попал в кого-нибудь?

- Можа и попал, почём я знаю. Стрелял вроде точненько в дырку!

- В дырку это ты в сортире стреляешь, а у дзота - амбразура! Усёк, Ваня!

- Григорий, ну ты и ботало, у меня прямо от смеха повязка сползает.

- Смех, Лёва, это хорошо! Раны быстро заживляет. Всякие - и тельные, и душевные! А вот ещё, братцы, более всего заживляет раны всякие дела там: борщец с мясцом да капустой! Может сегодня-то покормят горячим, пятый день сухари жуём.

По морозному воздуху и впрямь растекался приятный запах от полевых кухонь.

Ночные наступления в течение недели, при сорокаградусных морозах, при господстве немецкой авиации и практически отсутствия прикрытия нашей авиацией, полное отсутствие артиллерии и минометов, а также хорошо укреплённые позиции немцев не приносили должного успеха. Но кавалеристы в спешенном строю наносили определенный урон противнику, хотя и сами несли большие потери. После ночных

наступлений оставшихся в живых отводили на исходные позиции и там кормили.

Командиры отделения и взводов собирали своих бойцов.

Ряды бойцов полка после сегодняшнего боя ещё заметней поредели.

" 30-го января 87 -я кавалерийская дивизия начала наступление в северном направлении на Кривино, Ручьи и вдоль реки Ровань в районе Апраксин Бор и встретила здесь сильное сопротивление - много было построено вражеских дзотов! К одному из них на 15 метров подполз лейтенант В.Е. Малахов. Гранатами он уничтожил в дзоте 12 гитлеровцев. В течение боя со своим взводом он уничтожил еще два дзота. За проявленный героизм лейтенант 236-го кавполка В.Е. Малахов был награжден орденом «Красного Знамени»…(5)

Майор Романовский

На второй день февраля на помощь конникам и для их смены стали подходить 58-я отдельная стрелковая бригада и 57-я отдельная бригада. А за ними двигалась 191-я стрелковая дивизия. На правый фланг этих соединений к Сенной Керести выходила 4-я гвардейская дивизия генерал-майора Андреева. Через горловину Мясного Бора в прорыв втягивались всё новые и новые части.

- Ну, что я говорил, смена подошла. Отдельные стрелковые бригады, да ещё с лыжниками. А то мы на копытах никак!

- Ну, и добре. Теперь дело пойдёт.

- Конечно, пойдет. Вон и майор наш говорил на построении, что мы выполнили большую задачу, вон

какие просторы заняли и сдерживаем. Погибло, правда, много... А вы обратили внимание, как-то плохо майор выглядит. Измотался весь. Мы, правда, тоже не подарки, но он, чего-то того, здорово сдал.

- Заботы много, вот и сдал. Весь спрос-то с него.

Днём бойцы повзводно, около часа, проходили политобучение, но в основном находились в своих ненадежных укрытиях: от ветра и мороза немного спасало, а вот от случайного попадания бомбы с самолетов не спасло бы. В этом случае, как бог укажет, туда и судьба повернёт. Больше холода досаждал голод, продукты в полк поступали с большой задержкой. Выручал иногда постный бульон, приготовленный поварами из конины, да чай из хвои и коры. И чтобы отвлечь себя от нудного урчания в животе, отвлекались разговорами.

Леонтий уже почти поправился. Даже по утрам опять стал обтираться снегом. Григорий это быстро подметил, а долго молчать он не мог:

- Дюжий, ты, Леонтий! Как на собаке всё быстро зажило. У нас в деревне тоже один дед, ему лет сто, наверное, никто не знает точно, а он не говорит, живёт один бобылём на окраине. Всё травки собирает, отвары какие-то лечебные варит. Вся деревня к нему ходит за отварами этими при хворобах разных. Так помню, один раз он шипом боярки веко под глазом разорвал, так дня через два ничего и не видать было. Чисто, даже шрама не осталось. Во, дедок какой! На него даже собаки не лают, уважают. Так и у тебя мясо с руки и боку снесло, а глядишь, уже, как и ничего! Чудно!

- Так к нему, поди, ещё и девки ходят!

- Вань, вот насчёт девок не скажу! Не знаю. А некоторые молодки, после сорока, одинокие вдовушки,

заходят. Совета спросить, поговорить, наверное.

- А чё, моложе-то не могут найти? Мужиков что ли больше нет. Вот ты, например, чем не мужик?

- Понимаешь, Вань, у нас в деревне бабы дородные, дюже серьёзные собственницы, если что не так, сразу в глаз или кочергой. Не допускают, понимаешь, нашего мужика к блуду. Сами ни-ни и нам не моги! Такая вот у нас идиллия в деревне. Бывали, случаи случались, редко, так вся деревня собиралась концерт посмотреть, комедь сплошная. Часа на три хоровод.

- Не, у нас проще. Хотя тоже на показ не побежишь, а так бывает.

- Леонтий, а как у вас в деревне народ поживает?

- Да живут как все, как везде, наверное. Я вот тут вспомнил чего: мне вот сорок два года, а уже считай пятая война. Русско-Японская, Германская, Гражданская, Финская и вот эта опять с германцем. Вот, сижу и думаю: в Русско-Японскую не много мужиков воевало с деревни, человек двенадцать - погибло трое, в Германскую уже тридцать двух убило, в том числе и брательника моего старшего, Савелия, а в Гражданскую человек сорок колчаковцы порубали и молодых и старых, и в Финскую - четверых. Вот я и думаю, сколько в этот-то раз нашего брата поляжет, скольких бабы не дождутся, да сколько детишек сиротами станут. Вот и думаю. А ты, Гриша, бабы да девки!

- Да то не я, Леонтий, то жизнь говорит. Вот убьют нас тут, а жёнкам-то как жить одиноким да молодым без мужика-то? Вот и думаю тоже, что внесёт эта война коррективы жизни и в мою деревню. Бабы ж без мужика всё равно не смогут. Особо молоденькие, которые овдовеют. Чего им-то делать, коли мужиков им хватать

не будет! Вот он и расклад жизненный.

- Тут ты прав, не спорю. Я ещё вот что думаю...

Наверху заскрипел снег, и творило из еловых веток отодвинулось:

- Здравия желаю, бойцы, спуститься к вам можно? Это был голос, хоть и охрипший, но узнаваем, голос майора Романовского.

- Заходите, товарищ майор.

В углу "берлоги" тускло мерцала коптилка.

- Нормально обустроились.

И немного погодя, привыкнув к полумраку, узнал старых знакомых:

- Это Вы, братцы! Вот как мы с вами частенько встречаемся. Накурено у вас добре.

- Так теплее, товарищ майор. Покурите? - Григорий протянул командиру самокрутку. - Вот по кругу обогреваемся.

Майор затянулся и закашлял:

- Что-то махра у вас крепкая?

- Так боец Гуляев её своей кровью смочил, чтоб крепче за душу хватала.

- Что ранен?

- Скользом, товарищ майор. Всё нормально.

- Ага, скользом. Подмышку насквозь прошило, теперь подсвистывает.

- Да, ладно тебе, Гриша, балоболить! Мы вот тут, товарищ майор, говорили с мужиками про войны эти бесконечные. Вот, к примеру, в Русско-Японскую у нас отцы и деды с деревни воевали, так потом долго вспоминали о бездарности и безграмотности царских полководцев, которые тогда проявились ими во время военных действий. Наш сосед, отец моего друга детства, Волков Илья тоже часто вспоминал о том как они,

молодые солдаты-сибиряки, были на Манжурских полях брани практически безоружны, и как вместо винтовок и снарядов к орудиям им привозили иконы, а они были беззащитным пушечным мясом… И после Германской, у нас в деревне, много кто погиб, а многие калеками вернулись, тоже говорили, что всё было плохо и с оружием и с питанием. Вот и сейчас мы по десятку патронов имеем, про еду я уже и не говорю. Вот и немец под Ленинградом и Москвой. Как он быстро добрался-то. Как-то не так опять получается, что ли?

- Прав ты, Леонтий. Во многом прав. Не всё предусмотрели, много дров наломали, доверившись некоторым, да и заверениям гитлеровским. Но, вот что мужики, время сегодня тяжёлое и лучше не затевайте эти разговоры, особенно с кем попало, всякое может быть. Народ у нас разный. Со мной можно. А так, про себя думайте, а вслух не надо! Всё образуется, армия и народ у нас сильные, выдюжим. Заводы у вас в Сибири военные заработали и в Барнауле, и в Новосибирске на полную мощь, так что скоро сломаем хребёт фашисту. Обозлиться только надо. Ну, да ладно, хорошо с вами, прямо отдохнул, как дома побывал, но дальше двину. Скоро снова в ночную атаку пойдём, отдыхайте пока. А вообще, братцы, обозлиться надо крепко на немчуру! Надеюсь, что ещё увидимся, братцы- славяне!

Майор ушел, а мужики ещё некоторое время сидели в тишине, молча докуривая самокрутку.

"*Когда 13-й кавкорпус Гусева и другие соединения вышли на линию Сенная Кересть, Ручьи и Червинская Лука, генерал Мерецков понял, что у него появилась возможность разгромить немецкие войска, сосредоточенные в районе Чудово, Любань. Достаточно перерезать Октябрьскую железную дорогу северо-западнее станции Чудово, и они*

окажутся отрезанными от главных сил, лишатся путей подвоза боеприпасов и даже не смогут отойти к своим. Но генерал армии явственно ощущал, как выдыхаются, становятся все слабее удары его прорвавшихся подразделений. Да, он потребовал от генерала Клыкова уничтожить противника в районе Острова и Спасской Полисти, а затем не позднее 6 февраля стянуть в район Сенной Керести и Ольховки 327, 374, 382 и 4-ю гвардейскую дивизии. Затем объединенными силами ударить в сторону деревни Пятница, после чего на станцию Бабино, что от Чудово в двадцати километрах. Гусевский корпус получил приказ выйти к Красной Горке, от нее близко Любань…" (4)

"*Конники не подвели. Внезапно атакуя противника, 25-я кавалерийская дивизия подполковника Трофимова на плечах отступающих немцев ворвалась в село Дубовик и к концу дня 6 февраля вышла к Большому и Малому Еглино. Конники нанесли удары по флангам этих укрепленных пунктов, а приданная им 59-я стрелковая бригада полковника Глазунова атаковала железнодорожную станцию Еглино с фронта. Совершая марш по маршруту Остров, Абрамцево, Нестерково, Глебово, Савкино, Вальяка, передовой отряд под командованием подполковника А.Н. Трофимова, в подчинении которого находился 236-й кавполк, уничтожал на своем пути вражеские гарнизоны. После ожесточенного боя, в ночь на 10-е февраля, эскадроны 236-го кавполка полностью овладели этими населенными пунктами. В этом бою было уничтожено до 80-ти гитлеровских солдат и офицеров. Передовые эскадроны 236-го кавполка, преследуя отходящего противника, на его плечах ворвались на южную окраину деревни Конечики, но были встречены минометным артогнём. После ожесточенного упорного боя, 236-й кавполк вынужден был отойти к линии железной дороги, что южнее 300-т метров селения Конечики, прочно закрепив за собой*

занятые позиции до подхода полков 25-й кавалерийской дивизии."(4)

За неделю ночных боёв, преодолевая с трудом многочисленные снежные заносы на своем пути, где спешенными, а где в конном строю, измотанный 236-й кавалерийский полк, страдающий от отсутствия боеприпасов, продуктов и фуража для лошадей и, находясь в полной оторванности от тылов где на пятьдесят, а где и на добрую сотню километров, наконец-то закрепился в селе Конечки. Там и пришла малоприятная новость: командир полка, майор Романовский не выдержал нервного напряжения, сошёл с ума и был отправлен в тыл.

- Ну вот, я же говорил, что мне не нравится вид майора. Жалко, хороший мужик был.

- Ну почему был, подлечат, подправят. И опять в бой.

- Вряд ли. Хотя всё может быть в нашей жизни. Неисповедимы пути... Вот неделю назад мы думали в тыл на отдых отойдём, а километров триста отмахали за это время. Сегодня видимо опять не сильно придётся отдохнуть. А командир у нас теперь капитан Надирадзе, тоже мужик, вроде бы ничего, дельный. А то, что молчаливый, так это и хорошо, значит, спокойно всё обдумывает, размеренно.

В деревне. Семья

Во сне Прасковья увидала мужа, почему-то стоявшего посреди серого снежного поля, в расстегнутой нараспашку фуфайке и непокрытой головой, она даже почувствовала холод колючей метели, которая рвала одежду и сильно трепала его густые волнистые волосы.

Леонтий стоял и смотрел, слегка прищурившись, прямо ей в глаза и улыбался, а на белой рубахе слева, под распахнутой полой фуфайки, виднелось красно-коричневое пятно; он был ранен и хотел ей что-то сказать, но не успел. Она попыталась бежать к нему, но тупая боль под лопаткой, а может ещё и грудной сухой кашель пятилетней дочки, вернули Прасковью из тяжёлого сна в реальность.

Она села, приходя в себя, а сердце колотилось быстро и громко. Рядом на печи лежала укутанная в толстую шаль дочка Маруська, так её с любовью звали старшие братья. Вторые сутки жар и кашель мучил девочку.

- А я ей говорил: не ходи со мной, холодрыга на улице, простынешь! А она: пойду и всё тут! Увязалась – не угонишь! Ни к соседям, ни к дяде Архипу идти не захотела! С тобой пойду, и всё тут. Теперь вот заболела. – Говорил Генка, самый младший из трёх сыновей. Николай и Фёдор на колхозных работах были заняты, да на учёбе трактористов в МТС, а всё домашнее хозяйство по мужской линии: дрова заготовить, зимой снег отгрести, скотину накормить, воды натаскать, в хлеву прибрать и многое другое, лежало на плечах тринадцатилетнего Генки, а за это старшие братья прозвали его «хозяйственником». Генке это прозвание нравилось, хоть и тяжело, но зато – «хозяйственник»!

Зима выдалась морозная и снежная, осенью заготовленные дрова таяли на глазах. Вот и приходилось Генке с санками почти каждый день ходить в забоку, за реку, по дрова. Много за один раз не наберёшь, а тут ещё Маруська за ним увязалась прицепом. На ту сторону реки они перебрались весело: Маруська, сидя на санках, которые Генка и две его любимые дворняги

лихо тянули по скользкому льду, была довольна и хохотала заливистым смехом, да и ясная, хоть и морозная, но солнечная погода располагала. «Ладно, шут с ней, пускай прокатится! Чуть меньше валежника наберу сегодня! А куда её девать, дома-то никого. Одной тоже страшно, наверное! Можно было бы к дяде Архипу её спровадить, но он в кузне на работе и Петька тоже с ним, и бабка Миланья куда-то убежала, как назло, да и сама она в рев: «Не пойду!..» Ну, да ничего, один раз возьму с собой, пускай сопли поморозит немного, в другой раз не захочет, да и погодка сегодня пока хорошая, солнечная» - Думал он, таща санки и стараясь не смотреть на реку, покрытую толстым слоем льда.

Чернота под ногами каждый раз, как он отправлялся «за реку» за дровами, навевала дурные мысли, не любил он смотреть на эту реку через лёд, другое дело летом! Ему всегда казалось, что подо льдом кто-то есть, большой и нехороший, и он всегда глядит на него снизу, а летом такого ощущения никогда не бывало. Летом проще: волны или будоражатся или так, мелкой рябью. Там всё понятно, а подо льдом никогда не знаешь, что будет и что там внизу, в черноте.

За рекой было убродно: зима насыпала снега порядком, деревья и кустарники не давали воли ветрам выдувать снег*а*, а январские и февральские морозы добротно уплотнили его. И пока Генка выкорчёвывал из глубоких сугробов сухостойные ветки, и рубил топором их в размер, Маруська вскарабкивалась по плотному насту на горку и кубарем и с визгом скатывалась вниз к реке. «Пускай-пускай катается. Умается малость, тогда меньше и хныкать будет!»

Уложив на санки дрова, и перевязав их бечевой, Генка направился к месту, где каталась сестрёнка. Но её

не только не было видно, но и не слышно. И лишь из сугроба, под горкой, торчала её шубейка, и едва слышался негромкий плач.

Маруська почти полностью лежала в снежной расщелине вниз головой, пытаясь вылезти. Спустившись к ней, Генка быстро вытащил её из снежного плена, уже замолчавшую и глядевшую на него своими чёрными глазами из-под ресниц, покрывшихся большими крупинками льда, как бы с укоризной: «Мол, где ты был?».

«Ну, бляха-муха! Взял тебя на свою голову! Сидела бы на печке! Нет, я с тобой.., дома одна не буду!..» - выругался он.

- Какая муха? – Надула губы Маруська.

- Какая-какая? Такая!

Она была вся в снегу, одна рукавичка потеряна, снег пришлось буквально вытряхивать из-под её одежды. Перевязав эту куклу заново шалью и отдав свои рукавицы, он усадил её на сани поверх дров. Короткий зимний день перевалил в сторону вечера, и обратная дорога оказалась намного трудней, мороз крепчал, а февральский ветер пронизывал насквозь…

Прасковья промокнула пот со лба дочки, чуть раскрыла её руки и ноги, на печи было ещё тепло, хотя снизу от пола уже поднималась прохлада. Сыновья спали на топчане, укрытые поверх одеяла отцовским тулупом.

«Совсем уже большие выросли, - подумала Прасковья, глядя на сыновей, освещаемых скудным светом зимней луны через замёрзшее окошко, - Колька всё на фронт рвётся, который раз уже в военкомат ходил. В мае восемнадцать будет. Ведь уйдёт на фронт,

окаянный. Да и не удержать его, вон какой дылда вымахал. Самостоятельный больно. Федька-то с Генкой, слава богу, ещё малые. Они, поди, на войну-то уже и не попадут, а может она скоро и закончится. Да, достаётся Генке по дому работы, он хоть и младше на два года Федьки, но уже одного роста с ним, а всё равно – малой ещё, но жилистый и упрямый, прямо как Леонтий. Как он там, сердешный? Что же это за сон-то такой приснился. Никак ранен, родимый. А вдруг… Нет-нет, он говорил, что вертается. А если сказал, значит так и будет. Спаси-помилуй его, господи!»

Прасковья тихонечко, чтобы никого из детей не потревожить, спустилась с печи. «Надо чуть подтопить, да дочке молока с мёдом навести и попоить, да и завтрак уже пора готовить, скоро ребятки вставать будут».

- Мам, как там Маруська? В жаре? – Генка всегда просыпался раньше старших братьев.

- Да, ничего! Спи, ещё рано вставать-то.

- А ты чего так рано-то?

- Печь затоплю, да молока ей согрею.

- Сейчас, мам, я приду и сам печку затоплю. – Поднявшись, он быстро сунул ноги в пимы, накинул телогрейку и выскочил в сени.

«Генка-Генка, сердечный ты мой! Чтобы я без тебя делала-то. Хорошие, всё-таки, у нас с Леонтием дети, душевные и работящие!»

Под тулупом зашевелился и Фёдор:

- Чё, уже пора вставать, что ли?

- Поспи, пока завтрак сготовлю.

Из сенок вошёл Генка, занося с собой в избу холод.

- Двери-то скорей затворяй, не выстуживай.

- Во, зараза, морозяка на улице жмёт! Аж коленки окоченели.

- Чё раздетый-то шмыгаешь? Мало мне Маруськи простылой!

- Я не она. Не простыну!

Из-под тулупа высунулась немного заспанная, но улыбающаяся голова Федьки:

- Напустил в дом холода, а нам вставать! Давай, «хозяйственник», затопляй печку! Пимы-то опять мои надел?.. Разрешаю… Походи, пока я не встал, погрей их.

- Ничего, и погрею!

- Ген, смотри-ка, а вояка-то наш, Николай, даже не пошевелился! Вот у кого сон богатырский. Это мы с тобой маленькие ростом, потому и спим меньше. А он дрыхнет себе и хоть бы хны!

- Ага, с тобой как раз задрыхнешь и выспишься! Вечером всё бу-бу-бу и утром с самого ранья тоже! – Уже взрослым басом ответил проснувшийся Николай.

На печи зашлась сильным кашлем и заплакала Маруся.

Прасковья стала успокаивать дочь, Генка, молча начал растапливать печь, и с постели уже вставали старшие его братья.

Было обычное утро, начинающегося обычного зимнего дня в сибирской деревне.

А где-то далеко шла война, отголоски которой долетали и до Сибири в виде похоронок и редких писем-треугольников.

К.Е. Ворошилов

В тишине, под сводом снежной «берлоги», повисло гнетущее молчание. Три крестьянина, волей судьбы ставшие солдатами, расположившись на

лежаках, устроенных ими из скудных сосновых веток по ледяному насту, думали о чём-то своём. Слабоё пламя коптилки колебалось, как лучик надежды, а снаружи гудела февральская метель. Леонтий закрыл глаза. И далеко-далеко в темноте показались ему силуэты жены и детей: одна рука Паши лежала на груди, а другой она прижимала к себе дочурку, а за её спиной стояли три сына. Такими он их и запомнил, уезжая на фронт. Полгода прошло, а будто годы минули, но он ясно помнил то, последнее утро, когда они сидели все за столом, молча, не зная, что их ждёт дальше. Маруська, маленький смеющийся комочек, запомнилась ему больше сыновей, и эта память приятной негой растекалась по уставшему телу.

- Да! – Раздвинул густую тишину голос Ивана. - Но всё равно, жаль майора! Душевный был мужик. Вот так и гинут ни за понюх табака. Не уж-то и мы поляжем также, вон ребят-то, сколько уже погибло.

Видения исчезли, и Леонтий с сожалением открыл глаза:

- Ну, вроде бы закемарил чуток, а тут ты со своими причётами, Иван. Чего в душу себе страхи нагоняешь? Прорвёмся, коли поменьше плакаться будем. Так я, Гриша, говорю!?

- Так-то, оно так. А вот скажи-ка мне, Леонтий, как это так выходит: неделю как через тебя пуля прошла, мы ещё табачок с твоей кровью не искурили, а ты уже опять как огурец-молодец!? Заговорённый, что ли.

- Заговорённый, заговорённый. Ладно, хоть вас не задело.

- Тут ты прав, на все сто! Я как вспомню ту ночку, так душа в пятках щекочет. А ты – молодец, не пикнул ни разу, я уж тогда за тебя, знаешь, как перепугался.

Мне тут бабка наша деревенская как-то приснилась, колдунья она у нас, ну все так её у нас называют, и аккурат ведь она перед твоим ранением приснилась, так она мне и сказала, чтобы я тебя держался. Пока, говорит, он с тобой, ты живой будешь. Ага, так и сказала. Во сне это было. Вроде бы с четверга на пятницу этот сон был. А с четверга на пятницу сны всегда сбываются, это мне ещё моя бабушка говорила!

- А она тебе ничего про твой язык не говорила?

- Не, ничего такого. Только, говорила, что я лет до шести вообще не разговаривал. Ну, а потом как прорвало и понеслось!

- То-то и видно, что прорвало! – Засмеялся Леонтий. – Легко тебе, наверное, с разговорами. Ну и ладно, ну и говори, коль прорвало!

- Ты, вот Леонтий всё смеёшься, а я вот представил как-то себе, что столько лет молчал, так даже самому страшно стало. Как это так?! Всё видеть, а сказать ни-ни. Жуть!

- Да, уж! У тебя в родне, наверное, все такие разговорчивые. – Проворчал Иван.

- Я вот и говорю, что тёмный ты человек, Ваня. Все не могут быть такими, как я, иначе, знаешь, какой шум на Земле был бы. Вот смотри, я говорю, Леонтий улыбается и говорит, подумавши, а ты всё ворчливо и с недоверием воспринимаешь. Вот и получается среди нас идиллия. А если ещё в нашей компании был бы один как я, тогда всё – хана компании. Вот молчуна бы одного маломальского можно было бы. Для противовесу.

Немного помолчав, сделав паузу как бы взвешивая наступившую тишину, Григорий выдал новость:

- А вы знаете, что к нам сам Ворошилов приехал. Мужики говорят, значит, наступление скоро будет.

- Когда ты всё успеваешь прознать, Григорий? Прямо разведка! Надо капитану посоветовать, чтобы тебя в разведчики определил. Вроде бы никуда не ходишь, а всё знаешь.

- А на счёт разведки – это, не, не получится. Я же долго молчать не могу. А в разведке, там тихо надо, молча. Не, не пройду, это точно! А-то кто же тогда вам пайку с кухни принесёт. Не подумал? На кухне, Леонтий, самые что ни на есть первые новости и узнать можно. В Дубовике, говорят, он, Ворошилов. Может и к нам наведается, тут всего-то ничего, верст десять-пятнадцать.

- Ага, приедет, чтобы с тобой поговорить, перед боем. Погибать, чтоб нам легче было.

- Вот я про то и говорю, что тёмный ты человек, Иван, ну прямо как поддувало в печи. Всё в чёрном цвете у тебя! Вон Леонтий сказал: выдюжим! Значит, выдюжим.

- Будешь тут тёмным. Смотри, скольких уже потеряли. А то ли охота помирать-то? Жизни ещё не видели. Вон с Алексеем и Яковом сколько месяцев вместе коротали, а вот их уже и нет! Сгибли сразу. И другие из взвода полегли, больше половины уже нет.

- Ну, завёл волыну. Я же говорю - молчуна нам для комплекта надо. Он бы тебя, Иван, молча слушал и так в такт тебе: угу-угу! А, может филина нам в лесу выловить, а Леонтий? И будет он тут Ивану угукать!

Леонтий встал, поправил фуфайку, затянул ремнём:

- Пойду до командира схожу. Узнаю, что к чему.

Он выбрался в морозный и вьюжный вечер. Судя по скверной погоде никаких наступательных действий не предвиделось. Жёсткий и колючий ветер, пронизывая

насквозь, бил в лицо крупными и острыми льдинками, которые тая, оставляли на губах неприятный болотный привкус. «Гиблые места, сказали бы у нас в Сибири. И воздух здесь тяжёлый. Одно слово – болото. Летом-то как они здесь живут? Комарья, поди, полно и гнуса разного». - Подумал Леонтий.

Вскоре, преодолев снежные заносы и сильные порывы ветра, он добрёл до командирской палатки. Назвавшись и сообщив часовому, что он пришёл к капитану Надирадзе, Леонтий вошёл внутрь. В ней было теплее и намного просторней, чем в их «берлоге», здесь располагались все взводные. Посреди теплилась буржуйка, возле неё стоял стол, сооружённый из тонких берёзовых стволов, вдоль стен располагались несколько топчанов, с отдыхающими командирами. Капитан Надирадзе сидел за столом, смотрел на карту и курил трубку. Повернув немного голову в сторону вошедшего Леонтия, он устало спросил:

- Что, дара-гой! Пра-ходи! Садись! Вот как… с майором-то! Ну, ни-че-го! Прорвёмся! А? Солдат!?

- Чего же не прорвёмся? Конечно, прорвёмся! Не впервой!..

…

…

- А, майор?.. Как он?..

- Увезли, да-ра-гой, майора! Успели. Подлечат. Ты охрану-то оставил?.. Я, вот, видишь, здесь дежурю. Па-ни-ма-ешь, Ленинград рядом! Я там никогда не был! Дядя мой, был. А я – нет! Ленин - град! Это!!! Тбилиси, это да - мой город! Но – Ленин - град!.. Он – наш!

- Я, тоже не был. Я из деревни. Далеко в Сибири это! Я в Барнауле-то был раз десять, ну, может, чуть больше.

- Ничего, солдат! Прорвём окружение и па-гоным фры-ца до само-го Берлина! И в Ленин-граде па-бываем!

- Я, товарищ капитан, зашёл про майора узнать. Узнал. Да коня хотел своего, Седого, дойти глянуть…

- Схо-ды, солдат, па-смотри друга!

Леонтий направился к выходу. В этот момент дверь отворилась и вместе с клубами мороза в землянку стали заходить генералы, среди которых был сам Климент Ефремович Ворошилов. Леонтий невольно отступил в сторону и замер от неожиданности, капитан Надирадзе, видимо тоже не ожидавший такого визита, выронил трубку и быстро встал из-за стола, накинутый на его плечи полушубок упал на пол.

Ворошилов прошёл к столу, снял папаху, сел и, посмотрев на капитана, сказал:

- Ну, что капитан, чаем угостишь?

Один из командиров, прибывших с маршалом, движениями головы указывал Леонтию на дверь, давая понять, что тому нужно быстренько покинуть блиндаж. Этот его жест не остался незамеченным Ворошиловым и присутствие красноармейца тоже.

- Чего это ты там головой дёргаешь? Контузило что ли? – пошутил Ворошилов, - садись, капитан. И вы рассаживайтесь, - предложил он прибывшим с ним, - чего столбами-то стоять. А ты, боец, похоже - конник? Фамилия?

Спавшие в блиндаже взводные и полковые стали просыпаться и спросонья не сразу соображали, что тут происходит и кто перед ними.

- Рядовой красноармеец 236 кавалерийского полка 87 кавалерийской дивизии Гуляев.

- А вторая-то рука где?

- Под фуфайкой она, товарищ маршал. Ранение

небольшое было.

- Сильно небольшое?

- Да, так, на вылет?

- А что не в госпитале?

- Да я кисет с махоркой к ране приложил, потом сестричка обработала. Всё уже почти и зажило.

- Какой такой кисет с махоркой?

- Да, обыкновенный, товарищ маршал. Кисет с махоркой.

- Ну-ка, ну-ка! Присядь-ка рядком, да расскажи.

- Да дело-то обычное. Бой был. Уж больно быстро фрицы дзоты понаделали. Мы вечера три их атаковали. На треть день меня и зацепило. Ну, я кисетом рану придавил.

- Помогло?

- Помогло. Это верное средство. В забоке бывало лес рубишь, поранишься случаем, так махрой залепишь, быстро заживает.

- Ну, да? А немец-то, он сильно бьёт?

- Пристрелено у него хорошо. Каждый метр. Его бы артиллерией прищучить, нам бы проще было. На конях мы его не свалим, нет, не свалим, снег убродный.

- Ну, да! Ну, да! Артиллерией… Ну, ладно, боец, спасибо! Иди, а мы тут поглядим насчёт артиллерии!

Леонтий встал, откозырял по всем правилам и быстрым шагом вышел из блиндажа. Уже на улице он почувствовал, как сильно вспотела его спина, и всё произошедшее было в каком-то тумане: «Чего сказал, как сказал и зачем? Про махру, про артиллерию! Они генералы – лучше знают, а я тут со своим шкворнем».

К Седому идти по ночному морозу Леонтию уже расхотелось, и он, сам не зная почему, пошёл к полевому санпункту.

«17 февраля в штаб Волховского фронта приехал новый представитель Ставки маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов, главком всего Северо-Западного направления.

Ворошилов привез требование Ставки активизировать действия на Любанском направлении. Операция получила название «Любанской».

Ворошилов отправился в войска, стараясь узнать правду о боевых возможностях волховских армий. Войска встречали «первого маршала» исключительно тепло, как живую легенду.

В глухом лесу у Новой Керести маршал Ворошилов посетил редакцию газеты 2-й ударной армии «Отвага». Она размещалась среди вековых сосен в просторной сухой землянке, где прежде укрывались партизаны. Отсюда на танкетке он отправился 25 февраля в деревню Дубовик в штаб 13-го кавкорпуса, чтобы лично наблюдать за операцией по взятию Любани. Кстати, там же, в Дубовике, находился штаб 366-й стрелковой дивизии.

По пути от Новой Керести в Дубовик Ворошилов ненадолго заехал в село Вдицко. Одно время в этом селе после переезда из Малых Вяжищ находился штаб 13-го кавкорпуса. Затем штаб перебрался в Дубовик, а во Вдицко разместился 364-й полевой передвижной хирургический госпиталь.

Село было важным опорным пунктом и его прикрывала от немецких самолетов батарея 37-мм зенитных пушек. В день приезда Ворошилова она сбила «юнкерс», четырех летчиков взяли в плен, у пятого не раскрылся парашют. Вечером прилетели 14 «юнкерсов» и то ли в связи с приездом Ворошилова, то ли мстя за сбитых товарищей, засыпали село бомбами».

Находясь в Дубовике, маршал подвергал себя еще большей опасности, чем во Вдицко, так как противник, кроме налетов авиации, постоянно и методично обстреливал Дубовик из тяжелых орудий. Приезд маршала в Дубовик не являлся секретом для противника. Вечером 25 февраля

Ворошилов уехал, а утром следующего дня семь «юнкерсов» старательно сбросили на деревню тяжелые бомбы.

Как вспоминает В.Н.Соколов, бывший делопроизводитель строевого отдела штаба 13-го кавкорпуса: «Я выбежал на крыльцо и увидел, как прямо на нас, стремительно увеличиваясь в размерах, падают две бомбы. Через несколько секунд раздался двойной взрыв. Во все стороны полетели жерди, солома, комья земли.

Бомбы падали одна за другой, и вскоре деревня представляла собой страшную картину перепаханной земли, окровавленного снега, человеческих рук, ног, голов, обрывков одежды и просто бесформенных кусков мяса. Такое не может привидеться даже в самом кошмарном сне.

Несколько изб горели, повсюду валялись повозки, домашний скарб, трупы людей и лошадей. В зареве пожара метались люди, подбирая пострадавших. В этот день мы потеряли более ста человек.

Во время налета на Дубовик 26 февраля погиб поэт Всеволод Эдуардович Багрицкий, сын известного поэта Э.Г.Багрицкого. Он служил литературным сотрудником в редакции газеты «Отвага».

На место Багрицкого в редакцию прибыл другой поэт – Муса Джалиль (старший политрук М.М.Залилов). Художником в редакции «Отваги» служил московский ополченец скульптор Е.В.Вучетич, уже успевший повоевать рядовым бойцом в 33-й армии». (6)

Медсестричка Таня

- Ой, вы на перевязку, наверное? Я сейчас, только руки оботру.

- Да, нет, дочка! Я просто тут мимо шёл…

- Давайте, я посмотрю и перевяжу вашу рану. А у нас пока перерыв, операций нет, а раненых много, слава

богу, не сильно. Вот вчера прямо один - за одним весь день и всё тяжёлые. Жалко, такие дядечки, как мой папа или братик старший, а уже без рук и ног!

- Да, ты дочка, не переживай так-то, война она так – кому сразу, а кому ещё и пожить долго! Зовут-то как?

- Таня.

- Вот, Танечка-Танюша! Я тут просто мимо шёл. А ранение моё, уже махорочкой полечено, да твоими стараниями и зажило! Лёгкая у тебя рука, дочка!

- А, давайте я вам новую перевязку сделаю. Всё лучше будет!

Он сел на угол топчана и освободил ранение. Лёгкие и проворные руки медсестры аккуратно снимали бинты, а Леонтий, чувствуя это, окунулся в свои мысли. И мысли его были далеко отсюда, он был там, у себя дома. И эта война сегодня ночью, в эту минуту нисколько его не тревожила. Его тревожило то, что Паша, такая хрупкая и маленькая жёнушка, сейчас там одна с их детьми. И только сейчас, успокоенный перевязкой этими нежными, почти детскими ручками маленькой санитарочки Тани он понял, что главное-то в его жизни была она, Паша! Та, которую он и полюбил когда-то давно за её спокойствие и молчание, а может, наверное, и не молчала она! Она, наверное, любила его дурака, с его неуёмной гордыней, и рожала ему детей, так же молча и с любовью! А сейчас вот он здесь, далеко. И немчура вокруг. А его семья – далеко. Трудно ей с четырьмя-то, хотя сыновья их уже совсем большие и самостоятельные, а всё равно – ноет под рёбрами-то. Но, ничего, я вернусь - чего бы мне это не стоило! Нельзя погибать, нельзя. Вот и Ворошилов приехал видимо неспроста, наверное, на днях будет что-то серьёзное. Глупо, конечно, умереть в сугробе, а потом весной уйти

в болото. Немец-то, сволочь, укрепился, успел когда-то…

- Нет-нет, нельзя мне.

- Чего, вам нельзя, дядичко? – перебила его мысли санитарка.

- Мне? Да, это я тут про себя. Задумался, дочка. Прямо усыпила ты меня. Так вот подумал, первый бой у меня был в Ольховке, там и мы немцев видели и они нас, а пули как осы роем летали, а вот ни одна и не задела, а тут шальная какая-то и прямо под мышку. Чудно!

- Ольховка? Это деревня такая была, да?

- Почему была? Она есть.

- Да тут на днях к нам двоих раненых привезли, один-то сильно раненый, а второй поменьше. Я их перевязывала, а они как раз про эту деревню говорили. Немцы, говорят, там всех жителей поубивали. И детей, и всех.

От этих её слов мурашки холодком побежали по его спине, а волосы на голове стали шевелиться, во рту внезапно пересохло:

- Где они, - прохрипел он, сам не узнав свой голос.

- Кто? Чё с вами, дядичко?

Первые мысли, которые пронеслись у Леонтия: «Как так, немцы всех в деревни убили? И стариков и детей, что ли? Суки? Сволочи? Как так? Что они совсем – не люди?» Потом, глядя на испуганное лицо девчонки-санитарки, которая смотрела на него округлёнными глазами, он взял себя в руки, но в голове всё равно стучал молоточек. «А если эти двое, как раз, Яков и Алексей? Вдруг и живы?!»

- Солдаты эти двое – где-е? – Леонтий, увидев испуганное лицо Тани, уже спокойнее добавил, - дочка, где эти солдаты? Проводи меня к ним… Пожалуйста, Танечка-Танюша!

- Так, я провожу. Только спят они, наверное, уже.

- Проводи, посмотреть надо на них! – уже более спокойным голосом произнёс Леонтий. – Понимаешь, мы под Ольховкой двоих своих однополчан-земляков потеряли. А вдруг они это? Я только гляну на них и всё. А перевязываешь ты умело, у меня прямо всё уже и зажило! Будет из тебя хороший врач.

- Скажете тоже. А рана-то ваша уже и вправду почти полностью зажила. И я перевязку закончила. Дня через два можете и бинты снять. Можно к нам прийти, нам бинты нужны, мы их прокипятим, и другим они ещё пригодятся. Пойдёмте уж, поглядите, может и вправду ваши друзья-товарищи. Тут недалеко, вон в том околочке их палатка…

Зайдя в санитарную палатку, Таня подвела Леонтия к лежакам, где лежали двое раненых.

При скудном свете нескольких коптилок было трудно разглядеть их лица. Леонтий наклонился, чтобы лучше рассмотреть одного из них.

- Чего уставился? Доктор, что ли? – неожиданно спросил раненый.

- Да, нет. Не доктор. Вот, думал, что вы мои земляки-однополчане. Потерял я их недалече от деревни Ольховки. В конце января мы там наступали и немцев оттуда выбили. А их вот потерял. Думал, а вдруг вы – это они! И санитарочка сказала, что вы оттуда, что были там.

- Тебя как зовут-то, друг? По говору слышу - нашенский, с Сибири.

- Леонтий я. Из-под Барнаула.

- А я – Никола, с Бийска. Там интенданты были, это, наверное, получается после вас уже. Потом деревню фрицы заняли. Мы их неделю атаковали, потом и

выкурили. А когда зашли… Я всякое видел, но такого – ни разу! Сволочи, они всех деревенских, всех до одного убили. Представь: дети там штыками порублены, а старухи и старики с разбитыми головами. Я, этих фрицев теперь голыми руками душить буду, ни одного не пожалею, суку!

Леонтий слушал, а в его сознании всплыли воспоминания того дня после освобождения ими Ольховки. Тогда они с бойцами шли огородами, осматривали сараи, погреба и дома. В нескольких погребах были жители деревни, выгнанные из домов немцами. От вида сельчан, находящихся в одном из погребов: старика со старухой, женщины лет сорока и трех ребятишек, закутанных в разные платки и лохмотья. При свете зажженной лучины они смотрели на солдат обреченным взглядом, Леонтию тогда стало не по себе, и колкие мурашки пробежали по спине. От этого воспоминания он и сейчас почувствовал холод. А тогда, он представил на месте этих ребят своих детей. Вспомнился ему и разговор со старушкой:

«- Как вы тут, никто не ранен?

- Да нет, милок, раненных нема. Холодновато только, да боязно! Что ж вы их так далёко запустили-то?

- Ничего, мать, прогоним! Дайте только время, обозлиться».

Леонтий, молча, встал и вышел из палатки. Всё у него внутри бушевало: «Да что же это такое? Как? Как такое можно?» Кулаки сжались, впиваясь ногтями пальцев в ладоши, мороза и ветра он не чувствовал, чувствовал боль в груди от неисполнения данного слова тем людям в деревне, той бабке и женщине с тремя детьми, которых уже нет! Страшно! Страшно и больно!

Как в тумане он дошёл до своей «берлоги» и

спустился внутрь.

- Ну, ты, Леонтий как в молодости, ушёл на пять минут, а два часа нагулял! Или огулял кого?

- Ты, Гриша, можешь помолчать? Что ли совсем не спишь?

- Сейчас он только храпел, аж ледок с потолка сыпался. – Иван тоже не спал.

- Чего-то ты хмурной какой-то, Леонтий?

- Хмурной? Я не просто хмурной, я вообще злой как собака!

- Ну-ну, понял, понял! Молчу.

Леонтий сел на свой лежак, молча, достал кисет, и ещё слегка дрожащими пальцами стал скручивать большую «козью ножку».

Григорий и вправду замолчал, притих и Иван. Они оба знали, что Леонтий так просто не будет зол на что-то. Значит – что-то произошло. А расспрашивать его сразу было бесполезно. В их «берложке» наступила тишина.

Дым самосада был более приятен, чем запах гнилой болотной воды, протекающей под небольшим клозетным отверстием из соседей конурки, сооружённой рядом с их жилищем. Конурка та была отделена небольшим проёмом и завешена лоскутом, оставшимся от полы шинели, прихваченной после боя запасливым Григорием. Иван лежал, как всегда молча, он никогда не встревал в разговоры первым. Привычка. Григорий не мог долго терпеть тишины и молчания:

- Дай зобнуть-то хоть разок, Леонтий. Уж больно дымок самосада вкусно пахнет.

- На.

- Ну, вот. Это уже по-нашему. А то сидит себе и смалит в одиночку как куркуль! Добрый табачок! Вань,

будешь?

- Немцы после нас Ольховку заняли. Потом наши их выбили опять оттуда. Но немчура, сволочи, всех, понимаешь, Гриша?! Всех убили. И тех ребятишек, троих с матерью и бабку с дедом! Всех. Всю деревню под корень! А ведь я им обещал, что мы их не дадим в обиду.

Ё… - только и смог выговорить Григорий, Иван сел.

Тишина перемешалась с дымом самосада. Говорить больше никто не хотел. Да и что можно было сказать. Леонтий устало прислонился плечом к стенке своей ниши, глаза сами собой закрылись, а его мысли закрутились вихрем и полетели далеко, расталкивая сумбурные наслоения последних дней. Мысли несли его домой, на родину.

В деревне. Весна 1942г.

День заметно прибавился. Почти уже весеннее солнце, несмотря на стойкий мороз, в полуденные часы понемногу старалось растопить огромные сугробы, но за короткое время ему удавалось лишь слегка приплюснуть их верхушки, образовывая ледяную корочку. И всё же весеннее настроение уже чувствовалось во всём: воробьи, прятавшиеся в холодную зиму в сараях, небольшими стайками уверенно рассаживались на крыше, деревьях, штакетнике дружно и заливисто чирикали между собой, радуясь заканчивающейся зиме. И ветер, дующий с реки, был вроде бы уже и не таким злым и колючим.

Старый лохматый кот, по прозвищу Пушок, всю зиму лежащий возле трубы на печи, утрами сползал вниз, потягиваясь и скрипуче урча. Он лениво, но с присущим ему достоинством и независимостью,

подходил к миске с молоком, косясь на хозяев, как бы говоря: «раньше мне на печку молоко подавали…», начинал неторопливо лакать. Потом долго потягивался в лучах солнца, падающих на пол сквозь оконное стекло, затем степенно дойдя до лаза, скрывался в подполе, а через некоторое время появлялся на улице. И медленно крался к ограде, на которой грелись на весеннем солнце и чистили свои пёрышки воробьи. Он готовился к охоте.

Это был верный признак того, что зима отступала. С каждым утренним лучом солнца становилось яснее видно скорое приближение весны и уход надоевшей своими ветрами и морозами зимы.

Сыновья уже ушли на работу, Прасковья, убрав за ними со стола, накрыла крынку молока с ещё тёплыми лепёшками полотенцем, одевшись, поправила одеяло у спящей дочки и вышла на улицу, зайдя к старенькой соседке с просьбой о пригляде за дочкой.

- Пригляжу, чего же не приглядеть-то, ничай не впервой. От Левонтия-то есть весточка какая-нибудь?

- Да, нет! Никакой весточки!

- Ой-ёё, горемычные они наши, мужики-то, то там гражданская, будь она не ладна, то опять с немцем! Сколько теперь не дождёмся мужиков-то? Ныне по более, наверно! Ну, ты иди, иди себе, не слушай меня-то старую, причёты-то мои. Пригляжу я уже за Машей твоей. Вот сейчас оденусь, полешек чуток подброшу, да и к вам пойду. Посижу, пока дитятко спит. Иди, не переживай, управлюсь, не впервой.

- Там молоко и лепёшки на столе.

- Да, иди с богом, управлюсь.

Прасковья спешным шагом направилась на ферму, на утреннюю дойку.

Солнце только что своими первыми и слабыми

лучами начинало выбираться из-за деревьев за рекой, а деревня уже проснулась. По дороге Прасковью догнали ещё несколько доярок.

Старый бригадир Быстров уже стоял у ворот коровника, постукивая бичом по валенку, а второй рукой поправлял и подкручивал свои будёновские усы. Сколько точно лет деду Илье, как его звали в деревне, точно никто и не знал, говорили, что он с самим Сталиным был с одного года и почти двадцать лет служил в царской армии до революции, а потом вроде бы у белых был, а после и в кавалерии у Будённого. И усы у него были прямо «будёновские», а меж собой деревенские почему-то прозвали его «колчаком». Может, быть за его строгость – не любил он разгильдяйского и ленивого отношения к работе и строго пресекал всякие нарушения и непорядки:

- Долго спите, бабоньки, солнце уже встало, и коровки вас заждались. А они, глянь-ка на них – не торопятся! Больно спать охочи! Так я вас вот бичом-то быстрёхонько отучу!

- Ишь ты, бичом нас пугать! Не зря тебя, Илья Афанасьевич, «колчаком» прозвали! – кто-то ответил ему из доярок.

- Вот я вам, за слова-то такие, всем сейчас всыплю!

- Да, ладно, будет тебе, дядя Илья! Не обижайся на глупости-то наши бабские!

- Глупости! Глупости они от безделия бывают. Темновато ещё, не увидал, кто это там эти глупости пустозвонит. Всыпал бы по самое «не горюй»! Я у самого Будённого служил, он лично мне вот эту руку жал, благодарил за службу, значит! А вы – колчак, колчак! Давайте ужо, хватит ужо трещать трещётки. Работы полно. – Явно с обидой в голосе произнёс длинную речь

дед Илья. – Давайте-давайте, заждались коровки-то ужо.

Внутри коровника от ста с лишним мычащих коров, готовых к доению, было влажно и тепло, и пахло прелым сеном. Парни, пришедшие раньше, уже почти очистили стойла от навоза, смешанного с соломой и заканчивали раскладывать свежий корм по кормушкам.

Утренняя дойка началась, звонко загремели вёдра, притихли коровы, и стало вскоре слышно только довольное чавканье бурёнок и то, как острые струйки парного молока звонко стучат по стенкам вёдер.

- Дарья, шельма ты такая! Опять позже всех на дойку явилась! Уж, я на тебе сегодня отыграюсь, - громкий голос Ильи Афанасьевича разнёсся по морозному утру и эхом прошёлся по коровнику. Доярки захихикали, коровы повернули свои головы в сторону ворот. Всё было как всегда. Дарья, жена Ильи Афанасьевича, всегда приходила чуть позже всех, и Илья постоянно её ругал и грозился каждый раз «отходить» её бичом за опоздания. Но она была моложе его на двадцать лет и сама ему всегда грозила пальчиком, мол, посмей только у меня, чёрт усатый!

- Я же твоих же дочерей завтраком кормила, сопли им вытирала, вот и опоздала чуток. С завтрашнего дня сам будешь их кормить и одевать, а я за место тебя здесь, у ворот коровника постою, бичом пощёлкаю! Ишь, расходился тут как самовар! Домой придёшь, вот, и бригадирствуй! А я – посмотрю!

Весело было дояркам слушать каждодневную семейную перепалку Ильи и Дарьи, теплее и спокойнее становилось от этого.

И казалось, что обычное весеннее утро наступило во всём мире, и нет никакой войны, а есть - вот эта

музыка струек парного молока о цинковые стенки вёдер.

Фронт. Выход из окружения

«- 20.2.1942 года командир дивизии отдал приказ командирам частей: «В 14.30 обрушиться всей мощью автоматического огня на село Конечки. К 15.00 на участке 236-го кавполка с направления Савкино 1-е и 2-е противник перешел в наступление, его разведгруппы отбиты, однако противник все же пытается мелкими группами обойти левый фланг 236-го кавполка. Наступление сопровождается сильным минометным и артиллерийским огнем из Савкино 2-е и села Конечки. В 16.30 КП- 236 донес, что от Савкино 2-е на дороге на Вальяжка наступает до 150 лыжников противника. На левый фланг полка наступает до роты противника. Полк ведет бой. Командиру 244-го кавполка отдан приказ в 18.30 быть готовым оказать помощь 236-му кавполку действуя из- за его левого фланга, а командиру 241-го кавполка быть в готовности прикрыть участок 244-го кавполка. На поддержку 236-го кавполка в 18.30 от Штадива выслана группа автоматчиков в количестве 25 человек.

- На 21.02.1942 года дивизия имеет ту же задачу, что и 20.02.1942 года. Командиру 236-го кавалерийского полка отдан приказ в 1.30 установить тесную связь с 104-м и 98-м кавалерийскими полками и организовать непроницаемый фронт. По дороге от Вальякиса к отметке 62,5 по ручью до стыка с 244-м кавполком установить патрулирование. Больше выдержки при атаках противника.

В 2.30 командиры частей предупреждены, что с рассветом не исключена возможность наступления противника. Бывший командир 236-го кавполка майор Романовский за невозможностью использования в дивизии - откомандирован в Штакор.

Как и предполагалось, противник на участке 236-го

кавполка перешел с рассветом в наступление, обойдя 236-й кавполк с трех сторон с запада, севера и востока. 104-й и 98-й кавполки отошли в панике. 3-й и 4-й эскадроны 236-го кавполка оказались в окружении противника из которого благополучно вышли. На дорогу Конечки, Егудрово выставлено наблюдение.

Потери за день: 236-й кавполк убитых- 5 человек, ранено- 6 человек. От истощения пало - 17 лошадей.

- На 22.02.1942 года дивизия имеет ту же задачу. «Прочно прикрывать ж.д. 2 км восточнее Конечки, Вальякка. И не допустить продвижения противника в южном и юго-восточном направлениях. Граница слева- отметка 64,8, перекресток просек, что 1 км северо- восточнее Вальякка, отметка 63,5» (Приказ Штакора № 033 от 21.02.1942 года). Противник упорно обороняет село Конечки и Каменка. На протяжении всей ночи на 22.02.1942 года подвергал части дивизии минометному и артиллерийскому обстрелу достающему КП 236-го кавполка.

- 27.02.1942 года – задачи дивизии прежние (Приказ Штакора № 32 от 22.2.1942 года). В течении ночи на 27.02.1942 года противник мелкими группами 15- 25 человек пытался перейти в контрнаступление на участке стыка 236-го и 244-го кавполков. Контрнаступающие группы отброшены. В результате минометного обстрела со стороны противника за ночь на 27.02.1942 года дивизия потеряла убитыми и ранеными до 30 человек».(8)

Быстро приближающаяся весна, несмотря на ещё морозные ночи, вносила свои коррективы: днями снег стал быстро буреть, набухать от влаги и в совсем недавно заснеженных полях вскрылись болота. На удивление солнечные дни и почти ежедневные авиационные бомбардировки убыстрили этот процесс. По зимним дорогам, ещё существующим и покрытым

снежной, ледяной коркой, днём проехать уже становилось довольно сложно. Техника вязла в болотной жиже.

Ночные атаки на немецкие позиции тоже вносили коррективы: в свои шалаши и землянки, после изматывающих боев, возвращались не все. Кто-то отправлялся в санчасть, а кого-то хоронили в братских могилах.

В один из вечеров в «крыше берлоги» Леонтия и его товарищей образовалась большая дыра - снежный потолок обрушился и, рассыпавшись на куски, присыпал отдыхавших красноармейцев.

- Я, прямо, как чувствовал, что недолго нам здесь осталось загорать! – Как всегда первым отреагировал вскочивший с лежанки Григорий, стряхивая с себя комья снега. – Днём ещё подумал, а оно вот тебе и раз!

- Мог бы предупредить, раз подумал. – С ворчанием встал и Иван, стряхивая с себя комья снега и ледышки.

- Ладно, в следующий раз предупредительный выстрел сделаю. Ты смотри, аккурат прямо к ночи и жильё наше рассыпалось. Чудеса! Видимо придётся менять дислокацию, по ходу дела или в наступление опять нас бросят.

- Всё ты знаешь, Григорий, наперёд.

- Так я же не сижу на одном месте, а то к поварам добегу, то к снабженцам. С вечера уже, говорят, и приказ получили, закончился, стало быть, наш короткий отдых.

- Ещё знаешь, наверное, куда двинем?

- А-то как же. Само собой знаю. В ночь, скорее всего, выступаем в сторону Каменки. Там, говорят, фашистов до сотни видели. Разведка! А мы-то, вот как раз и без жилья остались, так что самое то: в бой пора!

Да и пополнение у нас уже закончилось. Пора и нам вперёд.

- Ну, Гриша, я даже и не сомневался, что ты всё уже разведывал. - Произнёс Леонтий, выбираясь наверх из обрушенного «жилища». – Наверное, ты прав. Вон все наши зашевелились. Видимо, построение скоро.

- А то! Когда это я просто так говорил. – Григорий поднимался следом. - Иван, хватит там прохлаждаться, давай двигай на свежий воздух.

- Двигай, двигай. Мне и тут свежо. – Бурчал Иван, встряхивая от снега трофейную шинель. – Сейчас, поднимусь. Тоже мне командир тут выискался.

«К началу марта 1942 года 2-я ударная армия значительно пополнилась за счет подразделений, бригад и дивизий, переданных ей Волховским фронтом из других армий. Для прорыва к Любани в состав 13-го кавалерийского корпуса была передана из 4-й армии 80-я кавалерийская дивизия, а из резерва фронта пополненная 327-я стрелковая. Этим частям было приказано «сходу» овладеть хутором лесника Красная Горка и выйти к Любани. Взятию хутора препятствовала сильно укреплённая насыпь железной дороги Чудово – Веймарн. Дивизии дрались у Красной Горки, изо всех сил рвались к Любани, а в Дубовик доставляли раненых. Путь пролегал по лесам и болотам, лишенным каких бы то ни было дорог. Глубокий снег, под ним – незамерзающие болота. Гаубицы весом 2400 кг тонули сразу на оба колеса. Лошади выбивались из сил. Люди – огневики и управленцы – надели лямки и совместно, с помощью подручных материалов тащили на себе через топи орудия… На всём пути следования встречалось очень много убитых лошадей – след, оставленный кавалерийским корпусом».(8)

В изрядно поредевший всего за один месяц и

несколько боев 236 кавалерийский полк к концу февраля тоже прибыло пополнение. Отделение Леонтия пополнилось пятью красноармейцами, уже «обстрелянными» и понюхавшими запах пороха и крови. Все они были родом из сибирских деревень, кто из-под Иркутска, кто из-под Томска и Красноярска. Знакомство закрепилось коротким стуком алюминиевых кружек с НЗ, без лишних расспросов и разговоров, кроме коротких фраз: фамилия, имя и откуда родом.

После недолгого построения и переклички, 236 кавалерийский полк выдвинулся в сторону села Дубовик.

- Леонтий, а ты случаем не партизанил в гражданскую? То, что ты не очень-то много разговоров ведёшь, это мы уже уяснили меж собой, точно я, Иван, говорю? Похоже, что не просто партизанил, а разведчиком, наверное, был. – Завёл походный разговор Григорий. – Вот уже почти неделя прошла, а ты всё ни одним словечком не обмолвился. Ладно, я тут случайно узнал, а то так в незнании всю войну бы и провоевали. А он, Вань, молчит ведь!

- Ты, про что это? – спросил Григория Леонтий.

Иван, не понимая о чём речь, но сообразив, что что-то интересное может пропустить, высвободил ухо из-под шапки.

- Так вот про то, что сейчас бы мы с дополнительным пайком топали, да и в бою легче было бы сытыми быть.

- Не пойму я, куда ты клонишь, Гриша!

- Так вот, как раз туда и клоню. Про встречу твою и разговор с самим Ворошиловым! Вот вчера хотя бы рассказал нам про то, как ты беседы вёл с самим

маршалом Климентием Ефремовичем, так сегодня я с утра пару-тройку дополнительных пайков бы и выбил, пока было ещё, что выбивать! Рассказал бы снабженцам, как тебя сам Ворошилов поздравил с прошедшим днём Красной армии, так они бы мне вещмешок битком набили! И шли бы мы сейчас по этой ночи сытые и довольные бить вражину.

- Морду бы они тебе набили, это точно, а не вещмешок! – Пробурчал Иван.

- Вот, Иван, ты даже помечтать человеку не дашь! Только я, значит, чего-нибудь надумаю, чтобы срезать углы всякие, а ты прямо тут как тут с причётами. Я может быть мыслями своими от голодухи нас спасаю, а ты сразу в морду, в морду! Глянь в вещмешке, там, в уголке сухарь не завалялся, случаем?

- Тебе-то это надо?

- Надо-надо! Вот идём мы сейчас фрица бить, а на желудке голодно! Разве это правильно, а Леонтий? А Ваня, мне так кажется, точно что-то заныкал!

- Да ладно тебе, Гриша, доставать-то его. В бой идём, не до жиру тут! – Леонтий решил немного придержать «коней» Григория.

И тут раздался взрыв.

Так неожиданно и без всякого свиста летящего снаряда…

Леонтий как-то неестественно остановился и стал заваливаться набок. Рядом идущий с ним солдат поднялся над сугробом и упал, уткнувшись головой в снег. Его нога упала рядом.

Гриша с Иваном волной взрыва упали почти одновременно, закрыв голову руками. Липкая и солоновато пахнущая жидкость потекла по лицу Григория. Следом рвануло ещё и ещё…

«2 марта 1942г. 00 ч 40 мин: Из донесения штаба ВФ № 00259/Оп ВГК: «Связи с 80 кд и частями 46 и 327 сд, находящимися севернее Красной Горки, в течение 1 марта не имелось… Ввиду отсутствия подвоза за последнее время запасы боеприпасов сократились и по основным видам составляют 0,2-0,6 боекомплекта». Это почти ничего. И всё же, продвигаясь в этих тяжелых условиях, воины 13-го кк и 59-й стрелковой бригады занимают Огорели, станцию Радофинниково, село Дубовик.

8 марта 1942 г.: 8 марта в журнале боевых действий 18-й немецкой армии сообщается: «Взято в плен 1093 и 1556 убито русских под Красной Горкой». Вскоре после этого 13-й кавкорпус вывели в тыл. Очевидно, он уже был не боеспособным.

15 марта 1942 г.: Из донесения начальника ПУ ВФ в ГлавПУР РККА: «В войсковых частях Волховского фронта имеются случаи заболевания сыпным тифом. Многие командиры и бойцы по несколько месяцев не моются в бане и не меняют белья».

18 марта 1942 г. 18 марта противник в первый раз отрезает войска 2УА от войск Волховского фронта, образовав «волховский котёл».

С 19 марта по 24 июня 1942 года коридор связи со 2УА закрывался и открывался 6 или 7 раз. При этом он представлял уже открытую (без леса), узкую «долину смерти» длиной 5 км и шириной до одного км. По нему могли пробираться небольшие группы бойцов и подводы, но только ночью. Однако Ставка ВГК и командование фронта требуют решительно продолжать наступление на Любань. 327-я сд находится в окружении. Потери Волховского фронта в марте составили 40 679 человек. В марте 1942 года фашисты, не считаясь с потерями, беспрерывно контратаковали, бросая в бой все новые и новые силы. Подтянув свежие дивизии, ударом с двух сторон.

19 марта 1942 года гитлеровцы перекрыли проход у

Мясного Бора. На целую неделю снабжение армии почти совсем прекратилось - доставка продуктов и фуража самолетами была каплей в море, тем более что активизировалась и авиация врага. Его самолеты гонялись за каждой машиной, повозкой, даже пешеходом». (7)

Григорий приподнял голову и осмотрелся. Иван тоже шевельнул рукой, потом ногой.

- Вань, жив?

- Кажись, жив. Вот сволота… насовал тут мин… сука!.. А Леонтий – где?

Григорий подполз к недвижимому Леонтию, распахнул фуфайку, приложив ухо к груди:

- Жив, курилка! Жив, чертяка! В госпиталь его надо! Срочно! Давай, Ваня, живо давай!

В госпитальной палатке, куда принесли Леонтия, мест не было.

- Дочка, - обратился Григорий к пробегающей мимо медсестре, - дочка, помоги моему лучшему другу! Очень прошу!

- Да, господи! Куда же я его, видите, все палатки полны!

- Доча, ну очень нужно ему помочь! Пойми, ты! Очень!

В свете вспыхнувшей в небе ракетницы сестричка увидела лицо Леонтия:

- Так это же дядя Лёня! Он же у меня два раза перевязку делал!

- Он, он! – Григорий взял руку медсестры и, глядя ей в глаза, соврал: - он нам про тебя все уши прожужжал! Вот, видимо, судьба такая! Опять к тебе он попал. Всё говорил, дочка-дочка!

- Сильно его ранило? Вроде бы крови-то и нет.

- Да, сильно-сильно! Без сознания он, а сердце как барабан стучит!

- Знаете, у нас тут подводы тяжёло-раненных грузят в тыл отправлять. Может и его тоже с ними?

- Молодец, дочка! Не зря Леонтий всё про тебя нам талдычил! Молодчина! В тыл его, сердечного, надо! В тыл!

Так волей Судьбы и настойчивости друзей-однополчан Леонтий в бессознательном состоянии после тяжёлой контузии был отправлен в тыл.

Война в окружении под Любанью в кавалерийской дивизии для него была закончена, но после излечения она продолжилась в стрелковой дивизии за освобождение городов Псков и Ленинград вплоть до тяжёлого ранения в сентябре 1944 года.

Февральским морозным утром 1945 года Леонтий сошел с поезда на вокзале города Барнаула, вдохнул полной грудью родной сибирский воздух.

---

1. *«Меньшиков Григорий Лаврентьевич - 1902г.р. Место рождения Новосибирская область. Дата и место призыва Новосибирская область, Топкинский РВК, красноармеец рядовой кавалерист. Умер от болезни 24.06.1942г. Парахино. Дом культуры 1924 ЭГ ВФ. Номер описи источника информации А-83627. Захоронен Окуловский р-н, северо-западная окраина г. Окуловка. Братская могила.)* (7).

2. *Бахарев Иван Ермолаевич 1900г.р. – С. Обинское. Убит 30.05.1942г. – Мясной Бор.»* (7).

08.2015-01.2020гг.

==========

Отзыв на повесть «Солдатская Любань. 1942»

(Первоначальный вариант: «Любань. 1942»)

Автор берётся за заведомо беспроигрышную тему: Великая Отечественная война. Каждый штрих, каждое слово о тех событиях и участниках дорогого стоит. И с каждым годом всё дороже. Когда ювелир берёт в руки алмаз, то из него может получиться алмазная крошка для шлифовального станка или бриллиант в царскую корону. Материал один - мастерство приложенное разное.

Главное в повести - сюжет, или последовательность интересных событий. В этом случае ряд событий приведших к победе в деревне. Самое больное место в период Великой Отечественной войны - это первые наши поражения. И этот чрезвычайно сложный момент показан бес прикрас, но на высоком духовном уровне. Несомненным достоинством текста считаю то, как автору удаётся показать менталитет российских солдат. Само отношение к военным действием с крестьянской практичностью и русской смекалкой: как бить врага, чтоб победить!

У автора свой узнаваемый язык - это редкость. Это прекрасно. Сленговые, разговорные выражения, обороты речи тех военных лет и сам стиль, говор его героев - украшение повести.

Есть и последовательность разворачивающихся событий, и внутренний мир героев виден. И даже некое мистическое событие на духовном уровне вполне могло присутствовать в образе майора.

Буденкова Т.П. 20.02.2020г.

Помнить и не забыть

Документальный очерк

Об очерке

"Наша история - это история многих поколений. История, которую мы должны знать и обязаны помнить, потому что Наша история - это исторический путь наших предков и наших отцов. Она - есть жизнь и продолжение нашей жизни в наших детях, внуках и в наших потомках, которым строить и вершить дальнейшую Славную Историю России!

Наша история - это Мы с Вами".

Вот так начинает своё произведение автор.

И это правильно.

Помнить свою историю, историю своей страны, жизненные пути своих предков важно не только для нас, но и для наших детей и внуков.

Увы, не всем сегодня удаётся собрать, отыскать информацию о родных, живших в иных поколениях. Что-то утеряно, что-то переиначено, спрятано от лишних глаз и ушей, многое уже недоступно, потому как не задумывались мы раньше о жизни своих, даже довольно близких к нам, предков.

Но ещё не поздно! И, может, именно нам суждено восстановить исторически важные мгновения и годы через истории своих семей.

Очерк Гуляева - один из таких, высокоинформативных произведений.

В очерке автора масса информации, скрупулёзно и бережно собраны факты, даты, отражены важные моменты жизни нескольких поколений. Красной линией в судьбах его родных проходят трудные военные годы.

Низкий поклон вам, Владимир Георгиевич, за гигантский объём проделанной работы, за трепетное уважение к предкам, вы вправе ими гордиться.

Преноминатор конкурса
«РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА - 2020»
Оленникова О.
11.02.2020

Это наша история

"Наша История - это история многих поколений. История, которую мы должны знать и обязаны помнить, потому что Наша История - это исторический путь наших предков и отцов. Она - есть жизнь и продолжение нашей жизни в наших детях, внуках и в наших потомках, которым строить и вершить дальнейшую Славную Историю России!

Наша история - это Мы с Вами".

***

И все чаще и чаще - сильней
о себе знать дают ваши раны.
И все меньше становится Вас
поседевших в боях ветеранов.
И не нужно Вам громких речей,
в Вашей памяти гром канонады,
и стволы обгоревших печей,
и осколки в груди от снарядов.
Трудно Вам, пережившим атаки,
и хотя уж прошло много лет,
снится пламенный танковый факел,
снится взрывов кровавый букет.
Вы Память пронесли, через года,
О героических боях под Сталинградом,
И то, как у Рейхстага генерал
Вручал бойцам, заслуженно, награды!
И все чаще и чаще - сильней
о себе знать дают ваши раны.
И все меньше становится Вас,
поседевших в боях ветеранов.

1985-2020гг.

Войны и лихие времена не обошли стороной и наши села: Шелаболиху и Новообинцево.

В каждую родовую семью постучала костлявая. Проводила своей косой, где скользом, а где наверняка. Побывала и в моей родне.

В первую Империалистическую войну:

- погиб Гуляев Савелий Сергеевич (1890-1914гг.). Имел 1 сына.

- Прохор Сергеевич Гуляев (1896-1942гг.) получил ранение в плечо на Румынском фронте 09.11.1916г.

В Гражданскую войну (1918-1920 годы) были призваны в действующую Красную Армию еще два младших брата Гуляевых:

- Архип Сергеевич (1897- 1970 гг.) - был контужен на Польском фронте и вернулся инвалидом (остался на всю жизнь почти глухим после разрыва снаряда),

- Леонтий Сергеевич (1900-1953гг.) - мой родной дед отделался легким ранением в левую ногу.

Потом были сложные годы коллективизации и становления колхозов.

Подрастали дети, часто слушавшие вечерами от отцов военные рассказы, а днем, в свободное от полевых работ время, играли в "белых" и "красных" деревянными саблями и ружьями. И никто из них не знал, что где-то уже готовятся "планы" и на их судьбы...

…Еще не совсем забылись потери в тех войнах односельчанами своих родственников, а тут пришла новая страшная весть о войне с Германией: В 3 часа 15 минут утра 22 июня 1941 года началось вторжение в СССР. Фашистские самолёты бомбардировали Киев и Минск. В тот же день войну Советскому Союзу объявили

союзники Германии - Италия и Румыния, 23 июня - Словакия, а 27 июня - Венгрия.

Почти все сельчане были на полевых работах и на покосе за рекой, но уже после полудня в центре села Новообинцево, у сельсовета, был срочно созван митинг с представителями райвоенкомата. На нем объявили фамилии наших сельчан, которые сразу после митинга считались мобилизованными и направлялись на фронт, на защиту Родины...

"Очень редкий случай имел место, и я думаю не только редкий для нашего села, но возможно и на весь Алтай. Федор Егорович Павлихин, наш колхозный шофёр, на своей машине - полуторке прямо с митинга увёз мобилизованных солдат в Барнаул на мобилизационный пункт. Там он тоже был мобилизован вместе с машиной и прошёл всю войну до самого поверженного Берлина, а после Победы к осени 1945г. вернулся на своей полуторке домой в свой родной колхоз "Комсомолец". Живым и даже не раненным. Сельчане его часто спрашивали: "а ты, случаем, не в рубашке родился?".

Вообще-то, таких счастливых случаев даже по стране было мало, а у нас всего один на весь район". (Из воспоминаний ветерана Великой Отечественной войны Н. Л. Гуляева, р.п. Павловск Алтайского края, 1988г.).

* * *

Набат по миру
в тысячу колоколов!
Сразу - в одночасье...
Плач, море слез
об ушедшем от всех
в один миг счастье.

Взорвалась тишина,
как будто
не было её вовеки.
Никогда.
Свист пуль,
вой бомб,
лязг гусениц,
крик воронья -
пришла беда.
И толпы беженцев
по тысячам
извилистым дорогам,
и горькие
недолгие прощанья
с родимым домом
у порога. 1985

Часть 1. Отцы

...И тогда в первых "эшелонах мобилизованных" сибиряков (1941 года) ушли на фронт и мои родственники из поколения дедов:

Гуляев Прохор Сергеевич (1896г.р. - погиб в 1942г.)
Гуляев Леонтий Сергеевич (04.05.1900 - 20.10.1953гг.)
Гуляев Федор Сергеевич (1902 - 1995гг.)
Кечин Семен Дмитриевич (1907г.р. - 12.04.1942г.)
Калинкин Иван Гаврилович (1905г.р. - 1988г.),
Григорьев Александр Иванович (1912г.р. - 05.06.1981г.),
Гулимов Иван Яковлевич (1904г.р. - 196.г.).
Кечин Яков Петрович (1913г.р. - 19..г.),

Кечин Прокопий Петрович (1904г.р. - 1943г.),

Синельников Кирилл Афанасьевич (09.06.1909 – 02.03.1995гг.)

Леонтьев Василий Алексеевич (1907 – 23.06.1978г.),

Кечин Владимир Петрович (1924 – 1944гг.),

Мельников Михаил Романович (1913 - 1958гг.)

Подвиги, совершенные ими, были отмечены Государственными наградами: орденами и медалями. И вошли в Летопись Победителей.

1. **Гуляев Прохор Сергеевич (1896 - 1942гг.)** - старший брат моего деда.

Дата рождения: 1896г. Место рождения: Алтайский край, Павловский р-н, с. Новообинцево.

В РККА на войну был призван 13.01.1942 г. Павловским РВК, Алтайского края, Павловского р-на.

После тяжелого ранения был отправлен в полевой госпиталь. 15.05.1942г. связь с госпиталем прекратилась, поле чего Прохор Сергеевич стал считаться пропавшим без вести (Номер фонда источника информации- 58 ЦАМО).

В семье Прохора Сергеевича росли 4 сына и дочь.

2. Гуляев Леонтий Сергеевич (04.05.1900 - 20.10.1953гг.) - мой родной дед по отцу, (его жена – Давыдова Прасковья Ивановна)

Дата рождения: 04.05.1900г. Место рождения: Алтайский край, Павловский р-н, с. Новообинцево.

Дата и место призыва: сентябрь 1941 Павловский РВК, Алтайский край, Павловский р-н. ***Коммунист.***

2 класса образования, женат, 4 детей.

На фото: Дед – Гуляев Леонтий Сергеевич с ранеными. Военный госпиталь в г. Ленинграде. 1944г.

Начало службы: 236-й кавалерийский полк 13-й кавалерийский корпус 87-й кавалерийской дивизии. Дивизия формировалась как в/ч 2262. 21 сентября 1941 года в лагере под Барнаулом (разъезд №18) весь личный состав дивизии принимал присягу и полки получили от Барнаульских организаций трудящихся Красные шефские Знамена.

7 ноября 1941 года части дивизии в полном строевом составе принимали участие в демонстрации трудящихся Алтайского края.

Последнее место службы: рядовой, 194 гвардейский стрелковый полк 64 гвардейской стрелковой дивизии, 19.01.1943-09.05.1945гг.

Военно-пересылочный пункт, Ленинградский ВПП, Прибыл в часть - 14.01.1945года.

Воинская часть - ВГ 1114.

Выбытие из воинской части - 15.01.1945 год.

Куда выбыл: Павловский РВК, Алтайский край.

Источник информации - ЦАМО.

Информации Ленинградский ВПП, Номер описи источника информации – 530167, Номер дела источника информации – 42836.

Тип лечебного учреждения: Эвакуационный госпиталь

Место дислокации: город Ленинград

Район дислокации: Ленинградская область

Лечебное учреждение находилось в этом районе с 16.04.1943 по 01.04.1945гг.

Дополнительная информация: город Ленинград ул. Институтская, 5 л-д 18, п/я 563

Ранения – 3 ранения.

Последнее ранение - сентябрь 1944г.

Участие в боевых операциях:

Январь - март 1942 – Любанская операция.

Июнь-сентябрь 1943 - «Синявинская операция».

Январь 1944 - «Пулковские высоты» - освобождение Красного села.

Февраль 1944 - Нарвская операция.

10 июня 1944 – Выборгская наступательная операция - 10.06.44.

Июль 20-29 1944г. - освобождение Пскова, Нарвы.

Август 1944 – Рига – «Курляндская операция».

Награждения:

1. Медаль «За Отвагу».
2. Медаль «За оборону Ленинграда». Приказ подразделения от 10 октября 1943г. издан: 194 гв. СП 64 гв.сд (архив ЦАМО, фонд 2294, опись: 2, ед. хранения: 50, № записи: 1532947822 (5)

Леонтий Сергеевич в 1929 году вступил в коммуну им. Карла Маркса, а затем в колхоз "Советская Сибирь" и

в 1930 году был принят в партию ВКП(б) и состоял в ней до 1953 года, до конца своих дней. В том же 1930 году его избирают председателем сельского совета.

Три года (1930-1932 годы) он проводил коллективизацию в своем селе. А с появлением первых тракторов - работал трактористом и с 1936 года по август 1941 года возглавлял тракторную бригаду в колхозе.

В 1941 году ушел на фронт.

Служил кавалеристом в конном корпусе Гусева Второй ударной армии Власова.

В конце апреля 1942 года под Любанью (район Мясной Бор) на Волховском фронте, когда армия генерала Власова была полностью окружена, через образовавшийся полуторакилометровый коридор, под непрерывным обстрелом немцев, осуществлялся вывод войск из окружения.

К 16 мая кавалеристы корпуса Гусева сумели с боем и большими потерями выйти из окружения. Среди них с тяжелоранеными был эвакуирован и мой дед - Гуляев Леонтий Сергеевич, получивший тяжёлую контузию от разорвавшейся мины.

После лечения в госпитале он снова вернулся на Ленинградский фронт. Участвовал в обороне и освобождении городов СССР: Ленинград и Псков. За войну был трижды ранен.

В августе 1944г. дед получил третье тяжёлое ранение в левую ногу (в туже ногу, что и в Гражданскую) и, после четырехмесячного лечения в госпитале, в январе 1945г. он был отправлен домой для восстановления здоровья сроком на полгода.

-9- Для военнослужащих

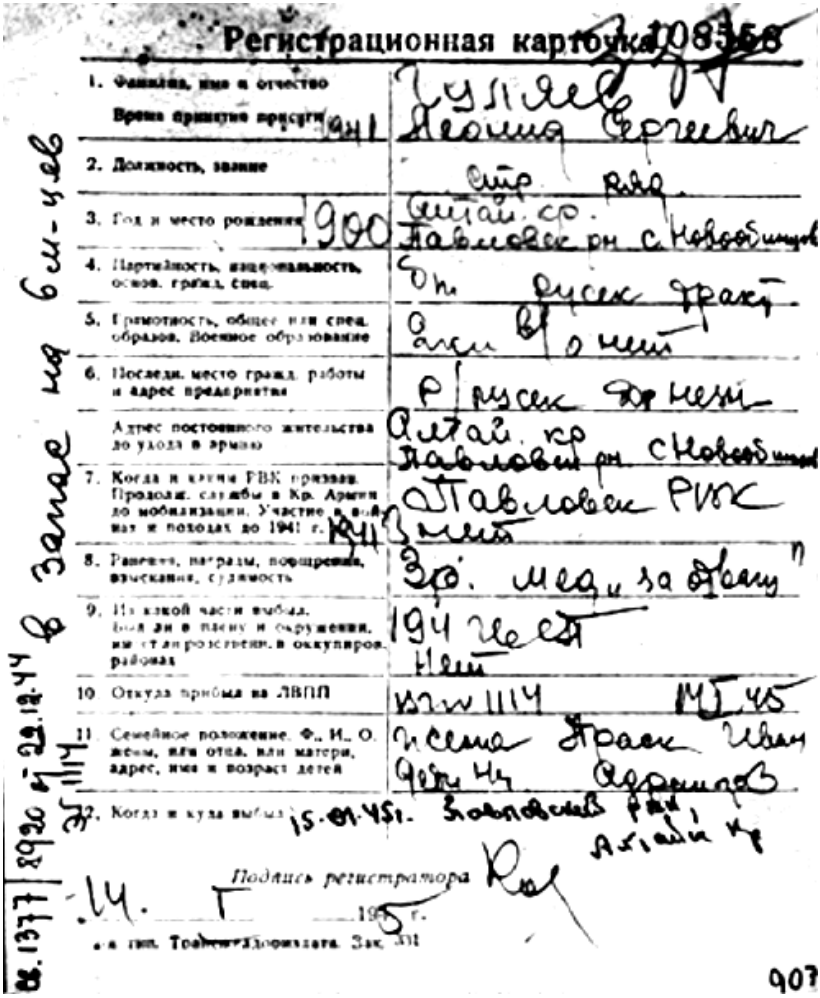
АКТ

вручения медали „За оборону Ленинграда"

194 гвардейский Стрелковый полк (Наименование части) „10" Октября (число, месяц) 1943 г.

В соответствии с пп. 2—3 Положения о медалях „За оборону Ленинграда", „За оборону Одессы", „За оборону Севастополя" и „За оборону Сталинграда", утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года лицо Командиром 194 гвардейского Стрелкового полка 6 Гвардейской стрелковой дивизии Шарапевым Василием Михайловичем от имени Президиума Верховного Совета СССР произведено вручение медалей „За оборону Ленинграда" нижепоименованным участникам обороны г. Ленинграда:

№№ п/п.	Фамилия, имя, отчество	Звание, должность	Серия и № удостоверения к медали	Примечание
77	Гарзанов Евгений Иванович	Красноармеец Заряжающий		
78	Галуцкий Василий Евгеньевич	Младший л-нт Ком-р взвода		
79	Гарисенин Николай Дмитриевич	Красноармеец Зам ком-ра отд		
80	Горохов Ефим Аронович	Красноармеец Зам ком-ра взвода		
81	Гарзеев Владимир Иванович	Красноармеец Стрелок		
82	Гурьянов Петр Григорьевич	Красноармеец Стрелок		
83	Гадчев Василий Максимович	Красноармеец Стрелок		
84	Газизов Михаил Ибрагимович	Старший сержант Командир отд		
85	Гуляев Леонид Сергеевич	Красноармеец Стрелок	В 47385	



Регистрационная карточка 108568

1. Фамилия, имя и отчество — Гуляев Леонид Сергеевич
Время прибытия в часть 1941
2. Должность, звание — стр. рядо.
3. Год и место рождения 1900 Алтай. кр. Павловск. рн. с. Новобатурин
4. Партийность, национальность, основ. гражд. спец. — Бп. русск. крест.
5. Грамотность, общее или спец. образов. Военное образование — Грам. в. нет
6. Последн. место гражд. работы и адрес предприятия — Р. русск. нет
Адрес постоянного жительства до ухода в армию — Алтай. кр. Павловск. рн. с. Новобатурин
7. Когда и кем из РВК призван. Продолж. службы в Кр. Армии до мобилизации. Участие в войнах и походах до 1941 г. — Павловск. РВК 1941 нет
8. Ранения, награды, поощрения, взыскания, судимость — Зр. „Медаль за отвагу"
9. Из какой части выбыл. Был ли в плену и окружении, или оставался в оккупиров. районах — 194 гв. сп. нет
10. Откуда прибыл на ЛВПП — Изв. 1114 МЛ. 45
11. Семейное положение. Ф., И., О. жены, или отца, или матери, адрес, имя и возраст детей — Жена Прасковья Ивановна. Дочь Нина Афанасьевна
12. Когда и куда выбыл — 15.01.45. Павловск. рн. Алтай. кр.

Подпись регистратора

„14." Г. 1945 г.

2-я тип. Трансжелдориздата. Зак. 331

907

В запас на 6 м-цев

8920 ЗГ 1114 — 29.12.44

08.1377

В регистратуру

К-ц Гуляев Л. С. подлежит увольнению в запас на шесть месяц по ст. 49 гр. I прик. 336 от 1942 г.

„14" I 1945 г.

Деж. врач

2-я тип. Трансжелдориздата. Зак. 331

Гуляев Леонтий Сергеевич был награждён двумя медалями: "За отвагу" и "За оборону Ленинграда".

После войны он еще 8 лет (1945-1953 годы) работал председателем Шелаболихинского сельского Совета.

члены сельского Совета с. Шелаболиха 1947-1948г.
В центре: Гуляев Леонид Сергеевич

20 октября 1953 года Гуляев Леонтий (Леонид) Сергеевич умер от ран, полученных на войне.

В его семье росли 3 сына и дочь.

* * *

Война. Любань.
Долина смерти - Мясной Бор.
Болота. Голод. Выстрелы в упор.
Полгода адской круговерти.
И смерть друзей однополчан:
Сержантов и солдат.

Кровавый взрыв и ранен дед.
Телега, тряска, медсанбат.

…Ты помнишь, дед мой, Ветеран,
Свист пуль и крик души в атаке.
Как танк на танк шёл на таран,
И солнце в кровь. В каком-то мраке.
Был старшина неуязвим.
Перебегал от щели к щели:
Кто ранен – жив, кто невредим!
Вперед! В атаку! Мы у цели!

И поднимались, матерясь,
Ругались, как умели.
Вперед шли, смерти не боясь –
Не все из роты уцелели…
…Ты помнишь, дед мой, Ветеран:
Санбат и красные бинты.
Как умирал сосед от ран…
А прямо за окном – ЦВЕТЫ. 1985г.

3. **Гуляев Фёдор Сергеевич (1902 - 1995гг.) -** родной брат моего деда. ***Коммунист.***

Дата рождения: 1902г. Место рождения: Алтайский край, Павловский р-н, село Новообинцево.

Дата и место призыва: Алтайский край, Павловский р-н, село Новообинцево.

Награды: медаль "За отвагу", орден Отечественной войны I степени, другие юбилейные медали и медали за доблестный труд.

В РККА с 27.06.1941 года. Всю войну служил сапёром.

В наградном листе от 11.02.1945г.

(Приказ о награждении б/н от 10.02.1945г.) записано (стилистика сохранена):

"Командир саперного отделения Роты Управления 16 гвардейской танковой Речицкой бригады Гуляев Ф.С. за время боёв с 14.01. по 5.02.1945г. показал себя храбрым, мужественным и отважным сапёром.

Выполняя приказ командования, тов. Гуляев первым со своим отделением, проявил инициативу в постройке моста через противотанковый ров в районе д. Карбово 27.01.45 года.

Его отделение, и лично тов. Гуляев, под огнем противника заготавливали и доставляли бревно.

Мост был построен досрочно, чем обеспечено было быстрое продвижение наших частей. Тов. Гуляев достоин награждением ор.. (зачёркнуто) медалью "За отвагу".

Командир Роты Управл. Гв. Лейтенант Лопатин."

Все графы заполнить полностью

134

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Гуляев Федор Сергеевич

2. Звание рядовой 3. Должность комендантского отделения Роты Управления 16 гв. танковой Ремонт. бригады

Представляется к медали „За отвагу"

4. Год рождения 1903 5. Национальность русский 6. Партийность беспартийн.

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) в отечеств. войне с 1.9.1941 года Центр. и 6 Белорус. фронт

8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне ранен трж. 2.9.41. и 3.4.10.44.

9. С какого времени в Красной Армии с 27 июня 1941 года 10. Каким РВК призван Павловским РВК, Алтайского края

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) не награжден

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

За время боев с 14.01 по 8.02.1945 года тов. Гуляев показал себя храбрым, мужественным и отважным воином.

Выполняя приказ командования, тов. Гуляев первым во своим отделением, проявил инициативу в постройке моста через противотанк. ров в районе д. Карбово 27.01.45 года.

Все отделение и лично т. Гуляев подожгем противника заготавливали и доставляли бревна. Мост был построен досрочно, чем обеспечено было быстрое продвижение наших частей.

Тов. Гуляев достоин награждения медалью „За отвагу"

Командир (начальник) Роты Управл. гв лейтенант (звание) Л. Лопатин

11 февраля 1945 г.

Федор Сергеевич, до войны заведовал элеватором в Шелаболихинском "Заготзерно" Алтайского края.

Вернувшись с войны, ещё много лет работал в селе Шелаболиха, а затем в селе Сузун Новосибирской обл.

Умер Федор Сергеевич в 1995 году в возрасте 93-х лет в городе Новосибирске.

В его семье росли два сына.

Федор Сергеевич стал прототипом одного из героев книги "Время надежд" советского военного писателя И. Русого. Данная книга была подарена ему автором - сослуживцем.

4. Кечин Семён Дмитриевич (1907г. - 12.04.1942г.) - мой родной дед по матери, (его жена – Калинкина Агафья Гавриловна)

Дата рождения: 1907г. ***Коммунист.***

Место рождения: Алтайский край, Павловский р-н, село Павловск.

В РККА с 06.1941 года. Место призыва: с. Свистуновка Колыванского сельсовета Павловского района Алтайского края.Воевал в минометной роте 94-го Осинского полка 21-й Краснознаменной стрелковой дивизии в составе Карельского фронта.

Погиб 12.04.1942г.

Из похоронки от 14 мая 1942г.:

"Ваш сын красноармеец Кечин С.Д. уроженец Алтайского края Павловского района Новообинцевского с/совета в бою за Социалистическую Родину верный военной присяге, проявив геройство и мужество, был убит 12 апреля 1942г. Похоронен у дороги 8 км дер. Вонозеро Подпорожского р-на Ленинградской обл. Командир 94 Осинского стр. полка.... Нач. Штаба 94сп...". (стилистика сохранена)

Кечин Семен Дмитриевич (1907-1942гг.) (мой родной дед по матери)

Семён Дмитриевич в впервые годы коллективизации работал в коммуне трактористом. Потом односельчане избрали его председателем колхоза "Комсомолец" (1936-1940гг.) в селе Новообинцево Павловского района Алтайского края.

В начале 1940г. Павловский райком ВКП (Б) направил Семёна Дмитриевича председателем на поднятие отстающего колхоза "Большевик" в с. Свистуновка Колыванского сельсовета Павловского района Алтайского края.

Оттуда он, не смотря на предоставленное ему право как председателю колхоза на «бронь» (освобождение от призыва), и ушел добровольцем на фронт в июне 1941г.

В семье Семёна Дмитриевича были 2 дочери (1931г.р. и 1933г.р.) и сын (1929 – 1938гг.)

5. **Гулимов Иван Яковлевич (1904 - 196..гг.) –** дядя моего отца. ***Коммунист.***

Гулимов Иван Яковлевич

Дата рождения: 1904г. Место рождения: Алтайский край, Павловский р-н, село Новообинцево.

Дата и место призыва: Алтайский край, Павловский р-н, село Новообинцево.

Награды: медаль "За оборону Ленинграда", медаль "За отвагу". В РККА с 06.1941 года.

Подвиг, совершённый им, отражен в наградном приказе 228-му Гвардейскому гаубичному артиллерийскому полку за № 017-н от 12 мая 1945г. (стилистика сохранена):

"Наградить медалью "За отвагу": "2. номера орудийного 6 батареи, гвардии старшего сержанта Гулимова Ивана Яковлевича за то, что в уличных боях в г.Берлине 25-26.04.45 года своей быстрой и чёткой работой у орудия способствовал уничтожению его огнем 2 ручных пулеметов и около 70 солдат и офицеров противника, при этом проявил мужество и отвагу. Имеет 1 ранение на фронте Отечественной войны. 1904 года рождения, русский,

образование 4 кл., беспартийный, имеет 1 легкое ранение 4.05.1942г. Волховский фр., На фронте Отечеств. Войны с июня 1941г. награжден медалью "За Оборону Ленинграда" 22.12.1942г..." (стилистика сохранена).

До войны и после войны работал механизатором.

В его семье росло 2 сыновей и 3 дочери.

6. Кечин Яков Петрович (1913 - 196..гг.) – родственник по линии деда.

Дата рождения: 1913г. Место рождения: Алтайский край, Павловский р-н, село Новообинцево.

Дата и место призыва: Алтайский край, Павловский р-н, село Новообинцево.

В РККА с 13.07.1941 года. Рядовой.

Награды: медаль "За боевые заслуги" он получил за то, что: будучи трактористом 2 батареи 20 пушечного артиллерийского полка особой мощности РГК (стилистика сохранена):

"... при прорыве обороны немцев в восточной Пруссии в период с 18.01 по 28.01.45 года в период боевых действий своевременно доставлял тяжёлую артсистему на огневые позиции, чем способствовал своевременному открытию огня по целям противника и успешного выполнению поставленных боевых задач батареей. Работая на тракторе "Ворошиловец" с 1942 года прошел на нем без аварий и капитального ремонта 2400 км, имея при этом экономию ГСМ. Ранее в боях с немецкими захватчиками был ранен 11.7.1942г. Ранее был награжден медалью "За Оборону Сталинграда"(стилистика сохранена).

До войны и после войны работал трактористом. За трудовые заслуги награждался медалями СССР.

В его семье росло 6 сыновей и 1 дочь.

Для двух моих тоже очень близких родственников, которых я знал с детства, которых всегда вспоминаю с уважением, война началась задолго до 1941г. и закончилась в 50-х годах. Во время войны они были не в тылу, а воевали на фронте, уничтожая немецкие десанты, диверсантов и полицаев, помогавших немцам.

7. Калинкин Иван Гаврилович (1905 - 1988гг.) - родной брат моей бабушки (Калинкиной-Кечиной Агафьи Гавриловны). ***Коммунист.***

Дата рождения: 1905г. Место рождения: село Атемар Саранского уезда Пензенской губернии.

Дата и место призыва: Алтайский край, Павловский район, село Новообинцево.

С 16 лет Иван Гаврилович работал в органах безопасности (ГубЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ). В 1936-1941гг. работал начальником отдела Милиции в городе Барнауле. Проживал с семьёй в доме совпартработников (ныне восстанавливающееся здание "Русский чай" на проспекте Красноармейский).

Калинкин Иван Гаврилович. 1905г.р. 1922 по 1950гг. работал в органах безопасности (ГубЧК , ОГПУ, НКВД).

В 1941 г. Иван Гаврилович был призван на фронт.

В течение всей войны участвовал в операциях по поимке немецких диверсантов и полицаев.

Имел боевые награды: орден Красной Звезды и медали. Войну закончил в 1945г.

После войны вернулся в г.Барнаул. Работал директором мебельной фабрики.

В 50-х годах уехал в г. Норильск.

Умер в 1988 году от истощения в тюрьме города Драгобуж, обьявив протестную голодовку о несправедливости вынесенного приговора. Осуждён за убийство мужа внучки, который избивал его внучку, нигде не работал и отнимал у него пенсию для покупки спиртного. В Великую Отечественную войну он участвовал в освобождении этого города от фашистов *(Ирония Судьбы!).*

У Ивана Гавриловича был сын – Владимир 1926 года рождения, который тоже участвовал в Великой Отечественной войне только на Дальнем Востоке в войне с Японией (к сожалению, точные сведения отсутствуют).

8. **Григорьев Александр Иванович (1913 – 05.06.1981гг.) –** муж моей двоюродной бабушки (Давыдовой Полины Ивановны)

Александр Иванович служил в войсках НКВД, МГБ в Кокчетавской области Казахстана. ***Коммунист.***

Григорьев Александр Иванович (1913-1981гг.)

Служил в органах НКВД-МГБ с 1934г. по 1954г.

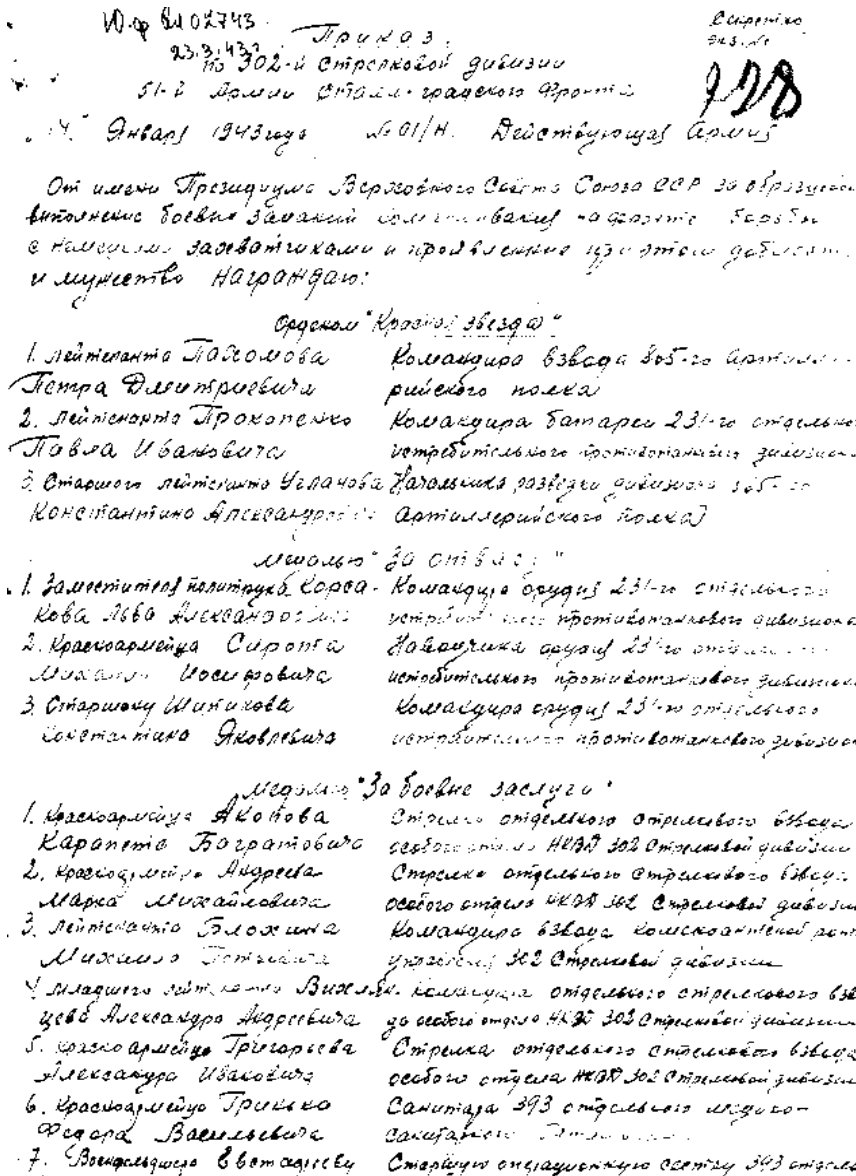
Участник Великой Отечественной войны.

Григорьев Александр Иванович С 30-х годов служил в НКВД. Войну закончил в 1945г. Служил до 1954г.

Старшина

Во время войны в спецгруппе участвовал в боевых операциях в прифронтовой зоне и на фронте в группе СМЕРШ по поимке немецких диверсантов и полицаев.

После окончания войны вернулся в Кокчетавскую область и продолжил службу.



Ю.ф. 81 02743 Приказ.
23.3.43 г. по 302-й стрелковой дивизии
51-й Армии Сталинградского Фронта
"4" Января 1943 года № 01/Н. Действующая Армия

Секретно
Экз. №
228

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждаю:

Орденом "Красная звезда"

1. Лейтенанта Пасомова Петра Дмитриевича — Командира взвода 865-го артиллерийского полка
2. Лейтенанта Прохопенко Павла Ивановича — Командира батареи 231-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона
3. Старшего лейтенанта Уланова Константина Александровича — Начальника разведки дивизиона 865-го артиллерийского полка

Медалью "За отвагу"

1. Заместителя политрука Корсакова Льва Александровича — Командира орудия 231-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона
2. Красноармейца Сиротина Михаила Иосифовича — Наводчика орудия 231-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона
3. Старшину Шихова Константина Яковлевича — Командира орудия 231-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона

Медалью "За боевые заслуги"

1. Красноармейца Акопова Карапета Багратовича — Стрелка отдельного стрелкового взвода особого отдела НКВД 302 стрелковой дивизии
2. Красноармейца Андреева Марка Михайловича — Стрелка отдельного стрелкового взвода особого отдела НКВД 302 стрелковой дивизии
3. Лейтенанта Блохина Михаила Петровича — Командира взвода конноартиллерийской роты управления 302 стрелковой дивизии
4. Младшего лейтенанта Вихлянцева Александра Андреевича — Командира отдельного стрелкового взвода особого отдела НКВД 302 стрелковой дивизии
5. Красноармейца Григорьева Александра Ивановича — Стрелка отдельного стрелкового взвода особого отдела НКВД 302 стрелковой дивизии
6. Красноармейца Гринько Федора Васильевича — Санитара 393 отдельного медико-санитарного батальона
7. Вольнонаемную Светлову Таню Васильевну — Старшую операционную сестру 393 отдельного медико-санитарного батальона

Вначале 50-х годов, после выхода в отставку, переехал с семьей в село Шелаболиха Алтайского края.

До 1980 года работал снабженцем в райпотребсоюзе села Шелаболиха Алтайского края.

Награды: орден Красной звезды и медали.

В его семье росла дочь – Галина.

9. **Леонтьев Василий Алексеевич (1907-23.06.1978гг.)** - отчим моей матери.

Леонтьев Василий Алексеевич

Дата рождения: 1907г.

Место рождения: Алтайский край, Павловский р-н, село Новообинцево.

Дата и место призыва: Алтайский край, Павловский р-н, село Новообинцево.

Перед войной по оговору был арестован с несколькими односельчанами.

Амнистирован и освобождён в 1941 году.

Войну начал в августе 1941г.

Дошёл до Берлина и даже оставил свою подпись на Рейхстаге.

Был награжден медалями "За боевые Заслуги" и "За Победу над Германией".

В его семье росли сын и дочь.

10. Мельников Михаил Романович (1913 - 1958гг.) – муж моей двоюродной бабушки (Давыдовой Натальи Ивановны)

Место рождения Новосибирская область, станция Чаны. ***Коммунист.***

Поступил на службу в 1941 году в городе Новоибирске. Пулеметная рота Мотострелкового пулеметного батальона 74 танковая бригада 2-го Дальневосточного фронта. Старшина.

Награждён медалью "За боевые Заслуги":

"За бесперебойное и умелое обеспечение роты питанием и боеприпасов в условиях боевых действий, рискуя жизнью от руж.пулемётного огня смертников япюармии в р-нах слохжи, яоитуна, среди гор.Сум-у, гор Сун-у за проявление при этом храбрости.

Вывод: Достоин правительств. Награды Медаль "За боевые заслуги"

Командир МСПБ Майор Данильченко

Сентябрь 1945г."

(стилистика сохранена)

Представлен мед. "За боевые заслуги" гвардии. кав. 74 гвар. 02/11 пп 25.1.45г.

2/98

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1 фамилия имя отчество Мельников Николай Романович
2 звание Старшина
3 должность и часть Старшина роты Мото-стрел. взвода 74 гв. гвардейского Экромск. ордена Ленина дважды Краснозн. дивизии
4 год рождения 1919
5 национальность Русский
6 партийность и стаж Чл. ВКП(б)
место рождения

8 участие в гражданской войне, последующих боях по защите СССР и отечественной войне / когда, где / участвовал в боях против фашистских захватчиков с 11 августа 1943 г. в составе 3 гв. фронта
9 имеет ли ранения, контузии:
а/ в гражданской войне Не имеет
б/ отечественной войне Не имеет
в/
10 с какого времени в РККА VII 1941 года
11 какими орденами, медалями награжден, когда Не награждался
12 домашний адрес

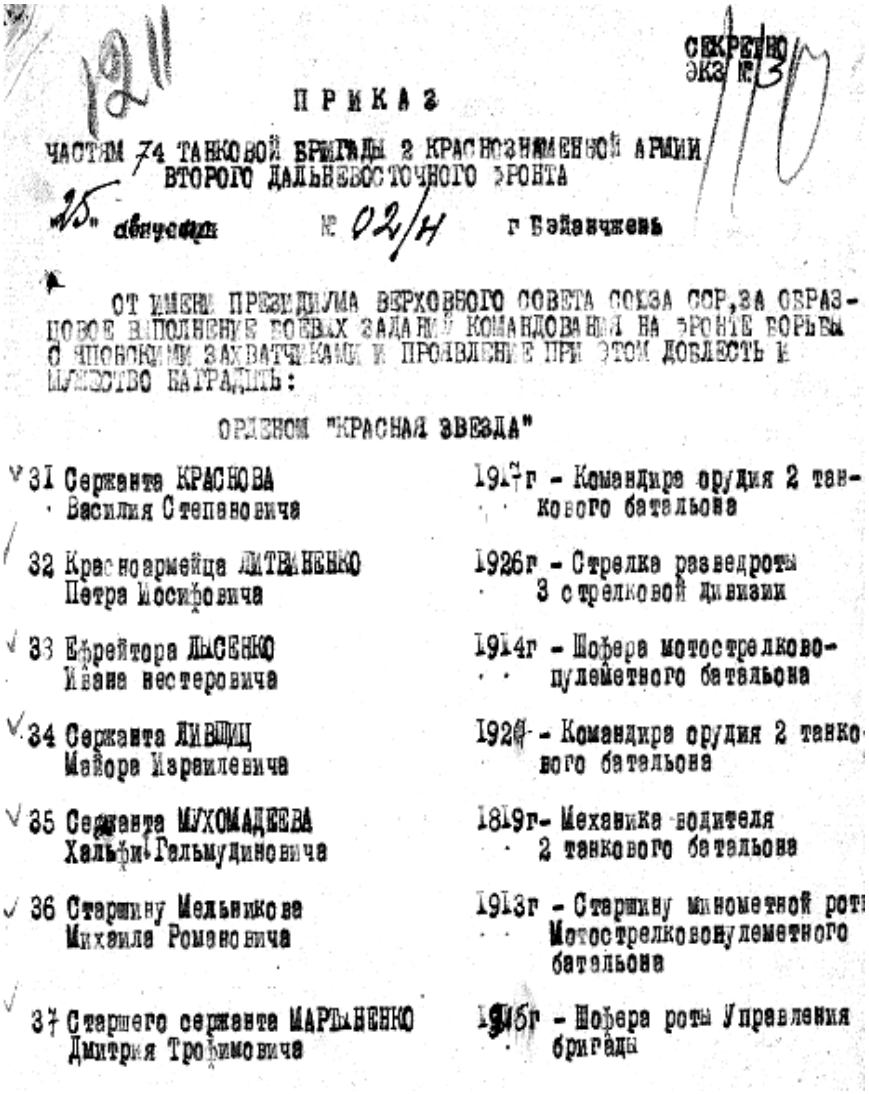
/ краткое, конкретное изложение личного подвига или заслуг /

За безупречное и умелое обеспечение роты боеприпасами в условиях боевых действ. рескую живую от рук. и артиллерийского огня смертников 3ей армии в р-нах Сарбеи, Лойтуны, Средн. гор. Сун-у, гор. Сун-у. за проявленные при этом храбрости.

Вывод: Достоин правительств. награды Медаль „За боевые заслуги"

Командир МСПБ
майор: /Дашильченко/

" Сентября 45г.



1211

СЕКРЕТНО
ЭКЗ №3

ПРИКАЗ

ЧАСТЯМ 74 ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ 2 КРАСНОЗНАМЕННОЙ АРМИИ
ВТОРОГО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА

"25" февраля № 02/Н г Бэйанчжень

ОТ ИМЕНИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР, ЗА ОБРАЗЦОВОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ БОЕВЫХ ЗАДАНИЙ КОМАНДОВАНИЯ НА ФРОНТЕ БОРЬБЫ С ЯПОНСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ И ПРОЯВЛЕНИЕ ПРИ ЭТОМ ДОБЛЕСТИ И МУЖЕСТВО НАГРАДИТЬ:

ОРДЕНОМ "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

31 Сержанта КРАСНОВА Василия Степановича — 1917г - Командира орудия 2 танкового батальона

32 Красноармейца ЛИТВИНЕНКО Петра Иосифовича — 1926г - Стрелка разведроты 3 стрелковой дивизии

33 Ефрейтора ЛЫСЕНКО Ивана Нестеровича — 1914г - Шофера мотострелково-пулеметного батальона

34 Сержанта ЛИВШИЦ Мейера Израилевича — 1920г - Командира орудия 2 танкового батальона

35 Сержанта МУХОМАДЕЕВА Хальфи Гельмудиновича — 1919г - Механика-водителя 2 танкового батальона

36 Старшину Мельникова Михаила Романовича — 1913г - Старшину минометной роты Мотострелково-пулеметного батальона

37 Старшего сержанта МАРТЫНЕНКО Дмитрия Трофимовича — 1916г - Шофера роты Управления бригады

После войны с 1950 года по 1958 год Михаил Романович работал председателем колхоза им. Кирова в селе Батурово Шелаболихинского района Алтайского края.

В его семье росли сын и дочь.

11. Синельников Кирилл Афанасьевич (09.06.1909г.р. – 02.03.1995г.) – свёкор моей тёти, Григорьевой Галины Александровны.

Место рождения: Алтайский край, Кулундинский район, с. Ново-Покровка. ***Коммунист.***

Место призыва Кайбский РВК

Воинская часть, штаб (3 шак, 2 ВА)
Дата поступления на службу __.__.1930

Награды Героя:

Орден Отечественной войны I степени **(**Даты подвига 01.12.1944-28.02.1945) - Приказ подразделения №: 72/нот: 05.04.1945г., Издан: ВС2ВА,Архив: ЦАМО, Ед.хранения: 514, № записи: 41080129.

Орден Красной Звезды **(**Даты подвига 20.07.1942-15.12.1942) - Приказ подразделения №: 23/н от: 08.05.1943г., Издан: ВВС, Архив: ЦАМО, Ед.хранения: 1121, № записи: 21649420

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» - Президиум ВС СССР, Приказ подразделения №: 51 от: 14.09.1945, Издан: 3 шак, Архив: ЦАМО, Ед.хранения: 114, № записи: 1535806159.

Медаль «За боевые заслуги» - От 03.11.1944г. док. № 195/605, Подписали: М.И.Калинин, А. Горкин, Номер фонда ист. Информации - Р7523, Номер описи ист. Информации – 4, Номер дела ист. Информации – 257, Архив – ГАРФ.

Орден Отечественной войны I степени - Архив ЦАМО, Картотека - Юбилейная картотека награждений, Расположение документа шкаф 55, ящик 22, Номер документа 8 Дата документа - 06.04.1985г., Автор документа - Министр обороны СССР.

Страница героя в интернете:
https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie1560861985/

«Наградной лист к подвигу № 1:

ФИО: Синельников Кирилл Афанасьевич

Звание: Майор.

Должность, часть: Помощник Начальника Оперативно-разведывательного отделения старший 3 Штурмового Авиакорпуса. Представляется к «Ордену «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА».

Год рождения: 1909

Национальность: Украинец

Партийность: Член ВКП (б) с 1931г.

Участие в гражданской, последующих действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда): Участник Хасанских юоёв 1938г. В Отечественной войне участвует с сентября 1941 года.

Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне: Не имеет.

С какого времени в Красной Армии: 1930г.

Каким РВК призван: Кайбским.

Чем ранее награждён: Значок Участника Хасанских боёв 1938г.

Краткое изложение подвига №1:

«В отечественной войне с сентября 1941 г. Работал в должности старшего помощника по развед.части Оперативно-разведывательного отделения Штаба 226 Штурмовой Авиадивзии с мая 1942г.

За время своей работы проявил себя энергичным, дисциплинированным и требовательным командиром. С 20.7 по 15.12.42г. капитан СИНЕЛЬНИКОВ участвовал на Сталинградском фронте и за этот весь период старательно, заботливо и своевременно организовывал развед.работу в дивизии.

В результате своей настойчивой и старательной работе постоянно имел все необходимые данные о противнике. Неоднократно представлял в вышестоящие штабы весьма ценные сведения о крупных группировках противника и о его авиации.

Хорошо помогал Командованию Дивизии своевременно нацеливать части Дивизии на объекты атаки.

За время боевых действий проводил большую работу по выяснению линии фронта и своевременно доводил линию фронта до частей Дивизии. В результате чего в Дивизии не было отмечено ни одного случая ошибок при действиях по войскам противника.

За проявленную энергичную, старательную работу по обеспечению успешных боевых действий частей Дивизии тов. СИНЕЛЬНИКОВ достоин Правительственной награды ордена «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА».

Начальник Штаба Штурмового Авиакорпуса подполковник ПИТЕРСКИХ. 9 февраля 1943г.»

«Наградной лист к подвигу № 2:

НАГРАДНОЙ ЛИСТ 275

1. Фамилия, имя и отчество СИНЕЛЬНИКОВ Кирилл Афанасьевич.

2. Звание Гвардии Майор 3. Должность, часть Помощник Начальника Оперативно-разведывательного отделения старший 3 Штурмового Авиационного Минского Корпуса.

Представляется к Ордену "ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1 СТЕПЕНИ".

4. Год рождения 1909 5.Национальность Украинец. 6.Партийность Чл.ВКП/б/-1931г.

7. Участие в Гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне /где,когда/. Участник Отечественной войны с сентября 1941 года.

8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне Не имеет.

9. С какого времени в Красной Армии- 1930 г. 10.Каким РВК призван Кайбским РВК.

11. Чем ранее награжден / за какие отличия, когда/ Медаль "За оборону Сталинграда"-1942 г. Орден "Красная Звезда"-1943 год. Медаль "За боевые заслуги"- за выслугу лет-1944 год.

Краткое изложение подвига №1:

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Тов. СИНЕЛЬНИКОВ с сентября 1941 года участник Отечественной войны на Южном, Юго-Западном, Сталинградском, Западном, Брянском, 2 и 1 Прибалтийском, 3 Белорусском и 1 Украинском фронтах.

В занимаемой должности с декабря месяца 1942 года. За период Отечественной войны приобрел хороший боевой опыт оперативной работы. В мае 1943 года за образцы в работе по обеспечению успешных боевых действий частей 226 ШАД в Сталинградской операции награжден Орденом "Красная Звезда".

В зимней операции войск 1 Украинского фронта в отсутствие Начальника оперативного отдела тов. Синельников руководил работой Оперативного отдела Корпуса. За этот срок, несмотря на некомплект в отделе 4 офицеров (находились при наземных частях и в командировке), оперативный отдел Корпуса своей работой оперативной части справился успешно благодаря самоотверженности и настойчивой работе майора Синельникова и офицеров отдела.

За время операции Корпус произвел до 5000 боевых самолетовылетов. Майор Синельников в трудных условиях работы и многократных перебазирований Штаба Корпуса постоянно осуществлял своевременную информацию, контроль за выполнением боевых задач, борясь настойчиво со всякими случаями нарушений в работе Штабов Дивизий, обеспечивал успешную работу оперативного отдела Корпуса.
Все порученные оперативные задания выполнялись настойчиво, добросовестно и в срок.

Службу Кирилл Афанасьевич начал красноармейцем в городе Хабаровске. Вскоре он был направлен в полковую школу, по окончании которой назначен командиром пехотного отделения.

В Великую Отечественную войну, в начале августа 1941 года на Южном фронте, старший лейтенант Кирилл Афанасьевич был начальником разведки 40-го истребительного авиационного полка.

После первых боёв, когда полк понес большие потери как самолетов, так и личного командного состава, Кирилла Афанасьевича назначили штурманом полка, потом помощником начальника штаба авиационной дивизии.

Дивизия принимала участие в Барвенко-Лозовской операции в районе города Харьков. В одном из воздушных боёв его самолет был подбит, а Кирилл Афанасьевич получил тяжелое ранение.

После госпиталя его признали негодным к летной службе и назначили старшим помощником начальника оперативного отдела по разведке авиадивизии на Сталинградском фронте, где он был переведен начальником разведки 3-го штурмового авиакорпуса Резерва Верховного командования.

После победы над Германией корпус был расквартирован в Австрии и Гвардии майор Кирилл Афанасьевич назначается начальником штаба авиаполка 2-й Воздушной армии, а уже в начале 1946 года авиаполк был расформирован.

Кирилл Афанасьевич награжден двумя орденами Отечественной войны первой степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», «За доблестный труд.

В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», 10-ю юбилейными медалями, имел 21 Благодарность от Верховного командования Вооруженных сил СССР.

После демобилизации Кирилл Афанасьевич с семьёй проживал в селе Шелаболиха Алтайского края.

В его семье росли сын и дочь.

До последнего дня своей жизни коммунист Кирилл Афанасьевич принимал активное участие в жизни села Шелаболиха, но не всегда руководители района и села понимали и принимали его критику в их адрес.

* * *

Вы прошагали пол земли,
и сотни километров отмахали.
И только 9 мая смогли почувствовать то,
как все сильно устали.

Идя сквозь огонь и гнилые болота,
вы животами бороздили минные поля.
И грудью закрывали амбразуры дзотов,
за вами была Родина - родимая земля.

С винтовкой в перевес
вы на "броню" ходили.
И фрицев стёрли б навсегда,
но вам не разрешили...

...И вот он День пришел родной!
Его со слезами всем миром встречали.
И обнимались кто двумя, а кто одной,
И слез Победных жгучесть ощущали.
1985

Часть 2. Дети

Отцы воевали, а их дети рвались на фронт.

Первый "эшелон мобилизованных" геройски выполнил свою первую, основную задачу: враг, прошедший Европу блицкриг, был остановлен по многим направлениям. Но не сломлен.

Весь первый год войны молодые, крепкие парни (1924 - 26 годов рождения) с. Новообинцево днем пахали и сеяли, вечерами изучали военное дело, готовились идти на фронт...

Похоронки в село приходили регулярно. То в одной хате завешивали зеркало на несколько дней, то в другой...

Материнские глаза

Обнимая тонкую осину,
не скрывая черноты фаты,
плачет мать о сыне,
не вернувшимся с войны.
Ветер те рыдания разносит,
по больной, израненной земле,
словно всех людей он просит
крикнуть разом: Нет войне!
Нет войне! Послушайте, не надо,
чтобы гибли он иль я.
Мы желаем мирного парада:
мы - Земля, Вселенная и Я.
Мать все плачет. Посмотрите -
это теперь вечная слеза.
И закованы в граните
материнские глаза 1976

...Летом 1942 года, после посевной, на войну двинулся "второй эшелон мобилизованных" 1923 - 1924 года рождения - это было поколение наших отцов, среди них мои дяди:

Гуляев Николай Леонтьевич (07.05.1924г.р. - 16.01.2003гг),

Гуляев Иван Архипович (1926г.р .- 1997гг.),

Давыдов Иван Иванович (1924 - 1957гг.),

Гулимов Иван Васильевич (1924 - 1967гг.),

Гулимов Николай Иванович (1924 - 1969гг.).

12. Гуляев Николай Леонтьевич (07.05.1924 - 16.01.2003гг.) - мой родной дядя. (Жена – Стражникова Анна Петровна). ***Коммунист.***

Дата рождения: 07.05.1924г. Место рождения: Алтайский край, Павловский р-н, село Новообинцево.

Дата и место призыва: август 1942 года, Алтайский край, Павловский р-н, село Новообинцево.

С 1940 по август 1942г. Николай Леонтьевич работал трактористом в колхозе "Комсомолец", а в августе 1942г. был призван на фронт, проходил обучение курсантом в военно-пехотном училище г.Барнаула по февраль 1943г.

По окончании училища направлен на Северо-Западный фронт командиром отделения в 9-ю гвардейскую Краснознаменную стрелковую дивизию.

Дивизия состояла на 90% из солдат 18-20-летнего возраста, она была переброшена с Дальнего востока, где именовалась 78 стрелковой дивизией до октября 1941г.

1940-1941гг. Ребята и девчата 1924- 1925г.р. с.Новообинцево Алтайского края. (Гуляев Николай Леонтьевич, Иван Иванович Давыдов)

Гуляев Николай Леонтьевич
07.05.1924 - 16.01.2003гг

В 1941 году эта дивизия в тяжёлых кровопролитных боях стояла в обороне на Волоколамском шоссе и не пропустила немцев к Москве, после чего она, 26 ноября 1941 года за отвагу в боях, стойкость и мужество, была награждена орденом Боевого Красного Знамени и переименована в 9-ю гвардейскую Краснознаменную стрелковую дивизию.

Совет ветеранов бывшей 9-й
гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии.

г.Москва I июня 1977 года.

Уважаемый Василий Васильевич!

Посылаю на Ваше имя памятный Знак 9-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии, для вручения нашему однополчанину, отважному гвардейцу-минометчику ГУЛЯЕВУ НИКОЛАЮ ЛЕОНТЬЕВИЧУ, который в боях с немецко-фашистскими захватчиками проявил исключительное мужество, храбрость и отвагу по разгрому силы и техники врага на поле боя.

Спасибо ему за всё, что он воевал по гвардейски и как вожаку комсомольской организации, который служил примером смелости и отваги в бою и за что он держит высокое звание гвардейца-сибиряка и на мирном фронте строительства коммунизма в нашей стране.

Ветераны гвардейцы помнят о нём.

Большой ему привет от Совета Ветеранов 9-ой гвардейской стрелковой дивизии и от бывшего командира дивизии дважды Героя Советского Союза генерала армии Белобородова Афанасия Павлентьевича, и бывшего комиссара этой дивизии М.В. Бронникова.

С уважением председатель
Совета М.Бронников

В 1943 году дивизия пополнилась молодыми сибиряками из сёл и деревень Алтая и Новосибирска.

С февраля 1943 г. Николай Гуляев участвовал в боях на Смоленском направлении.

Из Воспоминания Бронникова Михаила Васильевича *- родился в 1903 г. В 1925 г. призван в Красную Армию. С 1930 г. - на политработе. Учился на курсах политсостава при военных академиях имени В. И. Ленина и имени М. В. Фрунзе.*

В боях за Москву М. В. Бронников — комиссар 78-й (9-й гвардейской) стрелковой дивизии. Награжден орденом

Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого II степени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды и многими медалями:

«***Впереди были коммунисты***

Не сосчитать славных боевых дел, которые были на счету отважного разведчика комсомольца Николая Гуляева. Расскажу об одном из них.

258-й полк, в котором служил старший сержант Гуляев, наступал в направлении деревни Холщевники. Сопротивление противника заметно усилилось. По всему было видно, что на помощь гитлеровцам дивизии СС «Рейх» прибыло пополнение.

Командованию требовалось установить, каковы были силы врага и наименования обороняющихся подразделений.

Следует отметить, что гитлеровцы действовали против нас осторожно. Нам, например, очень долго не удавалось захватить не только пленных, но даже и убитых – фашисты уносили их с поля боя. И тогда было решено поручить захват пленного разведывательной группе под командованием старшего сержанта Гуляева.

Группа состояла из 15 человек. Подобрали в нее самых смелых, ловких, физически сильных бойцов. Разведчики быстро собрались, незаметно прошли линию фронта и исчезли в темноте ночи. Ожидание было тягостным: слишком многое зависело от результатов их поиска.

В расположение противника разведчики пробрались ползком. Вскоре послышались выстрелы, раздались первые взрывы гранат. Завязалась сильная перестрелка, которая длилась целый час, затем стрельба внезапно прекратилась. Прошло еще немного времени, и вдруг во тьме появились силуэты наших ребят. В поклаже, которую они притащили, оказался живой фашист. Разведчики рассказали, как им удалось схватить его.

При подходе к дороге, идущей от Холщевников на запад, они увидели стоявшую колонну машин. Насчитали 20 грузовиков. Залегли. Наблюдением установили, что машины охраняют два человека. В кузове одной из машин из-под брезента заметили свет. Значит, заключили они, в ней люди. Гуляев приказал трем бойцам бесшумно снять одного часового, два разведчика по его сигналу должны были забросать гранатами машину с гитлеровцами. Девять бойцов оставались для прикрытия отхода.

Сам Гуляев с красноармейцем Коваленко решил захватить пленного. Разведчики долго ползли к часовому.

Наконец свалились в придорожную канаву и замерли. Гитлеровец стоял в нескольких шагах от них. Выбрав момент, Гуляев бросился к нему, накрыл плащ-палаткой, а Коваленко заткнул часовому рот.

Вдвоем стащили его в канаву, связали и дали условный сигнал бойцам, прикрывавшим отход. Тут же раздались взрывы гранат. На шум из деревни выскочила группа фашистских автоматчиков. С ними-то и завязалась перестрелка. 19 гитлеровцев было уничтожено, а один был доставлен в качестве долгожданного «языка»…
http://litfile.net/web/433855/485000-486000

В апреле 1943года, от разорвавшегося рядом снаряда, Николай получил тяжелое ранение в левое бедро, предплечье и был госпитализирован вначале в полевой госпиталь, а затем санитарным эшелоном отправлен на лечение в Новосибирский госпиталь. Но, раны были тяжёлые, и началось загноение, поэтому Николая сняли с поезда и госпитализировали в эвакогоспиталь №1706 города Свердловска, где ему было сделано несколько операций по извлечению осколков.

Через семь месяцев лечения в сентябре 1943 года 19-летний Николай, получив инвалидность, на костылях

Гуляев Николай Леонтьевич(слева). До ранения. 1943г.

Здание № 2 Свердловского горного института (пер. Университетский, 9),
где размещался эвакогоспиталь № 1706. (фото П. Робина)

вернулся на Алтай в родное село Новообинцево.

После такого тяжёлого ранения не пал духом Николай и не опустил руки, а устроился сначала счетоводом в колхозе, где почти сразу же молодежью села он был избран секретарем комсомольской организации колхоза, а уже в феврале 1944г. ему предложили работу инструктором в Шелаболихинском райкоме комсомола.

В ноябре того же года Николая избирали первым секретарем райкома ВЛКСМ.

А уже в июле1946г. он был назначен секретарем Шелаболихинского райисполкома.

Потом была учеба в Высшей Партийной школе города Барнаула (1 год в 1946-47гг.) и 4 года ВПШ с 1954 по 1958гг. в городе Новосибирске.

Затем Николай Леонтьевич получил направление на работу председателем Косихинского района, потом опять вернулся тоже председателем райисполкома в родной Шелаболихинский район.

А с 1 января 1963г. по май 1980 года Николай Леонтьевич - бессменный председатель Павловского райисполкома.

Постоянно избирался депутатом районного и краевого Советов народных депутатов.

Коммунист.

Свою трудовую деятельность закончил в 1987 году.

Николай Леонтьевич награжден тремя орденами: Красной Звезды, Великой отечественной войны 1 степени, Трудового Красного знамени и 11 медалями.

В его семье росли два сына и дочь.

13. Давыдов Иван Иванович (май 1924 - 10.11. 1957гг.) - родной брат моей бабушки. (Жена – Сушенцева Александра Ивановна)

Дата рождения: 1924г. Место рождения: Алтайский край, Павловский район, село Новообинцево.

Дата и место призыва: Алтайский край, Павловский район, село Новообинцево. Гвардии краснофлотец, в РККА с августа 1942 года.

Гвардии краснофлотец, в РККА с августа 1942 года.

Давыдов Иван Иванович (1924-1957гг.) (родной брат моей бабушки)

Гвардии краснофлотец, в РККА с августа 1942 года. ***Коммунист.***

Приказ флота (флотилии) № 3 от 26.04.1945г. о награждении медалью "За боевые заслуги" на основании наградного листа (стилистика сохранена):

"на "снарядной 1113 батарее 405 батальона Жел. Дор. Артиллерийского дивизиона гвардии краснофлотец Давыдов

Иван Иванович На батареи служит с 1942 г. за время службы показал себя, как снарядный отлично знающий свою боевую технику, мастерски применяет её в бою.

Благодаря отличного заряжания, снарядного Давыдова его орудие в составе батареи нанесло пр-ку следующие потери: 26.02.45г. при стрельбе по батареям пр-ка после 15 выстрелов на батареи был вызван взрыв большой силы, батарея пр-ка была подавлена. 05.03.45г. после 15 выстрелов орудием тов. Давыдова был разбит эшелон пр-ка на ст.Илмая.

Сгорело более 30 вагонов, пожар длился 30 минут. 05.03.45г. после 20 выстрелов был разбит второй эшелон пр-ка на ст. Палон. Самолет наблюдал большой взрыв и пожар".

После Победы краснофлотец Давыдов И.И. еще 3 года служил на Дальнем востоке, участвовал в войне с Японией.

В родную деревню вернулся в начале 1949г. Затем переехал с семьёй в соседнее село Шелаболиха Алтайского края.

В его семье рос сын – Валерий.

14. Гулимов Иван Васильевич (1924 - 1967гг.) - дядя моего отца.

Гулимов Иван Васильевич

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Гулимов Иван Васильевич

2. Звание Рядовой 3. Должность, часть тракторист Полевой Армейской Хлебопекарни № 25

представляется к Награде Медалью „За Боевые Заслуги"

4. Год рождения 1923 5. Национальность Русский

6. Партийность Член В.Л.К.С.М. 7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне /где, когда/ Ст. Ягодная, Курской области

8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне ранен в правую руку и правую ногу

9. С какого времени в Красной армии 12 Декабря 1941 года

10. Каким РВК призван г. Павловск Павловским Р.В.К.

11. Чем ранее награжден /за какие отличия/ Не награжден

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Гулимов Иван Васильевич, в 1943. год служил в 174 стрелковом полку, в Миномётном батальоне, Неоднократно участвовал в боях. против немецко-фашистских войск, 1-го Марта 1943 г. в боях под ст. Ягодное, Курской области, был ранен в предплечье правой руки и правую ногу, После излечения, врачебно-медицинской Комиссией признан годен к нестроевой службе, В Полевой Армейской Хлебопекарне № 25 служит с июня 1943 г. тов. Гулимов в 1943 г. 44 г. г. по своей личной инициативе собрал колесный трактор, что дало возможность выйти из затруднительного положения по размолу зерна и обеспечению частей достаточным количеством хлеба. В настоящее время т. Гулимов работает на тракторе, Не смотря на то, что правая рука после ранения осталась не трудоспособной, все-же т. Гулимов с работой справляется хорошо

На основании приказа № 0131 Войскам Белорусского фронта, представляется к правительственной награде Медалью За боевые заслуги

Нач. 25 П.Х. Капитан (Фролов) (Фролов)

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Гуляев Иван Васильевич
2. Звание мл. сержант 3. Должность, часть кол. р. трактор отдел. 25 Полевой арм. хлебопек представляется к Правительственной награде Орден „Красная Звезда"
4. Год рождения 1923 5. Национальность Русский
6. Партийность член ВЛКСМ билет 19770080 7. Участие в гражданской войне последующих боевых действий по защите СССР в отечественной войне / где, когда / В гражданской войне не участвовал Отечественной войне с 12 Декабря 1941 г.
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне имеет одно тяжелое и одно легкое ранение полученное 1 марта 1943 г. ст Людная Курской обл.
9. С какого времени в Красной армии с 12 Декабря 1941 года
10. Каким РВК призван Павловским РВК
11. Чем ранее награжден / за какие отличия / медалью „За боевые заслуги" за боевые операции
12. Постоянный домашний адрес (полностью) семьи и направления и адрес его семьи

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Гуляев И.В служит в 25 Полевой Армейской хлебопекарне с июня месяца 1943 года. В Декабре месяце 1943 года по своей инициативе собрал с тракторов полевой трактор, этим дал возможность выйти из затруднительного положения по размолу зерна и обеспечить частей достаточным количеством хлеба. Перемолотано зерна на муку за 1944 г 74726 пудов и проса на пшено 6100 пудов. За 1945 год зерна на муку 57767 пудов и пшеницы на крупу 3578 пудов. В настоящее время т Гуляев работает на тракторе, не смотря на то, что правая рука после ранения осталась не трудоспособной все же т Гуляев с работой справляется и просит представляется к Правительственной награде „Орден Красная Звезда"

Начальник ПАХ

Командир пр (Гуляев)

Дата рождения: 1924г. Место рождения: Алтайский край, Павловский р-н, село Новообинцево. ***Коммунист.***

Дата и место призыва: Алтайский край, Павловский р-н, село Новообинцево.

Красноармеец, в РККА с 12.12.1941 года.

Имеет боевые награды: медаль "За Боевые заслуги" (приказ № 541/н 06.10.1944г.) и Орден Красной Звезды:

1944г. - "*Гулимов Иван Васильевич в 1943 году служил в 174 стрелковом полку, минометном батальоне.*

Неоднократно участвовал в боях против немецко-фашистских войск. 1-го марта 1943 г. в боях под ст. Ягодное, Курской области был ранен в предплечье правой руки и правую ногу. После излечения, врачедно-медицинской комиссией признан годным к нестроевой службе.

В Полевой Армейской хлебопекарне № 45 служит с июня 1943г. Тов. Гулимов в 1943-44гг. по своей личной инициативе собрал колесный трактор, что дало возможность выйти из затруднительного положения по размолу зерна и обеспечению частей достаточным количеством хлеба. В настоящее время тов. Гулимов работает на тракторе. Не смотря на то, что правая рука после ранения осталась нетрудоспособной, всё же тов. Гулимов с работой справляется хорошо. На основании приказа № 0131 войскам Белорусского фронта представляется к правительственной награде медали "За Боевые заслуги". Нач. 25 ПХП капитан Герасименко".

В другом наградном листе было написано ещё об одном героическом подвиге Ивана Васильевича, спасшем тысячи жизней солдат, воюющих в окопах на передовой, описание подвига, достойного Ордена Красной Звезды (приказ № 867/н 31.05.1945г.):

1945г. - "*Гулимов И.В. служит в 25 Полевой Армейской хлебопекарне с июня месяца 1943г. в декабре 1943 года по своей инициативе собрал с трофеев колесный трактор, этим дал возможность выйти из затруднительного положения по размолу зерна и обеспечению частей достаточным количеством хлеба. Переработано зерна на муку за 1944 год 74725 пудов и проса на пшено 6100 пудов. За 1945 год зерна на муку - 57767 пудов и пшеницы на крупу 3538 пудов. В настоящее время тов. Гулимов работает на тракторе. Представляется к правительственной награде "Орден Красная Звезда". Начальник ПАХ капитан Герасименко*".

В августе 1945 года Иван Васильевич вернулся в родное село и, несмотря на ранения, проработал механиком в районной МТС почти 20 лет...

15. Гуляев Иван Архипович (14.05.1926 г. - 1996г.) – двоюродный брат моего отца. ***Коммунист.***

Дата рождения: 14.05.1924г. Место рождения: Алтайский край, Павловский р-н, село Новообинцево.

Дата и место призыва: призван на фронт летом 1944года, Алтайский край, Павловский р-н, село Новообинцево.

Номер наградного документа №86:

Дата наградного документа: 06.04.1985г.

Иван Архипович в октябре - ноябре 1944г. участвовал в боях в освобождении Латвии в районе городка Дебеле (недалеко от г. Риги), затем в начале декабря при освобождении латвийских городов Ауца и

Грабена был контужен, тяжело ранен в левую ногу и отправлен в госпиталь.

Гуляев Иван Архипович. (14.05.1926 г.-1996г.)

После долгого излечения весной 1945г. был комиссован и возвратился в родное село.

Награжден медалью "За Отвагу" и Орденом «Отечественная война 1 степени».

В его семье росли 6 детей.

==========

Известие об окончании войны, о полной победе над фашистской Германией, хотя и было долгожданным и ожидаемым, в то майское утро - явилось настолько неожиданным, как "гром среди ясного неба" разнеслось по всем сельским весям, вызывая у людей бурю восторга и слёзы радости вперемешку со слезами горечи о погибших родных и близких.

Равнодушных к общему ликованию по случаю окончания войны не было, все встретили Победу как избавление от тяжкого военного бремени, как начало новой мирной жизни, как надежду на новое, светлое и счастливое будущее.

В Барнаул с мая 1945 года стали прибывать разукрашенные, нарядные поезда с Победителями: солдатами и офицерами, в новом, чистом обмундировании при орденах и медалях: любо посмотреть! Встречали их тепло - родственники и близкие, и просто жители города, все со слезами на глазах, слезами от счастья, что закончилась война, что снова пришел мир...

Часть 3. Послесловие

Сегодня, рассматривая старые фотографии родственников - фронтовиков, меня охватывает чувство горести и уважения к ним.

Чувство Горести! Потому что их уже нет, а чувство уважения, потому что они были на самом деле обычные Советские Люди, вставшие на защиту своей Родины, на защиту своих жен и детей, и победившие сильного врага.

И в тоже время Они были – Герои!

И воевали, погибали, получали тяжёлые ранения и терпели все тяготы войны не за деньги, а за свою Советскую Родину и свои Семьи, за Идею и Веру в Добро и за Надежду на лучшую жизнь!

Они защищали Родину и участвовали в боях за освобождение городов СССР: Ленинград, Псков, Сталинград, Смоленск, Курск, Рига, Ауц и Грабен. И некоторые дошли до Берлина, освободив Европу и Германию от фашизма.

Фронтовики, вернувшись с войны, приступали к восстановлению разрушенного и трудились, не смотря на перенесённые военные невзгоды, ранения и потери, во имя светлого Социалистического будущего Родины!

Для нас - потомков!
А что сделали мы?..
Защитили Советскую Родину?
Или просто сдали в руки Капитала!?!

* * *

Земля еще стонет от ран и порезов,
Не все затянулись они.
Встречаем людей без ног, на протезах,
Как эхо прошедшей войны.

И скрип ремней искусственных ног
В нас болью в сердце отдается.
Солдат он, сделал всё, что смог -
Непросто Победа дается.

Рискуя всем, самим собой
Лишь веру в сердце сохраняя,
Он шел вперед, в смертельный бой,
Собою землю прикрывая.

И память в сердце пусть живет -
Ничто, и никого не забывая,
Пусть на планету мир придет,
Повсюду - от края и до края.
1985

Честь Вам – Герои Великой Отечественной войны, Уважение и Память потомков!
https://my.mail.ru/mail/vladimir.gulyaev.57/video/_myvideo/16.html
13.04.2017г. – 10.03.2020г.

с. Шелаболиха. Ветераны Великой Отечественной войны Шелаболихинского района Алтайского края. 1995г.

Содержание

Наименование	Стр.
Солдатская Любань. 1942	
Повесть	**3 - 117**
Коротко об авторе	5
Предисловие	6 - 8
Краткая информация о главном герое повести	9 - 10
Война. Любань (стихотворение)	11
Февраль 1945	12 - 17
Война	17 – 19
Мобилизация. 1941г.	20 - 27
Формирование дивизии	27 - 36
В деревне. 1941г.	36 - 44
Барнаул. 1941г.	44 - 50
На фронт	50 - 52
Волховский фронт. 1942г.	52 - 57
Первый бой	57 - 66
Ручьи. Апраксин Бор	66 - 71
«Подснежники» и дзоты	71 - 79
Майор Романовский	79 - 85
В деревне. Семья	85 - 90
К.Е. Ворошилов	90 - 98
Медсестричка Таня	98 - 104
В деревне. Весна 1942г.	104 - 108
Выход из окружения	108 - 116
Отзыв на повесть «Солдатская Любань. 1942»	117
Помнить и не забыть	**118 - 170**
Очерк	
Об очерке (отзыв)	119
Это наша история (предисловие)	120 - 122
Набат по миру (стихотворение)	122 - 123
Часть 1. Отцы	123 - 124
1. Гуляев Прохор Сергеевич	124
2. Гуляев Леонтий Сергеевич	124 - 130
Война. Любань (стихотворение)	130 - 131

3. Гуляев Фёдор Сергеевич 131 - 134
4. Кечин Семён Дмитриевич 134 - 135
5. Гулимов Иван Яковлевич 136 - 137
6. Кечин Яков Петрович 137 - 138
7. Калинкин Иван Гаврилович 138 - 139
8. Григорьев Александр Иванович 139 - 142
9. Леонтьев Василий Алексеевич 142
10. Мельников Михаил Романович 143 - 145
11. Синельников Кирилл Афанасьевич 146 - 151
Ветеранам (стихотворение) 151
Часть 2. Дети 152 - 153
12. Гуляев Николай Леонтьевич 153 - 159
13. Давыдов Иван Иванович 160 - 161
14. Гулимов Иван Васильевич 161 - 165
15. Гуляев Иван Архипович 165 - 167
Часть 3. Послесловие **167 - 169**
Содержание 170 - 171

Владимир Гуляев

Повесть
Солдатская Любань. 1942

Очерк
Помнить и не забыть

Типография Графикс г. Барнаул
Подписано в печать 22.06.2020 г. Формат 60х90/16
Гарнитура Book Antigua 12. Печать цифровая.
Автор – *Гуляев Владимир Георгиевич*
Редактор — Владимир Гуляев
Редактура — О. Турова
Компьютерная верстка В.Г.Гуляев
Тираж 100 экз. Формат 60х90/16
г. Барнаул
2020г.